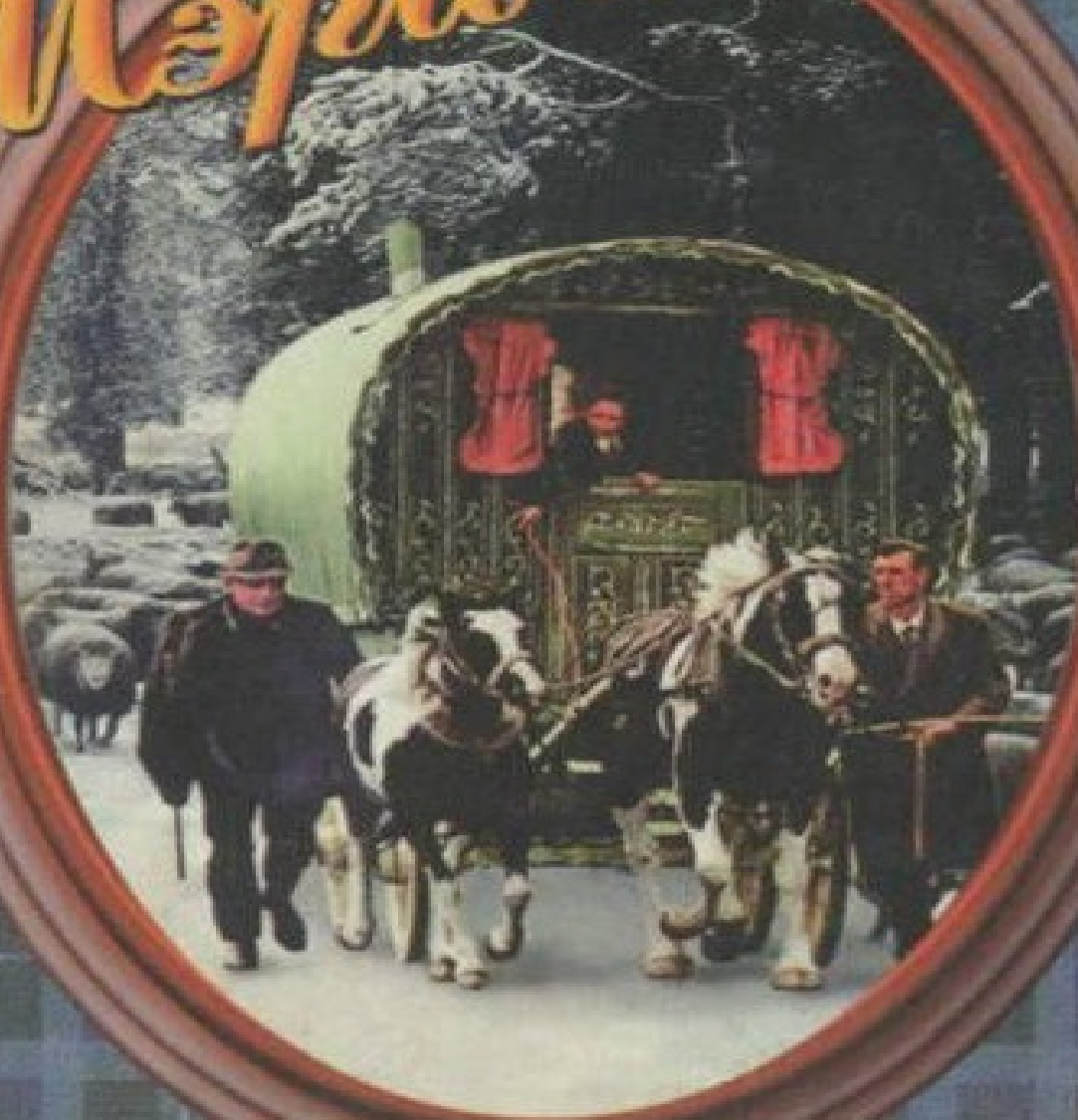

Мэри Тупер

ГОРЬКИЙ ВЕТЕР

1914 год. Жизнь в семье Бетони Изард идет своим чередом до тех пор, пока трех ее братьев не призывают в армию. Вильям, Роджер и Том сражаются во Франции, их будущее темно и неопределенно. Тяжкие испытания выпадают на долю семьи Изардов, проверяя на прочность человеческие связи.

- [Мэри Пирс](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
-

Мэри Пирс

Горький ветер

*Среди лесов, под кроной дуба,
Чьи корни мохом заросли,
О чем-то шепчутся друг с другом
Травинки, скрытые в тени.
Там птичий свист над головой,
Ручей журчит в траве густой,
И среди лип, в прохладной мгле
Склонилась яблоня к земле [Щ](#).*

Уильям Барнс

Если бы не сцена, которая произошла между их соседями по купе — дородной медсестрой и молодым человеком, напоминавшим клерка, Бетони и молодой офицер Майкл Эндрюс, сидевшие друг против друга всю дорогу от самого Падингтона, никогда и не завязали бы знакомства.

В Падингтоне вагон был переполнен. После Оксфорда он наполовину опустел. Медсестра села в Лонг Стоуне, а клерк в Милстоне, и она сразу же уставилась прямо на него, рассчитывая смутить молодого человека.

— Как вам не стыдно! — сказала она, когда он по глупости встретился с ней взглядом. — Здоровый молодой человек, в самом расцвете сил, полный энергии и годный к службе, и все еще в гражданском! Да уж! Мне было бы стыдно! Да, было бы!

— Это потому, что у меня астма, — сказал молодой человек, смущенно покраснев и спрятавшись за газетой.

— Они все теперь так говорят. По мне, вы выглядите достаточно здоровым, и если бы были настоящим мужчиной, то уже были бы капитаном и делали бы то, что делают другие доблестные солдаты.

Женщина взглянула на Майкла. Она ожидала его поддержки. Потом она наклонилась к клерку:

— Забавно, однако, как много случаев астмы обнаружилось за последнее время, не говоря уже о гастрите и странных случаях родильной горячки. Я бы назвала все это по-другому, если бы меня спросили!

Майкл уже больше не мог этого слышать.

— Мадам, успокойтесь! — сказал он резко. — Оставьте молодого человека в покое и попридержите язык!

Женщина была поражена, рот у нее открылся, обнажая зубы с прилипшими на них леденцами, которые она сосала.

— Вы не имеете права так со мной разговаривать. Если бы муж был со мной, вы бы просто не посмели так себя вести.

— Если бы ваш муж был здесь, он, я надеюсь, последил бы за вами.

— Ах, так! — воскликнула она. — Невероятно!

Она молчала всю дорогу, откинувшись на спинку сиденья и бросая гневные взгляды на

газету, за которой спрятался клерк. Майкл снова повернулся к окну, и Бетони взглянула на него с интересом. Прямые светлые волосы немного в беспорядке, загоревшая кожа, лицо с орлиным носом, усталые серые глаза и рот с морщинками в уголках. За четырнадцать месяцев войны она успела уже привыкнуть к этим молодым, но постаревшим лицам.

Поезд останавливался на каждой станции. Когда клерк и медсестра вышли в Сэлтоне, Майкл повернулся к Бетони.

— Мне очень жаль, но эта чертова женщина меня просто достала.

— Это новое развлечение — насмехаться над гражданскими, — сказала Бетони.

— Если бы она знала, что это такое, если бы она хоть пять минут побыла там, ее самодовольное румяное лицо уже не расплывалось бы в улыбке.

— Но ведь кто-то должен идти сражаться.

— Конечно, — сказал он как-то нетерпеливо. — Но здесь все такие самодовольные, слишком разговорчивые, высокомерные и чертовски хотят крови!

— Но чего же вы от нас хотите? — спросила Бетони.

Он улыбнулся.

— Чтобы все были спокойными... довольными... тихими... — сказал он, — беседуящими о крикете и рыбалке или урожае и о том, несутся ли теперь куры.

Бетони кивнула. Глядя на него, она чувствовала, что он очень устал.

— Вы были ранены, не так ли? — Она видела, как он неловко поворачивал плечо.

— Я ранен три раза, и вот опять как новенький. Просто заколдованный. Еще меня отравили газом во время последнего караула. Вот почему у меня такой грубый голос. Но не очень сильно, конечно, иначе бы я не рассказывал здесь свои истории.

— Вы в отпуске надолго?

— Пока не поправлюсь, возможно, на месяц.

— И куда потом?

— Опять слушать эту музыку.

— Как вы это выносите? — спросила Бетони восхищенно.

— У меня нет выбора, — сказал он, переводя разговор на нее. — Вы много путешествуете? — Он взглянул на ее чемодан, лежащий на полке.

— Достаточно много, но обычно не дальше Лондона. Я была там на одной конференции. Но в основном я езжу по центральным районам, слежу за условиями, в которых работают женщины на военных заводах.

— Вам это нравится?

— В какой-то степени да. В конце концов, это то, что делать необходимо. Но я всегда рада вернуться домой, в Коббз, где царят покой и тишина.

— Коббз? Где это?

— В Хантлипе, рядом с Чепсвортом.

— Я сам живу в Чепсворте, — сказал он. — Оттуда до Хантлипа можно прекрасно прогуляться. Могу я как-нибудь навестить вас?

— Конечно, приходите познакомиться с моей семьей, — ответила Бетони. — Я не могу поручиться, что они будут говорить о крикете, но кто-нибудь непременно вспомнит кур.

— В войне есть одна прелесть: мы можем быстро познакомиться, даже с противоположным полом.

Но он почувствовал, что, даже не будь войны, она не отказала бы. Она была спокойна, уверена в себе, прямолинейна и искренна с ним, а внешне очень приятна: с чистыми

голубыми глазами и очень светлыми волосами. В ней была та безмятежность, к которой он стремился.

— Расскажите мне о своей семье, — попросил он.

На вокзале в Чепсворте Джесс Изард уже ждал дочь, готовый с важностью, присущей моменту, нести ее чемодан и сумку. Его честное лицо сияло, как и всегда, когда он приветствовал ее возвращение домой. Его гордость за дочь еще более возросла, когда она представила ему Майкла Эндрюса.

— Капитан Эндрюс будет навещать нас, папа. Он хочет посмотреть мастерскую плотника.

— Да, конечно, — сказал Джесс, пожимая руку Майкла. — Добро пожаловать. Вы тот самый капитан Эндрюс, что из Кингз-Хилл-хауса?

— Да, тот самый, — сказал Майкл. — Оттуда, прямо за станцией.

— Я как-то ставил вам новую изгородь на выгоне. Давно, еще когда был жив ваш отец.

— Вам, наверное, было бы приятно узнать, что она еще стоит.

— Еще бы, — сказал Джесс. — Она сделана из отличной древесины.

Его чувство собственной значительности не знало границ. Он расхаживал с важным видом. Эндрюсы были людьми известными. Они жили в Чепсворте многие годы. Но сегодняшнее торжество Джесса было несколько омрачено. Вместо маленького нарядного пони с коляской на станции их ждал старый фургон с мешками стружек и опилок, запряженный понурой лошастью по кличке Кольер.

— Во всем виноват твой дед, — сказал Джесс ворчливо. — Он взял коляску, чтобы ехать в Апхэм. И прочистив горло, обратился к Майклу: — Мы можем подвезти вас, капитан?

— Спасибо, я лучше прогуляюсь немного.

Он постоял на тротуаре, помахав им вслед. Джесс помахал в ответ, немного смутившись.

— Как ты думаешь, он отказался ехать из-за этого фургона?

— Ну конечно же, нет, — сказала Бетони. — Он не такой сноб, как ты, папа.

Сидя рядом с ним, она сжала его руку, как бы ободряя. Он не всегда мог понять, когда его дразнят.

Старый дом в Коббзе был тихим и спокойным в окружении дубов и вязов. Из плотницких мастерских сюда не доносился никакой шум. Теперь по субботам работу заканчивали в двенадцать часов. Только старик Тьюк всегда находил себе какую-нибудь работу.

— Вы покрасили вывеску, — заметила Бетони, когда они проезжали мимо ворот мастерской. Фамилии Изарда и Тьюка сияли свежей черной краской на белом фоне. — Что происходит, когда меня нет даже несколько дней!

— Это молодой Том сделал. У него хорошо получается покрасить что-нибудь. У него это от бедного покойного папаши.

В большой кухне мать накрывала на стол. Когда Бетони вошла, она остановилась и приветливо улыбнулась ей. Ее беспокойный взгляд предупредил Бетони, что кто-то прячется за дверь. Она рывком открыла ее и прижала маленького братишку, Дика, который уныло вошел, держась за нос.

— А, они тебе сказали! — протянул он с досадой. — А я собирался напугать тебя!

— Ты слишком любишь пугать людей, — сказал Джесс. — Вот, отнеси-ка сумку наверх

к сестре.

— Нет, не нужно, — сказала Бетони. — Там есть кое-что, что я покажу вам, когда все соберутся.

— Она привезла подарки, — сказал Дик.

Ему было только пятнадцать, он еще был слишком маленьким и дожидался возвращения сестры дома. А вот Вильям и Роджер, сохраняя мужское достоинство, не спеша вошли немного позже.

— Хорошо съездила? — спросил Вильям.

— Держу пари, еле тащились, останавливались на каждой захолустной станции, — сказал Роджер.

— А что было в Лондоне, когда ты увидела этих шишек?

— Твоей сестре поручили важное дело, — сказал Джесс. — Она заведует целым регионом.

— Это как раз для Бетони, — сказал Дик, — учить народ, что и как делать.

К обеду бабушка Тьюк вышла из гостиной с очками на лбу. Старый Тьюк вернулся из Апхэма, где он приценивался к лесу, который так и не купил из-за высокой цены.

— Пользуются положением! — сказал он, ругаясь. — Они пользуются сложившимся положением, куда ни сунься.

— Где Том? — спросила Бетони.

— Опаздывает, как всегда. Мы начнем без него.

— Думаю, ухаживает за кем-нибудь, — сказал Дик.

— Скорее всего, пьет в «Розе и короне».

— Он плохо кончит, этот парень. Как и его отец, — сказала Тьюк, разыскивая повсюду свои очки. — Кругом одни пройдохи. Что общего у порядочного парня с этими пройдохами?

— Наша Бетони познакомилась с молодым человеком, — сказал Джесс. — С капитаном Эндрюсом из Кингз-Хилл-хауса. Они разговорились в поезде, и он, вероятно, придет к нам в гости.

— Один из этих денежных мешков?

— Все из горчицы слеплены, — сказал старик, — а теперь они живут как поместные дворяне.

— Капитан хороший парень, — сказал Джесс. — Чудесный молодой джентльмен, очень честный.

— Он будет думать о себе Бог знает что, — сказал Вильям с набитым ртом, — он же носит форму и все такое.

— Да нет же, нет! — воскликнула Бетони. — Разве он какой-то особенный?

— Да такой же, как и мы все, — сказал Вильям.

— Ну конечно! Ты рискуешь жизнью каждый день в мастерской, когда берешь молоток или стамеску!

— Ах, вот как?! — возмутился Вильям. — Теперь нам откроют глаза на правду! — Его лицо побагровело, а синие глаза вспыхнули. — Ты хочешь, чтобы и я надел форму и отправился на фронт жить в окопах, как крыса?

— Нет, я не хочу, — сказала Бетони. — Мне просто не нравится, как ты насмехаешься над теми, кто там воюет.

— И мне тоже, — сказал Дик. — Я бы пошел хоть завтра, если бы меня взяли.

— И я, — сказал Роджер. — Я такого же роста, как другие парни в восемнадцать.

— Давай, удачи тебе! — сказал Вильям. — Вы оба еще просто молокососы и не знаете, что к чему.

Он вскочил с места и, если бы мать не оборвала его, выбежал бы из комнаты.

— Сядь, Вильям, и перестань заливать стол чаем. Мы не будем спорить на эту тему, как, впрочем, и на другие Роджер, отрежь отцу хлеба.

Вильям сел за стол, все еще сердитый. Остальные заговорили, чтобы сгладить неловкое молчание. Слова матери было частенько вполне достаточно, чтобы все успокоились. У нее были та же сила характера, что и у деда, и собственное спокойствие и выдержка. Именно она была главой дома, как дед в мастерских.

В Кингз-Хилл-хаусе Майкл понежился часок в ванне и теперь, надев серые фланелевые брюки и белую рубашку, расчесывал волосы перед зеркалом в спальне. Позади, на полу, там, где он ее снял, лежала его форма.

В дверь постучала мать. Она вошла, наблюдая, как сын надевает твидовый пиджак.

— Дорогой! Тебе не годится твоя старая одежда. Ты так похудел. — Она повернулась к скомканной одежде, лежавшей на полу, и подняла его рубашку. — Майкл, это не дело — так обращаться с королевской формой!

— Пусть король сам надевает ее и его приближенные.

— Ты шутишь, конечно, — сказала мать, бросив рубашку с содроганием. — Я тебе не верю!

— Я совершенно серьезен, мама, — сказал он. — Теперь ты, вероятно, поймешь, почему так приятно снова надеть простую одежду.

— Твой слуга за тобой плохо смотрел?

— Это не его вина. Ничего нельзя поделать. Мы там все одинаковые — вшивые, как ежики.

— Но ведь ты был в госпитале. Конечно.

— Меня от них избавили. Но личинки выживают, чтобы вылупиться на другой день.

— Боже мой! — сказала мать. — Я бы не пережила, если бы это началось и здесь.

— И я бы тоже. Там довольно плохо, на фронте.

— Бедный мой мальчик! Как я неразумна. Что мне делать с твоими вещами?

— Оставь их. Я отнесу их поварихе и попрошу сжечь в старой печке. Через несколько дней что-нибудь получится.

Вернувшись в комнату позднее, он застал мать за работой: она разбрызгивала дезинфицирующий раствор.

— Ты уходишь, дорогой? Не забудь, что обед в семь.

— Не забуду. Я просто хочу сходить в город выпить чего-нибудь.

— В пивной? — удивилась мать. — Но в гостиной есть много разных напитков.

— Мне хочется холодного пива.

— Я беспокоюсь, что ты идешь в этой одежде. Знаешь ли, люди часто бывают враждебно настроены против гражданских.

— Я знаю. Сегодня в поезде я был свидетелем такого отношения.

Рассказав матери об этом случае, он не умолчал и о Бетони.

— Она разъезжает по стране, занимаясь помощью женщинам, работающим на военных заводах. Поразительно, чем теперь занимаются девушки. Они прорываются и показывают сильный характер.

— Дочь плотника, ты говоришь? Как необычно!

— У нее не было гвоздей во рту или карандаша за ухом, мама.

— Не нужно быть таким чувствительным, дорогой. Я не думаю, что это та девушка, которая нужна тебе, вот и все. Но если я ошибаюсь, то, может быть, ты пригласишь ее на чай?

— Ты заходишь слишком далеко.

— Ну, вероятно, это не лучшая мысль. Продукты теперь слишком трудно достать, знаешь ли. Угощение стало большой проблемой.

Майкл улыбнулся, увидев, какой обед готовился на кухне. Мать, правильно поняв его улыбку, заметила мягко:

— Сегодня совершенно особый случай. Обычно мы так не едим.

— Извини, мама. Не обращай внимания. Дня через два я не буду таким кислым.

Идя по городу, он почувствовал себя так хорошо, что даже боль от раны доставляла ему некоторое удовольствие. Он чувствовал себя чистым, каким-то неземным. Даже настроение казалось физически осязаемым: запах хризантем в садах, вид каштанов, пламенеющих красным и желтым, звук больших часов на башне собора — он ощущал все это каждой клеточкой тела.

Когда он сидел в баре «Лебедь», потягивая чепсвортский эль, четверо работников сели за столик с хозяином и завели разговор о турнепсе и озимых. Он улыбался самому себе и жадно ловил каждое слово, пока какой-то пожилой мужчина не втянул его в спор о достоинствах домашнего хлеба.

А дома, в Кингз-Хилл-хаусе, встревоженная мать думала о том, когда же кончится война. Кажется, у Майкла появился вкус к низкому обществу.

Фруктовый сад в Коббзе был в полной силе. Яблоки были такими тяжелыми, что многие ветки склонились к самой земле, и Бетони, которая бродила между деревьями, часто приходилось нагибать голову. Она не помнила, чтобы когда-то был такой урожай. Она трогала яблоки пальцами — большие зеленые, и шершавые красные, и те пурпурные, которые очень нравились осам. Она как раз выбирала одно для себя, когда заметила Майкла, идущего к ней из дома.

— Я встретил вашего брата Вильяма, — сказал он. — Он рассказал, где вас найти.

— Он был вежлив с вами? — спросила Бетони.

— Да. А почему вы спрашиваете?

— Он последнее время не в настроении. Против войны и против военных.

— Значит, его чувства точно совпадают с моими.

— Думаю, он чувствует себя виноватым в том, что не пошел добровольцем.

— Скоро все решится в его пользу. Когда придет повестка.

— Бедный Вильям, — вздохнула Бетони. — Он так любит дом, и семью, и работу в мастерской. Он любит, чтобы все было в чистоте и порядке. Он просто возненавидит эту грязь, и путаницу, и потерю... — Она взглянула на Майкла. — Когда все это кончится? — спросила Бетони. — И где, где?

Майкл пожал плечами. Он знал, что должен сказать что-то успокаивающее: что немцы разбиты и это лишь дело времени — разгромить их окончательно. Такое настроение внушалось командованием. Но сам он чувствовал, что война будет продолжаться долго. Он не видел выхода. Ни одна сторона не одерживала победу. Не было иного пути, кроме

полнейшего уничтожения. Возможно, именно поэтому он так устал от войны. Но как только он поправится, его прежний оптимизм наверняка вернется.

— Она должна кончиться когда-нибудь где-нибудь, — сказал Майкл. — Но не спрашивайте меня когда. Я не стратег, я только подчиняюсь приказам, в основном с закрытыми глазами, и делаю все, чтобы остаться в живых.

Они прогуливались по саду, и он заметил, как колышутся ее юбки, скользя по траве, когда они наклонялись, проходя под ветвями. На Бетони было темно-красное платье с черными воланами, и глядя, как кружатся юбки при каждом повороте, он знал, что будет вспоминать этот рисунок, когда бы он ни думал о ней.

— Вы говорили, что покажете мне мастерские.

— По воскресеньям они закрыты, дедушка Тьюк за этим строго следит.

Но она все же показала ему здания мастерских. Когда-то, много лет назад, когда Коббз был фермой, в нем был хлев и конюшни. Во дворе лежали дубовые и буковые доски, сложенные крест-накрест с подложенными под них планками, чтобы воздух продувал и просушивал их. Она показала ему пилы и лебедки, склад лестниц и оград, кормушек и детских кроваток. И она рассказала ему все, что знала о деле, которое начал в 1850 году старый Вильям Тьюк, еще когда был девятнадцатилетним парнем и едва мог скопить достаточно денег, чтобы купить первые инструменты. Сейчас в мастерских работало двенадцать человек. Или могли бы работать, если бы двое не ушли в армию.

Они гуляли и разговаривали, пока не спустились сумерки и отец не пошел искать их, чтобы сказать, что ужин уже готов, и предложить капитану поужинать с ними.

Они уселись в большой кухне под низкими темными балками, за длинным столом, покрытым белой накрахмаленной скатертью. Собралось девять человек. Целый клан домочадцев. Десять, сказали ему, если считать и Джени, которая вышла замуж за Мартина Холта и жила теперь на соседней ферме в Энстере. Сам Майкл был единственным ребенком, и ему нравилось сидеть в окружении большой семьи. Ему хотелось теперь принадлежать обществу этих людей, разделяя силу, которую давало им единство. Он частенько чувствовал себя одиноко в собственном доме.

Во главе стола сидел Вильям Тьюк, который хорошо видел и хорошо слышал, несмотря на то что ему пошел уже восемьдесят пятый. А рядом с ним по левую руку сидела Кейт Тьюк, вдова его сына, близорукая и странноватая, которую молодежь называла бабусей. В конце стола сидела Бет, дочь Кейт, миловидная женщина со свежим лицом. Ее пшеничные волосы были заплетены в косу, уложенную вокруг головы. Она смотрела на всех спокойным взглядом синих глаз, следя за тем, чтобы каждому досталось то, что он хотел. Рядом с ней сидел ее муж, Джесс, такой же светловолосый, как и она. Не было ничего удивительного в том, что эта пара произвела на свет таких здоровых и красивых детей.

Но среди присутствующих был один чужак, парень по имени Том Маддокс, черноволосый и темноглазый, со впалыми щеками и темной кожей цыгана, сложенный необыкновенно изящно. Он был очень тихим, удивительно спокойным и, несмотря на то что он был одним из клана, все же оставался каким-то посторонним, чутким и внимательным, погруженным в свои мысли и отзывающимся только тогда, когда заговаривали с ним. Он на самом деле был белой вороной — сирота, которого взяли в семью и воспитывали с остальными детьми с девятилетнего возраста. Он держался особняком, как одинокая птица.

— Видите, он не наш, видите? — сказал маленький Дик, обращаясь к Майклу. — Мама так и не смогла отмыть его.

— Том ухаживает за девушкой, — сказал Роджер. — Ты знал об этом, папа? Это Тилли Престон из «Розы и короны».

— Это правда, Том? — спросил Джесс с важным видом родителя. — Если это так, то не стоило ли тебе спросить моего совета?

— Нет, — ответил Том, — это неправда.

— Ну, Тилли Престон очень к нему благосклонна. Она налила ему пинту пива бесплатно, когда он сидел там вечером в пятницу.

— А это еще одна вонючая ложь!

— Ты бы последил за тем, что говоришь перед посторонними людьми, Том.

— Ну, — сказал дед, — капитану приходилось слышать кое-что похуже, полагаю.

— Да, в самом деле, — сказал Майкл. — Правильно говорят — «ругается, как солдат».

— Но вы же не солдат? — спросил Дик. — Кто вы? Мы не видели вашей формы.

— Пехотинец, — ответил Майкл. — Второй батальон полка трех графств.

— Вероятно, вы видели военные действия?

— Во Франции сейчас действия идут полным ходом.

— Эти французы! — вдруг сказала бабуся, надевая очки, чтобы взглянуть на Майкла. — Вы им покажите, что почем, и научите уму-разуму!

— Ты о чем это? — спросил ее дед. — Они ведь наши союзники, как и бельгийцы.

— Союзники? — спросила бабуся. — Не думала, что им пришлось быть на нашей стороне!

— Давайте не будем говорить о войне — Майклу этого и так хватает, — предложила Бетони.

— Ему не нравится говорить об этом? Он отличается от большинства, — сказал Вильям.

— Давайте поговорим о курах, хорошо ли они несутся последнее время.

— О курах? — удивился Дик. — На кой черт говорить о курах?

— Это такая же хорошая тема, как и другие, — Бетони улыбнулась через стол Майклу.

После этого он часто приходил в Коббз. Для него это место стало привычным. Семья приняла его, даже Вильям.

Отдав долг матери, с которой он ходил на маленькие вечеринки, позволяя показывать себя в новой форме, он переоделся в удобную одежду и отправлялся на прогулку за город, где ел хлеб с сыром и пил пиво в тихих пабах [\[2\]](#). Он не мог нарадоваться этим дням и частенько в конце дня приходил в Хантлип, в старый дом в Коббзе к Бетони, которая заканчивала работу в шесть часов.

Как-то вечером они гуляли в лесу Милери, в миле от дома, на северном берегу ручья Деррент. Уже сгущались сумерки, и когда они взбирались вверх по тропинке, то заметили неподвижную фигуру, стоящую в тени.

Было что-то жуткое в неподвижности человека, и Майкл мгновенно почувствовал себя снова во Франции, ползущим ночью вдоль покинутых людьми окопов, где на каждом повороте он мог наткнуться на патруль неприятеля. Словно мороз по коже продрал. Он чуть было не набросился на человека и не ударил его. Но Бетони сказала:

— Том, это ты? — и ее приемный брат шагнул на тропинку. Дыхание Майкла стало нормальным. Капельки пота выступили у него на лбу и на губах.

— Да, я, — проворчал Том и поплелся к ручью Деррент, засунув руки в карманы.

— Удивительный парень! — сказал Майкл. — Чего он хотел, когда прятался в темноте?

— Для Тома это вполне нормально. Он всегда был ночным существом.

— Кстати, он не следил за нами?

— Боже мой, нет! — засмеялась она. — Может, барсуки или даже лисы следили. Может быть, он затаился, подстерегая фазана. Но он никогда не стал бы следить за людьми. Они ему недостаточно интересны.

— Может, у него свидание? С той девушкой, о которой говорил Роджер.

— Надеюсь, нет, — сказала Бетони. — Тилли Престон неряха.

Она всегда защищала Тома. Майкл это и раньше замечал. Ему казалось странным, что она так относилась к парню, чье поведение по отношению к ней было всегда грубым или безразличным. Он немного знал историю Тома. Он был незаконнорожденным, а бабуся говорила о дурной наследственности.

— Дурная наследственность! Какая чушь! — возмутилась Бетони. — Я во все это просто не верю. У отца Тома был ужасный характер. Он убил жену в пьяной ссоре, а потом повесился. Тому было двенадцать месяцев от роду, он был кожа да кости, потому что о нем все забыли. Потом его воспитывала бабушка Изард. О нем хорошо заботились, но все же он был диковат. Это и сделало его странноватым. Ничего общего с дурной наследственностью.

— Вы просто преданная защитница.

— Поначалу я была с ним жестока, — сказала она. — Когда бабушка умерла и Том пришел к нам, я превратила его жизнь в страдание.

— Каким образом?

— О, изводила его из-за родителей... давала понять, что он не нужен...

— И ваши братья тоже?

— Нет, только я. Я была ужасно злобная.

— Этим объясняется, почему вы стали защищать его. Вы пытаетесь загладить, искупить свою вину.

— Думаю, да. Хотя Тому никогда ничего от меня не нужно, и самое глупое то, что он на меня ничуть не злится.

— Вы в этом уверены? Он очень грубый.

— Он все еще не доверяет мне, — сказала Бетони, — и я не могу обвинять его за это.

Когда они вышли из леса на пригорок, их встретил золотой лунный свет, который засиял на лице Бетони. Она выглядела спокойной. В ее взгляде, который встретился со взглядом Майкла, лучилась улыбка. Но когда он поднял руку, чтобы дотронуться до нее, пока она стояла вот так, в лунном свете, она быстро зашагала прочь по тропинке.

— Я слышу звук поезда в Стикинбридже... Это значит, что скоро начнется дождь...

Теперь сад в Коббзе выглядел совершенно иначе. Яблоки уже собрали, и ветви, освобожденные от тяжелой ноши, снова поднялись. Изгороди убрали, а овцы Мартина Холта теперь паслись на пастбище. Листья быстро опадали, светясь желтым на высокой траве.

Майклу казалось, что дни текут сквозь пальцы. Его месячный отпуск почти закончился. Ему хотелось улучшить момент и просить время остановиться. Остановить тот миг, когда Бетони стояла под сливовым деревом, поднявшись на носочки и пытаясь дотянуться до шарика клейкого сока, повисшего на ветке, как янтарная бусинка, вся залитая солнцем.

Но что толку в том, чтобы просить время остановиться и вернуть прошлое? Все живущее должно взять то, что можно. Иначе жизнь невысказана. Была ли Бетони, поднимавшая руки к небу, так уверена в себе, в том, что солнце идет по небу быстрее с каждым днем?

Почувствовав его рядом, она быстро обернулась, опустив руки. Она смеялась, и у него перехватило дыхание; она вспыхнула, и смех стих, когда она взглянула на Майкла и прочла болезненную мольбу в его глазах. Его руки касались ее лица, шеи, волос, она шагнула назад, отталкивая его. Глаза Майкла остались неподвижными. Она пыталась придумать, что бы сказать, но он заговорил первым.

— Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. Немедленно. Сейчас же. Я думаю, что смогу получить специальное разрешение.

— Нет, Майкл. Слишком скоро. Я не знаю сама, хочу ли я этого.

— Я знаю, что чувствую сам. Я несколько не сомневаюсь.

— Но возможно ли это? Мы знаем друг друга только восемнадцать дней! Может быть, потом, когда война закончится...

— Для меня может не быть потом.

— Ты не должен так говорить! Нельзя говорить такие вещи.

— Все равно это правда. Ты знаешь, какие там шансы выжить? Я уже живу в долг.

— Поэтому ты женишься на мне так скоро, чтобы уйти и оставить меня вдовой?

— Нет! Я знаю, это глупо, но я чувствую, что если у меня будет твоя любовь, она сохранит меня. Черт возьми, я знаю, что со мной ничего не случится!

Он знал, что играет ее чувствами, и когда увидел жалостное выражение ее лица, ему стало стыдно.

— Вот что с нами делает война! Превращает в презренных существ, умоляющих, требующих от людей любви. Извини, Бетони. Не суди меня слишком строго. Давай забудем об этом и попытаемся стать такими, как прежде.

Он взял ее за руку, и они пошли к дому, тихо беседуя о простых вещах. Но все это время он пытался угадать, что она чувствует по отношению к нему. Он смотрел на нее, как на свою защиту, слепо полагаясь на Бетони.

В каменном загоне позади дома Джесс Изард наливал воду в два деревянных бочонка. Он видел, как Бетони с Майклом шли через сад, но притворился, что ему что-то попало в глаз. Когда они вошли, он поднял бочонки и пошел в сыроварню, где его жена разливала мед.

— Капитан, кажется, втюрился в нашу Бетони. Как думаешь, чем это кончится?

— Может, да, а может, и нет. — Впервые у Бет не было твердого мнения. — Бетони такая девушка, которой трудно будет отдать кому-то руку и сердце.

Частенько, когда Том сидел в «Розе и короне», кто-нибудь приносил кусок дерева и просил его вырезать птицу, или рыбу, или зверя, а сегодня Тилли Престон, дочь хозяина паба, принесла старую кленовую пивную кружку, чтобы он вырезал на ней ее портрет.

Он возился с ним полчаса, работая только маленьким ножичком, но лицо на кружке было точной копией Тилли: широко расставленные глаза под красивыми бровями, маленький прямой нос с выдающимися ноздрями; красивые губки немного приоткрылись, обнажая зубы; завитки спускались на лоб.

Пока Том работал, он не слышал шума вокруг себя. Роджер, наблюдавший за проворными пальцами Тома, сожалел о том, что у него нет и половины той ловкости, с которой Том занимался резьбой.

— Ты сделал меня какой-то плоской, — жаловалась Тилли, держа кружку в руках. — И все же признаю, что ты заслужил пинту пива.

Она налила кружку до краев, и Том осушил ее одним махом.

— Вот это дельная мысль, Том, — сказал Билли Ратчет. — Разом, пока не опустеет!

— Это все, что ему причитается? — спросил Оливер Рай. — Он что же, не получит поцелуя и ты не обнимешь его?

— Давай же, Том! Тилли сговорчивая.

— Может, он боится, — предположил Хенри Таппер. — Может, он не знает, как это делается?

— Может, тебе нужно несколько указаний, Томми, малыш? От тех, у кого есть опыт в этом деле?

Том ничего не сказал. Он вытер губы тыльной стороной ладони. Лицо его пылало, и он не мог взглянуть на Тилли Престон. Но она сама наклонилась к нему и, когда Билли Ратчет подтолкнул Тома, обвила руками его шею. Ее маленькая грудь прижалась к нему, лицо медленно приблизилось, и губы мягко коснулись его губ.

Компания выразила свою поддержку. Стаканы застучали по столам, и вдруг наступила тишина. Девушка выпрыгнула из его объятий и повернулась к отцу, который стоял в дверях с мрачным видом.

Эмери Престон был хорошо сложенным мужчиной. Его грудь напоминала одну из его бочек. И когда он направился к хрупкому Тому, казалось, что это бульдог несется на гончую.

— Если я еще раз увижу, что ты дотронулся до моей дочери, я заставлю тебя пожалеть о том, что ты родился!

— Отец! — сказала Тилли, дергая его за руку. — Ты не должен так разговаривать с моими друзьями!

— Помолчи, а то твоя задница познакомится с моим ремнем! Ты должна ухаживать за Харри Йеллендом. Я не позволю тебе пугаться с этим Маддоксом.

— Почему? Чем плох Том? — спросил Роджер, с жаром защищая брата.

— Я знал его отца! — сказал Эмери. — Он был самым гнусным скотом в Хантлипе и однажды ударил мою мать за то, что она не дала ему выпивки в кредит.

— Когда это было? Это предупреждение нашему Тому, который уже получил свою!

— Каков отец, таков и сын, так что я не стану пробовать, — сказал Эмери. — Имейте это в виду и держите его подальше от моей дочери!

— Не беспокойтесь! — сказал Роджер. — Мы будем держаться подальше от вас и от вашей дочери, и катитесь вы оба ко всем чертям! — И взяв Тома за руку, он повел его к дверям. — Пойдем, Том, выпьем еще где-нибудь. Есть немало мест и получше этого.

За дверями Том выдернул руку у Роджера и засунул кулаки в карманы. Он повернул за угол, и Роджер пошел следом.

— Не обращай внимания на Эмери Престона. Кого он волнует? Или его Тилли?

— Только не меня, — сказал Том. — Я на них не сержусь.

— Мутная водица, вот в чем штука.

— Но все-таки он сказал правду. Мой отец был не больно хорош. В этом можно не сомневаться. Он убил мать в Колоу Форде, а потом пошел и повесился на дереве.

— Что из этого? Это старая история, только и всего. Ты же не станешь переживать из-за нее?

— Я не стану, — сказал Том. — А вот других она очень волнует, не меня.

Иногда он пытался представить себе отца: пьяница, бросающийся в ярости на людей, отчаявшийся, предмет для общественного палача. Но он никак не мог нарисовать его себе.

Это была просто история, и человек в этой истории был безликим, бестелесным.

Мог ли он представить себе мать? Да, наверное. Иногда он вспоминал белые руки, которые она протягивала к нему, теплые руки, нежно и благодарно касающиеся его тела. Но воспоминания, если это действительно были воспоминания, всегда ускользали, когда он пытался ухватиться за них, и оставалась только черная пустота.

— Пошли в Чепсворт, — сказал Роджер. — Выпьем в «Бражниках». У них там есть кегельбан.

В пабе на Лок-стрит на стене висел цветной плакат, изображавший собор в Лувейне после его захвата врагом. Это было личным впечатлением художника и изображало немецкую кавалерию, которая устраивала конюшню внутри церкви. Один солдат разбивал статую мадонны о стену. Другой разрывал священные облачения. Несколько других сжигали деревянные статуи, включая изображение Христа, благословляющего хлеба и рыбу, чтобы вскипятить котелок на треноге. Несколько бельгийцев, в основном пожилых мужчин и женщин, толпились у разбитых дверей, закрыв лица ладонями.

— Я пытался представить себе, что это Чепсвортский собор, и он лежит в руинах, и солдаты ломают все, что попадется.

— Ты ведь не религиозен, Том?

— Нет, но все равно это жестоко.

— А как же быть, когда убивают людей? Это куда как хуже, чем разбивать статуи.

— Конечно, — согласился Том. — Люди более важны, чем статуи.

Но он ненавидел саму мысль, что все эти резные фигурки бросали в костер только затем, чтобы вскипятить котелок для немецких солдат.

— Ты пошел и что сделал? — спросил Джесс. — Ты не сказал, что записался в армию!

— Да, — сказал Том, — все верно, записался добровольцем. Сегодня в три часа.

— А ты? — спросил Джесс, уставившись на Роджера. — Ты наверняка не сделал того же?

— Они не возьмут меня, не поверят, что мне восемнадцать.

— Господи Боже мой! — сказал дед. — И одноглазый бы увидел, что у тебя молоко на губах не обсохло.

— Они записали мою фамилию, — похвастался Роджер. — Когда будет нужно, они меня вызовут.

— Когда будет нужно, — сказал Джесс с облегчением. — Ну, тебе будет восемнадцать еще только через год. К тому времени война, конечно же, кончится.

— Хорошо бы! — согласился дед. — Эта проклятая штука слишком уж затянулась.

— Так, значит, Том должен идти? Просто не верится! — Джесс с сомнением посмотрел на жену. — Как ты думаешь, должны мы его отпускать или, может быть, ты собираешься решать сама, что ему делать?

— Мы не можем удерживать его, — сказала Бет. — Ему уже давно исполнилось восемнадцать, и он взрослый мужчина. Если бы все зависело от моего слова, эта война уже закончилась бы, так и не начавшись. — Она посмотрела на Тома, стоявшего напротив. — Когда ты должен отправиться в казарму?

— Сержант сказал, они пришлют повестку.

— Ты правильно сделал, что записался, — сказал дед. — Я только рад, что этого не сделал наш Вильям.

Том ушел проведать пони в стойле, и там его нашла Бетони, которая узнала новости от родителей.

— Почему ты пошел и записался вот так, не сказав никому ни слова?

— Я просто решил так, вот и все.

— Ты думаешь, легко быть солдатом?

— Не знаю, я не думал об этом.

— Ты, наверное, был выпивши, как всегда.

— Наверное, — он пожал плечами.

Как она ни старалась, Бетони так и не удалось сблизиться с ним. Он только отвечал на ее вопросы. Так было всегда, с самого начала, с тех пор, как он пришел в Коббз, когда она заставила его почувствовать себя изгоем и уйти в себя, подобно тому, как краб прячется в своем панцире. Казалось, ничто не могло изменить его теперь. Он никогда не поверит, что она просто заботилась о нем.

— Я не могу представить себе Тома солдатом.

— Кажется, ты переживаешь, — сказал Майкл, — а он ничем не отличается от других добровольцев.

— Том знал так мало счастья. Было бы жестоко, если бы его убили.

— Но разве он не был вполне счастлив в вашей семье?

— Но он не узнал *радости*, — сказала Бетони.

— Многим ли знакома радость?

— Думаю, немногим, да и то мимоходом.

Они гуляли в саду Кингз-Хилл-хауса. Бетони осталась на чай и выдержала допрос матери Майкла. Но мысли ее витали где-то далеко.

— Для таких людей, как Том, должны быть какие-то особенные радости, — сказала она, — хотя я и не знаю, какие именно.

— Ты, кажется, не замечаешь, как грубо он с тобой обращается все время.

— Потому что знаю, что я заслужила это.

— Ну, довольно! — возмутился Майкл. — Не может быть, чтобы ты относилась к нему так плохо.

— Ты не знаешь. Тебя там не было. Дети бывают очень жестоки.

— Это было очень давно.

— Все равно я чувствую себя виноватой.

— Я рад, что дело только в этом. А то я уже начал опасаться, что ты влюблена в него.

— Но я *на самом деле* люблю его! — сказала Бетони. — Я очень люблю его и молю Бога, чтобы мне удалось заставить его доверять мне. Он совершенно одинок в этом мире, и все же я не могу приблизиться к нему, я ничем не могу помочь ему. Да, я люблю его. Я действительно очень люблю его!

И вдруг она заметила выражение глаз Майкла.

— О нет! — сказала Бетони. — Это совсем не то! Совсем не та любовь. Как мне заставить тебя понять?

Она не могла видеть его столь несчастным, поэтому поднялась и поцеловала, обняв его голову руками.

— Ты не должен так смотреть, — сказала она. — У тебя нет повода быть таким печальным.

— Бетони...

— Да, да, я знаю.

— Ты что-нибудь чувствуешь ко мне?

— Конечно. Как ты можешь спрашивать?

— Ты чувствуешь то же, что и я?

— Дай мне время, я буду чувствовать то же.

— Время, — повторил он. — Время!

Но она обещала ему, а это стоило куда больше, чем если бы она просто уступила. Он сказал ей об этом, взяв ее руку и поднеся ее к губам. Теперь в его глазах не было отчаяния.

Миссис Эндрюс, наблюдавшая за ними через стеклянные двери, покорно вздохнула. Было очевидно, что эта девушка его поймала.

Ближе к концу отпуска Майкл прошел медицинскую комиссию. Раненое плечо совсем зажило, последствия отравления газом не были заметны. Он был годен к службе.

— Вам очень повезло, — сказал пожилой врач. — У вас отличное здоровье. Но все же я не стал бы испытывать ваши легкие. Так что, по крайней мере, шесть месяцев вы будете служить в Англии. Потом мы вас снова вызовем.

Сердце Майкла забилося. Шесть месяцев в Англии! Он едва мог в это поверить.

— Вы разочарованы? — сухо спросил доктор.

— Думаю, что переживу это, — сказал Майкл.

— Вы заслужили передышку. Жаль, что не могу дать ее всем, кто прошел через мои руки. Но я должен отправлять их снова на фронт, где им свернут шею.

Майкл вернулся домой, чтобы насладиться последними днями отпуска, дожидаясь назначения.

— Теперь я спокойна, — сказала мать. — Может быть, все это закончится до того, как ты будешь готов отправиться на фронт.

— Может, и кончится. Никто не знает.

Шел ноябрь тысяча девятьсот пятнадцатого. Война должна закончиться рано или поздно. Почему бы не надеяться на лучшее?

Наступил новый год, принеся с собой новые надежды. Тысяча девятьсот шестнадцатый. Что-то было за этим. С самого начала ожидали чего-то особенного, и британцы собирались с силами, готовясь к новой попытке.

Теперь Майкл находился в Йелмингхэме. Его прикомандировали к десятому батальону, и он занимался обучением новобранцев.

Каждые три-четыре недели у Тома, который теперь обучался в Кэплтон Уике, бывал выходной, и семья привыкла видеть его в военной форме. Дик по-прежнему смеялся над его худыми ногами, замотанными в портянки, но старик Тьюк полагал, что Том выглядит лучше.

— Они сделали из тебя человека, парень. Тебя научили ходить прямо, а не болтаться, как деревенщина. Да, дисциплина вещь полезная.

В начале апреля Том был дома в последний раз. Ему дали суточный отпуск. Еще трое парней из Хантлипа должны были отправиться вместе с ним, и им устроили шумные проводы в «Розе и короне». Тилли Престон почти весь вечер повисела на руках Тома, и ее отец впервые ничего не сказал по этому поводу. Дома его также проводили застольем, выпив за его здоровье бутылку крепкого домашнего вина, приготовленного Бет, и подарив на прощание карманную Библию.

— Ты правда не знаешь, куда тебя отправляют?

— Нет, нам не сказали, но ребята думают, что во Францию.

— Как бы там ни было, — сказала бабуся, — всегда помни, чью форму ты носишь.

Поздно вечером Том покидал семейную вечеринку. Бетони вышла во двор. Камни у нее под ногами были холодными. Она заметила свет в старом сарае, где Том держал хорьков. Когда она вошла, он держал двух зверюшек в руках. Огрызок свечки стоял на сквозняке, так что свет мерцал на его лице, то освещая, то погружая во тьму его резко очерченные скулы и подбородок, темные глубокие глаза. Пламя плясало и прыгало, пытаясь сорваться с фитиля.

— Ты посмотришь за хорьками, пока меня не будет?

— Но почему именно я?

— Ребята забудут. К тому же они не слишком их любят.

— Я и сама их не очень-то люблю. Противные вонючие твари. Но я присмотрю за ними, обещаю тебе.

Она была очень удивлена тем, что он доверил ей это дело. Никогда раньше он не просил ее об одолжении. Ей было очень приятно, и она погладила зверьков в руках у Тома.

— Думаю, ты считаешь, что идешь на прогулку.

— Да, конечно, простая проказа.

— Или же на охоту со стариной Чарли Бейли.

— Я знаю, что это такое. Я читаю газеты.

— Ты ведь напишешь нам и сообщишь, как твои дела?

— Я не большой специалист по части писем.

— Ну, хорошо. Я сама напишу тебе, — сказала Бетони, — и это мое второе обещание тебе.

Том только пожал плечами. Он нащупал бородавку за ухом у Ниппера. Это могло быть чем-то серьезным, нужно приложить какое-нибудь лекарство. Он показал ее Бетони и заставил потрогать, объяснив, что нужно делать, если бородавка станет больше.

Там, во Франции, в окопах, любые письма были настоящим сокровищем и их читали снова и снова. Их хранили до тех пор, пока они не протирались на сгибах, но иногда даже после этого склеивали. Все письма, кроме самых интимных, давали читать остальным, и письма Бетони были в числе любимых, потому что в них было много смешного. А поскольку они были адресованы «лично Гос. Маддоксу», вскоре Тома окрестили Тоссом.

— Мы не можем называть тебя Томом, — сказал Пекер Дансон. — Мы тут все томми [3]!

— А она какая, эта твоя Бет? У нее хорошая фигура? — поинтересовался Биг Гловер. — Я люблю девушек в теле, чтобы там с формами. Блондинка, говоришь, и симпатичная? Мягкая, нежная и милая такая?

— Нет, — сказал Том и, вспомнив что-то, слегка улыбнулся.

— Что значит нет?

— Я бы не назвал ее милой и нежной.

— Хочешь сказать, что она просто мегера?

— Ну, немного: любит покомандовать, знаете ли.

— Нам бы следовало знать, кое-где встречаются и такие. Боже, избави нас от женщин, которые любят командовать!

Но их разочарование длилось недолго. Они не имели ничего против Бетони. Она стала

для них талисманом.

— Иногда это совсем неплохо — командовать, — сказал Боб Ньюэз. — Жаль, что ее нет с нами. Она бы вовремя доставала еду.

— Спроси Бет, не выйдет ли она за меня, когда я вернусь в Англию, хорошо? — попросил Биг Гловер. — Скажи, что у меня рост шесть футов и четыре дюйма и я очень даже ничего. Только не говори ей про родинку на левом локте. Я придержу ее, как сюрприз.

— У нее уже есть парень, — сказал Дансон. — Офицер из второго батальона. Правильно, Тосс? Его зовут Эндрюс?

— Да, верно, — ответил Том.

— Черт бы его побрал! — выругался Биг Гловер. — Вся удача достается офицерам.

— Вполне понятно, — согласился Руфус Смит. — Бет не то что Тосс. Она образованная. Это заметно по тому, как она пишет письма.

— Когда я об этом думаю, мне становится смешно, — сказал Пекер Дансон, закашлявшись. — Как она написала в прошлый раз о девушках, которые в Ковентри пишут на снарядных гильзах! Начинаю сожалеть о том, что я не артиллерист. Я мог бы познакомиться с одной или двумя.

Дождь лил, не переставая. Стенки окопов обваливались, как только люди пытались восстановить их. Они стояли по колено в ледяной воде, наполняя мешки меловой жижей.

— Почему ты никогда не играешь в карты, Тосс? Почему ты никогда не ругаешься и не материшься?

— Ему незачем делать это, старина Пекер, потому что ты делаешь это за двоих.

— Да он вообще не человек, никогда не ноет и не ворчит Ты что, не чувствуешь, что вода мокрая и холодная, Тосс, как чувствуют другие парни?

— Я стараюсь не думать об этом, — сказал Том.

Каким-то образом ему удавалось не замечать и холодный дождь, и усталость. Он умел уходить в себя, в свои мысли, в то время как его тело двигалось автоматически и руки продолжали работать. Хотя, когда его спрашивали, о чем он думает, он не мог ответить.

— О том же, о чем и вы, полагаю, — говорил он.

— Ну, тогда ты просто маленький грязный щенок, если у тебя такие же мысли, что и у нас.

После долгого пребывания в Эбютерне, которое должно было приучить их к обстрелу, их расквартировали в Бокени. Погода улучшилась. Десять дней их усиленно тренировали, в основном на солнце.

— Но почему штыки? — удивился Гловер во время передышки. — У нас что, кончаются патроны?

— Этим утром я видел генерала, — сказал Ричи. — Первый раз с тех пор, как попал сюда.

— Ты не видел верховного главнокомандующего?

— Да откуда мне его знать? Разве что знаю, он одет в защитную форму.

— А кто верховный главнокомандующий? — спросил Пекер Дансон.

— Разрази меня гром, если знаю. Может, кто-нибудь еще знает?

— Чарли Чаплин, — рассмеялся Гловер.

— Миссис Панкхерст, — сказал Руфус Смит.

— Энгус Джок Маконоши.

— «Александр Рэгтайм Бэнд».

— Эй, сержант! — Боб Ньюэз окликнул проходящего мимо них сержанта. — Кто командует Британским экспедиционным корпусом?

— Я! — отозвался Граймз. — А мой подчиненный — генерал сэр Дуглас Хейг.

— Хейг! — сказал Ньюэз. — Нам виски причитаются?

Сержант с сочувствием посмотрел на него:

— Вы хотите сказать, что не знаете, кто такой верховный главнокомандующий? Вы просто невежда, Ньюэз, вот вы кто.

— Да, — согласился Ньюэз, печально кивнув. — Я чертовски невежественный, поэтому мне дадут три нашивки, если я не буду внимательнее.

— Ну, хватит об этом, — сказал Граймз без всякой злости. — Не то я заставлю вас попрыгать за ваши дерзости.

Не все инструкторы были такими, как Граймз. Сержант Таунчерч, к примеру, был совершенно другого склада. Он любил выбрать кого-нибудь послабее и унижать его перед остальными. Одним из таких ребят был валлиец по имени Эванс, маленький худой человек с впалой грудью, у которого было плохо с легкими. Ньюэз говорил, что такому в армии вообще нечего делать.

— Эванс? — удивился Таунчерч во время одной из учебных атак. — Ты, значит, шахтер из Уэльса? Другими словами, поганый лодырь! Мы о вашем брате тут наслышаны. Они там собираются бастовать за повышение оплаты, пока мы здесь надрываемся и воюем с Гансами!

Эванс ничего не ответил. Глаза у него были потускневшие, а кожа словно покрыта шпукатуркой. Он никак не мог отдышаться, потому что Таунчерч заставил его бежать почти вдвое больше других с вещмешком, винтовкой, саперной лопаткой и двумя связками гранат.

— Как ты попал в батальон трех графств? Они что же, набирают лодырей и в Королевский уэльсский полк? Или даже в погранполк Южного Уэльса?

— Оставьте его в покое, — сказал Том. Он стоял рядом с Эвансом и слышал, как тот тяжело дышал. — И если бы он был лодырем, то не был бы сейчас здесь.

Таунчерч подошел и остановился напротив Тома. Он смерил его взглядом.

— Ты тоже вонючий валлиец? Нет? Может, и нет. Тогда цыган? Именно на них ты похож. Как, могу я узнать, твое дурацкое имя? Маддокс. Хорошо. Будь уверен, я не забуду.

Таким образом Том и Эванс стали жертвами. К счастью, их пребывание в Бокени было недолгим. Учения были прерваны, и шестой батальон отправили на передовую, под Мари Редан. Эванс попал в отделение С, в один взвод с Томом, Ньюэзом, и когда их сержант был ранен шрапнелью, его место по какой-то несчастливой случайности занял Таунчерч.

Том не часто писал письма домой, и хотя он всегда писал их очень прилежно, они редко бывали больше чем на полстранички. «У меня все в порядке. Вашу посылку я получил. Как там Ниппер и Слип и мастерские?» Больше сказать было нечего. Цензор просто вымарал бы это. Поэтому он писал про овсянку, которая пела в кустах «Немного хлебушка и не надо сы-ы-ра» точно так же, как она пела в Англии. Он вкладывал цветы вероники между страничками. Каждый день он поражался тому, что в Пикардии росли те же цветы, что и на полях и лугах дома.

— Дела не так уж плохи, — сказал Джесс Бетони, — если у Тома есть время собирать цветы.

В Англии кончался май, и скоро должны были расцвести июньские розы. Погода была

замечательная. В Энстере начался сенокос, и по вечерам Джесс с сыновьями уходили на поля, помогая Джейн и ее мужу с покосом. Вильяму уже исполнилось восемнадцать. Джесс за него немного волновался.

— У тебя не будет неприятностей, сынок, если ты останешься дома, когда пришла повестка?

— Мне все равно, я не собираюсь идти.

— Если Вильяму нужно работать на ферме полный день, то его могут освободить от службы, — сказала Джейн.

— Мне все равно, освободят меня или нет, я просто не пойду, — сказал Вильям. — Не я начал эту проклятую войну, так почему я должен побросать инструменты и идти воевать?

— Да, но представь себе, что тебя посадят в тюрьму.

— Им придется попотеть, чтобы сначала поймать меня!

Вскоре как-то Вильям и Роджер поехали в Чепсворт, чтобы отвезти туда лестницы. Роджер ненадолго исчез, а когда вернулся, весь сиял от радости.

— Я ходил в призывную комиссию. На этот раз меня взяли, даже не стали задавать вопросов.

— Ты с ума сошел, болван? Ты не имеешь права! Ты еще несовершеннолетний.

— Если я выгляжу на восемнадцать, то, значит, мне уже есть восемнадцать. Я намного сильнее, чем те парни, которых я сегодня видел.

— Я пойду туда и попрошу вычеркнуть твое имя из списков!

— Если ты это сделаешь, — сказал Роджер, — я убегу на юг и запишусь там.

Вильям понял, что Роджер так и сделает. С минуту в нем кипела ярость, потом он снова успокоился.

— Ну, хорошо, — согласился он, — если один из нас идет, то мы идем вместе.

— Но ты ведь не хочешь! — сказал Роджер.

— Я не позволю тебе уйти без меня. За таким ребенком, как ты, нужно присматривать.

К тому же каков я буду, как ты думаешь, если уходит мой младший брат, а не я?

Поэтому Вильям и Роджер записались вместе и вместе лома выступили, пытаясь уговорить родителей.

— Не волнуйся, мама, — сказал Вильям. — Я буду заботиться о Роджере так же, как и ты, и я сделаю так, чтобы нас не разлучили.

В том же месяце они были уже в Поткауэне, в учебном лагере королевской артиллерии.

«Если подумать, то здесь не так уж плохо, — писал Вильям домой. — На самом деле я думаю, что мне это подходит». И в конце письма, в небрежном постскриптуме: «Вчера утром я был лучшим в стрельбах. Инструктор говорит, что я прирожденный артиллерист. Мне могут сразу же дать нашивку, если все пойдет по плану».

Теперь, когда он стал солдатом, Вильям просто не мог не быть хорошим солдатом.

Однажды в майское воскресенье Бетони ездила в Лондон, где весь день провела с Майклом. Он выглядел лучше, окрепшим и отдохнувшим, но когда она сказала об этом, его глаза потемнели и его передернуло.

— Я здоров практически на сто процентов. А это значит, что меня скоро отправят за границу.

— Ты уверен? — спросила Бетони. — Уверен, что уже здоров, я хочу сказать.

— Ты сама только что сказала это.

— Я сказала, что ты хорошо выглядишь, но ведь я не врач.

— Конечно, нет. Но их полным-полно, и они меня осматривают снова и снова. —

Потом он вдруг спросил: — Как дела на военных заводах?

— Ужасно, — сказала она. — Вчера я была в Бирмингеме — там делают снаряды.

Производительность труда невероятная, и так повсюду, куда бы я ни приехала.

— Вот как! Если нам есть что выбрасывать, мы еще чего-нибудь добьемся.

— Что-нибудь должно произойти? — спросила Бетони. — Большое наступление?

— Ш-ш-ш, — сказал он, улыбаясь. — Откуда я знаю, что ты не шпион?

Они пили чай в «Трокадеро». Он передал ей через стол свою чашку и украдкой наблюдал, как она наливает чай. В спокойном выражении ее лица было что-то, что удивляло его всякий раз, когда он смотрел на нее. Казалось, она сама не знает, как она улыбается, как выглядит и какая она вообще. Нет, он не ошибся. Он очень хотел ее.

— Бетони, тебе непременно нужно вернуться сегодня в Чепсворт?

— Да. Мне нужно быть в восемь утра в Гридпорте.

— Ох уж эта твоя работа! — сказал он. — Хоть однажды ты могла бы опоздать?

— Нет, Майкл. Боюсь, что нет.

— Ты бы осталась со мной, если была бы свободна?

— Я никогда не бываю свободна больше одного дня.

— Ты просто пытаешься пощадить мои чувства. Очевидно, ответ был бы «нет». — Он отвел взгляд и уставился на сахарницу на столе. — Я хочу, чтобы ты знала, — сказал он медленно, стараясь быть осторожным, — я не пытаюсь заигрывать с каждой женщиной, которая мне встречается.

— Ты имеешь в виду тех, из Йелмингхэма?

— Ты бы просто поразились, узнав, что нас, офицеров, всегда рады видеть во многих домах. Все это призвано испытать наше моральное состояние. В Гейнесе есть одна знатная леди, которая слишком серьезно относится к своей задаче.

— Ты пытаешься заставить меня ревновать?

— Допивай, — сказал он. — Нам надо поторапливаться, если мы хотим успеть на поезд.

Он доехал с ней на такси до вокзала и всю дорогу непринужденно болтал, пока не подошел ее поезд.

— Передавай привет своим. И не забудь позвонить моей матери: ей просто не терпится узнать тебя получше.

К концу мая его признали годным к службе и приказали присоединиться к своему батальону. У него был суточный отпуск, и в одиннадцать утра в субботу Майкл прибыл в Чепсворт. Позавтракав с матерью, он пошел в Хантлип, но Бетони дома не было. Она уехала по важному делу в Стаффорд, и ее ждали не раньше чем в воскресенье.

— Когда в воскресенье? — спросил Майкл.

— Мы точно не знаем, — ответил Джесс. — Видите ли, она поехала не на поезде, а на специальном автобусе с какими-то важными людьми.

— Я могу ей позвонить?

— Я не думаю, — сказал Джесс, и его синие глаза широко открылись. — Правила!

Майкл оставил записку и вернулся домой. Оставшийся отпуск пролетел незаметно, бесполезно и пусто. Мать пыталась сделать вид, что не замечает его состояния. Она очень боялась за него. Трижды раненный, он снова отправлялся в зону боевых действий. Ей казалось несправедливым, что одних и тех же молодых людей снова и снова посылают на

фронт.

И в то же самое время ей было приятно видеть его в форме, с тремя звездами на погонах и тремя знаками ранения на рукаве. Она гордилась им, потому что это был ее сын и потому что он одним из первых откликнулся на призыв родины. Она не могла упрекать его за молчаливость и пожаловалась только тогда, когда он не захотел, чтобы она проводила его на станцию.

— Это все из-за той девушки? — спросила мать. — Дочери плотника? Она приедет туда?

— Я не знаю, получила ли она мою записку.

— Если нет, то ты будешь уезжать совсем один.

— Посмотрим, — сказал он. — Я бы лучше попрощался здесь.

— Хорошо, как хочешь. Я буду молиться за тебя, сынок, и постоянно думать о тебе.

— Ладно, — он наклонился и поцеловал мать. — У меня может не быть времени помолиться за себя.

Его поезд отправлялся в девять вечера. Он уже отходил, когда Бетони выбежала на платформу. Она сразу же увидела его и побежала навстречу, пытаясь коснуться его руки, когда он наклонился к ней, высунувшись из окна. Их пальцы на мгновение сплелись, коротко обменявшись теплом и нежностью. Поезд набрал скорость и разделил их. Бетони побежала рядом, Майкл смотрел на нее полным боли взглядом, его губы шевелились, но он не мог произнести ни слова. Ему хотелось открыть дверь и выпрыгнуть. Она становилась все меньше и меньше и, наконец, оказалась на самом краю платформы.

— Майкл, береги себя, береги себя! — кричала она, и он услышал ее за шумом локомотива. — Возвращайся живым! Я буду ждать тебя!

Ночь он провел в Лондоне, где услышал много разговоров о готовящемся наступлении даже среди персонала гостиницы. Он рассказал об этом Морису Тремирну, капитану второго батальона, который тоже остановился в «Кенилворте».

— Даже мальчишка, который чистит сапоги, знает о наступлении. И в газетах полно намеков. Мы вполне можем послать кайзеру телеграмму с точным указанием места и времени!

— В этом-то все и дело! — сказал Тремирн. — По тому шуму, который мы подняли, немцы никогда не поверят, что наступление действительно произойдет, как ты не понимаешь!

Майкл отвернулся, поймав взгляд своего нового денщика. Ловелл был сама осторожность, но его взгляд был весьма выразительным.

Три дня спустя они прибыли в свой батальон в Бетюн. Майкл был рад увидеть знакомых. Шесть месяцев — долгий срок. Он старался не думать о тех, кого не стало. Он старался не считать, сколько их было.

— Господи, да ты отлично выглядишь! — сказал Лайтвуд. — Я тебя еле узнал.

— Много новых ребят пришло, и не все они безнадежные, — сказал Эшкот. — Вот этот, например, неплохой парень. Он привез последние граммофонные пластинки. — И он показал на молодого офицера, стоявшего рядом. — Его зовут Спарри. А мы зовем его Уид.

— А какой теперь тут старший офицер? Хороший человек или так себе?

— Хороший, очень серьезный, просто отец наш. С уважением относится к человеческой природе, с нами обращается почти как с живыми существами.

— И что тут теперь творится?

— В основном мы удерживаем канал. Это почти наверняка ясно. Говорят, готовится большое наступление и скоро мы уже будем спать во дворце кайзера.

— А у него есть дворец? — спросил Спарри.

— Я уверен, черт возьми, что он живет не в блиндаже.

— Четыре мили, — сказал Майкл, прислушиваясь к орудиям, которые стреляли из Живанши. — Кажется, что ближе.

— Это потому, что тебя здесь не было. Ты привык к тишине дома в Англии. Что ты там делал все это время? Мариновал лук?

— Занимался горчицей, а не маринадом, — сказал Майкл. Он уже привык к шуткам по поводу семейного бизнеса. — Но я никогда и близко не подхожу к фабрике, если это зависит от меня.

— Горчица! Ну конечно! Это объясняет твое знаменитое хладнокровие под огнем. Ты всю жизнь был крепкий и горячий.

— Кроме того, я не все время сидел в Чепсворте.

— Ты развлекался в Йелмингхэме, везучий черт. И все же я полагаю, ты рад снова быть в центре событий. Должно быть, в Англии сейчас довольно опасно среди всех этих женщин, которые водят трамваи.

На следующий день они были на линии фронта, в секторе Куинши Майкл принял командование отделением В. Сержантом у него был некий Билл Минчин, ветеран боев под Мопсом и Фестюбертом, человек, которого невозможно было огорчить, как говорил Лайтвуд; говорил он спокойно, и глаза его были почти всегда неподвижны. Почти все прибыли в отделение недавно, но они смотрели на Майкла как на новичка.

Под командованием Минчина отряд ночью копал новые траншеи. Прошел дождь, и утром, когда Майкл принимал законченную работу, на дне окопа стояла вода. Люди, бродившие по нему, решили, что сойдет и так, но Майкл отдал приказ немедленно положить доски.

— Он один из таких, да? — возмущался парень по имени Биддл. — Думает, что нас надо побольше загружать!

Минчин похлопал его по плечу.

— Может, у тебя на ногах перепонки, Биддл. Но не всем так повезло.

В этот день двое погибли под обстрелом и двое были ранены. Одним из раненых оказался рядовой Биддл. Его унесли с глубокой рваной раной от пупка до ребер. Когда его проносили мимо Минчина, он тихо сказал:

— Я, кажется, уже отвоевался, сержант?

— О нет! — сказал Минчин. — Ты немного полежишь, вот и все. Тебя отправят в Блайти. Ну, разве это не ответ на твои молитвы?

Биддл ему поверил. В его глазах зажглась новая надежда. Он откинулся на носилки, улыбаясь.

— Несите, ребята, — сказал он санитарам, — хирурги ждут.

— Он будет жить? — спросил Майкл у Минчина позднее.

— Не знаю, сэр, но вера творит чудеса, говорят.

Однажды во время редкой передышки в Анискене один младший офицер, который бродил по развалинам пекарни, наткнулся на старый вражеский снаряд, что ржавел там

больше года. Парня разорвало на куски.

— Дурное тут местечко, — сказал Спарри Лайтвуду в тот вечер. — Не нравится оно мне. У меня мурашки по коже бегают.

Ему было всего девятнадцать. Он пришел в апреле вместе со своими друзьями Хэптоном, Чаллонером и Уаттом. Теперь все трое были убиты. Уатт оказался тем человеком, которого убил старый «спящий» снаряд.

— Тебе не нравится Ла-Басси? — спросил Хантер-Хейнз, как будто обидевшись. — Не может быть!

— Как насчет небольшой прогулки к кирпичным отвалам? — поинтересовался Эшкот, похлопав Спарри по плечу. — Там можно найти кучу сувениров... Пулю в голову, например.

— Смотри на вещи с плохой стороны, Уид, — посоветовал Спенсер, — тогда каждый день покажется наградой.

— Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю, — сказал Лайтвуд, — хотя должен сказать, что на утверждение завещания уйдет уйма времени.

— А ты почему молчишь, Эндрюс? — заметил Эшкот.

— Готов держать пари, у него есть внутреннее знание, — сказал Лайтвуд. — Как у тебя это получается, Эндрюс, старина? У тебя есть свое ухо у полковника?

— У меня есть ухо Минчина. Он здорово ориентируется в разных слухах.

— И что же предсказывает всеведущий Минчин?

— Передвижение на юг в ближайшем будущем.

— Никаких подробностей, кроме этого?

— Боюсь, никаких.

— Ну, ладно, — сказал Лайтвуд. — Не думаю, чтобы само начальство знало намного больше. По-моему, они еще не воткнули булавку в карту.

После окопной жизни они снова вернулись в Бетюн, где занимались двухнедельными учениями. Теперь им официально сообщили о начале наступления в тридцати милях к югу, у Сомма.

— И нас туда отправят? — спросил Спарри.

— Чтобы свернуть себе шею, — сказал Эшкот, — но не сейчас, я надеюсь.

— Почему не сейчас?

— Недалеко от мыловарни есть одна чудесная девушка, и я собираюсь заполучить ее, вот почему.

Восьмого июля с наступлением темноты батальон высадился на станции Лиллерс и ночью направился на юг. Рано утром они прибыли в Салу и оттуда девять миль прошли маршем до Сен-Совура.

После угольных шахт и шлаковых отвалов Артуа Пикардия была просто очаровательной. Район, еще едва затронутый войной, край фруктовых садов и зеленых пшеничных полей, где по обочинам дорог алел мак и воздух был свежим, чистым и сладким.

На каждой ферме, в каждой деревушке люди оборачивались и смотрели им вслед. Какой-то пожилой человек поклонился с почтением, затем выпрямился и отдал салют. Старуха вытирала слезы передником. Ребятишки бежали рядом.

— Томми! Томми! Soldats anglais!

— Оторвете пуговицы, — ворчали солдаты, когда маленькие руки дергали их за рубашки.

Люди устали. С каждой пройденной милей они становились все более молчаливыми.

День был жарким, и они шли в облаке густой белой пыли, от которой пересыхало во рту и мучила страшная жажда. В Сен-Совуре они остановились на отдых: поесть и попить перед еще одним восьмимильным маршем к берегам реки Анкр.

Наконец они пришли в Векмон, который сиял в сгущающейся темноте своими огнями. Здесь они остановились. Люди падали прямо на дорогу, а офицеры отправились организовывать ночлег. Жители Векмона были не слишком довольны. Они стояли неподвижно, с безучастными лицами. Но когда полчаса спустя к городку подошел батальон горцев Глазго, играющих на трубах, их встретили приветственными возгласами.

— Вот зачем мы здесь, — сказал Майклу один из офицеров. — Нашествие шотландцев весьма полезно для морального климата. Оно даст жителям отличную встряску, и нам, англичанам, конечно, тоже.

— Нахальные ублюдки, — сказал Лайтвуд, когда горец с важным видом прошел мимо. — Щеголяют своей пестрой одеждой!

Весь следующий день они простояли в Векмоне. Люди смогли отдохнуть после семнадцатимильного перехода и подготовиться к новому. Они вышли рано на следующее утро и, чтобы их не обогнали шотландцы, бодро прошли по деревне.

— Может, у нас и не будет воющего кота, бегущего впереди, — сказал своим людям сержант Минчин, — но мы и так хорошо идем.

— Старый добрый батальон трех графств! — раздался голос из колонны. — Особенно Леоминстер!

В Морланкуре, в восьми милях западнее, они снова остановились на суточный привал. Люди сдали все ненужное снаряжение, в том числе и шинели. Теперь они совсем близко слышали пушечную пальбу. Жителей не было видно, некоторое время назад их эвакуировали. До наступления темноты, в двенадцать, они прошли еще три мили к Бекорде, вблизи старой линии фронта 1914 года. Там они соединились с другими батальонами, и вся бригада вошла в лагерь.

Утром Майкл вместе с другими командирами отправился на холмистую гряду под названием Калу, откуда была видна зона боев, в миле или чуть дальше, находящаяся под обстрелом британской артиллерии. Грохот был оглушающим. Линия обороны врага была окутана дымом. Ни минуты воздух не оставался спокойным.

— Мне почти жаль бедных джери ^[4], — сказал Майклу человек по имени Логан. — Мы обстреливаем их уже три недели. Я не думал, что они очухаются. Когда мы пойдем в атаку, то легко победим.

Когда они возвращались на поле, где вся бригада стала лагерем, Майкл почувствовал проблеск надежды. Там внизу было две тысячи человек, и повсюду, вдоль всей линии фронта, концентрация войск была огромной. Может ли наступление завершить войну? Официальные сообщения были ободряющими. Они говорили об успехах на юге. И все же помимо официальных сводок начали просачиваться слухи, что войска союзников повсюду отступали, неся ужасные потери, целые дивизии разбивались о вражескую оборону. Но каким образом возникали эти слухи, он не понимал. Были ли они, как утверждал полковник, только работой немецких шпионов?

Ночь стояла холодная, и так как лагерь был скрыт от противника двумя или тремя рядами холмов, людям разрешили развести костры. Они вспыхивали повсюду, как маленькие огненные призраки в сырой тьме, и вокруг каждого сидело плотное кольцо людей. В одних

компаниях рассказывали истории, в других пели. Из некоторых доносился звук губной гармошки. От группы к группе прогуливался полковник Наннет. Он был одет в теплую английскую одежду с поднятым воротником и натянутой на уши шапкой. Он остановился чтобы перекинуться парой слов с людьми из его батальона.

Майкл стоял у входа в палатку вместе с другими офицерами своего отделения. Лайтвуд курил большую сигару. Ее запах разносился в сыром воздухе.

— А вот идет старик, отвергнувший отдых перед боем.

— «Легкое прикосновение Гарри в ночи», — пропел Эшкот. — «О, бог войны, укрепи сердца моих солдат!»

— Иногда эти черти могут обойтись без этого, — сказал Лайтвуд. — И все же старый петух не так уж плох.

В конце концов, полковник вернулся в штаб. Офицеры отделения В вернулись в свои палатки. Майкл сел лицом на запад, туда, где в темноте вспыхивали огни пушечных залпов, в холодном облачном небе за линией гряды Калу. Внизу в темноте все еще мерцали огни лагеря, неутомимо поддерживаемые веточками, листьями и пучками травы, которые подбрасывали в костры. Некоторые солдаты пели.

Когда придет конец войне,
Рай на земле настанет
Скажу я даже старшине,
Что он отличный парень.

С первыми лучами солнца обстрел противника войсками союзников усилился по всей линии обороны. Был день взятия Бастилии, и артиллерия французов была особенно активна. В половине одиннадцатого солнце уже сильно припекало колонны, идущие по дороге во Фрикур.

Они снова оказались среди окопов. Земля вся была изрыта воронками, вдоль старой линии фронта до сих пор лежали тела убитых в недавних боях. Кругом стояло зловоние от разлагающихся трупов. Иногда казалось, что они двигаются, из-за того, что шевелились сидевшие на них мухи или копошились полчища крыс.

В деревушке Фрикур, которая теперь лежала в руинах, батальон остановился на несколько часов для привала в ожидании приказа. Из полевой кухни им раздали еду, но от нее во рту был привкус лиддита ^[5]из-за орудий, ведущих огонь неподалеку. Новости, прибывшие вместе с едой, были очень хорошие. Сообщалось, что линия обороны противника была прорвана и немцы отступали. Наша индийская кавалерия тоже была задействована, и в настоящий момент врага буквально сровняли с землей. Несомненно, было захвачено огромное количество пленных. Целые колонны сдавались. Изможденные обессилившие люди с почерневшими лицами едва могли передвигать ноги.

Из Фрикура батальон отправился в деревню Маметц, которая теперь была просто грудой булыжника. Среди развалин стояла колонна автомобилей медсанчасти, и вокруг нее толпились сотни раненых британцев, ожидающих помощи у санитарных постов. Они выглядели бодро и говорили, что день выдался неплохим.

— Мы там расчистили вам дорогу. Вам теперь ничего не нужно делать, только пройтись с метлой.

— Джери удирают что есть мочи.

— Базентин уже в наших руках...

— Лес Маметц в наших руках.

Но один из раненых, с перевязанной головой, который курил папиросу, цинично усмехнулся:

— В мертвых руках в основном, сами увидите.

Оставив Маметц, батальон спустился по разбитой дороге и влился в долину. Справа от них поднимались оборонительные сооружения. По левую руку долина наклонно уходила к самому лесу Маметц. Грохот от разрывов стоял такой, что его почти невозможно было перенести. На всем открытом пространстве британские полевые орудия вели непрерывающийся огонь, а по ту сторону рвов стояли французские семидесятипятидюймовые пушки. Грохот не смолкал ни на минуту, потому что чуть поодаль вела обстрел британская тяжелая артиллерия.

Вся дорога была усеяна мертвыми. Майкл старался не смотреть на них вблизи. Ему казалось, что тел, одетых в защитное, было намного больше, чем в полевой серой форме, а количество ходячих раненых возросло до нескончаемого потока. Люди в молчании брели мимо, словно находились в полном безразличии ко всему происходящему, скорее, тени людей с запавшими глазами, такими же, как и у немцев. Оставшиеся силы они берегли только для того, чтобы кое-как тащиться по дороге.

— Вы откуда? — спросил Минчин у одной проходящей группы.

— Манчестер, — был короткий ответ.

— А вы откуда? — спросил он других.

— Южный Стаффорд — то, что от нас осталось, — огрызнулся человек.

Повсюду в долине лежали трупы лошадей, головы запрокинуты назад, ноги вскинуты вверх. Некоторые лошади были грузовыми, и их разбитые повозки валялись рядом. Но другие были кавалерийскими, под седлами и с блестящими стремянами. Их всадники лежали Бог знает где.

Теперь вдоль дороги проходили раненые солдаты из Индийского полка. Одни вели в поводу своих перепуганных лошадей, другие, словно неживые, болтались в седлах. Один пожилой сикх стоял на коленях перед своей умирающей лошастью, и слезы текли по его бородавчатому лицу. Губы его двигались, как в молитве, а руками он делал какие-то знаки. Он вытащил из седельной сумки револьвер и выстрелил лошади в голову. Он смотрел на нее, пока она не перестала дергаться, затем навел пистолет на себя и упал на тело коня.

— О Господи! — сказал солдат своему приятелю. — Ты видел?

— Никто ничего не видел! — закричал сержант, который должен был сохранить строй в колонне. — Сомкнитесь там, первое отделение! Равняйтесь по левым!

Люди шли по долине мимо двух пожарищ от бомбежки, под небом, визжащим и грохочущим от пролетающих снарядов.

Логан подошел к Майклу и зашагал рядом. Он разговаривал с офицером из полка Южного Стаффорда.

— Говорит, он здесь с самого начала наступления. Все две недели на передовой. Ничего странного, что они выглядят, как развалины, верно?

— Как, он сказал, называется это место?

— Кажется, они зовут его Долиной счастья.

Они вышли на открытое место среди полей табака, турнепса и пшеницы, прибитой к

земле. Было уже семь вечера, и батальон окапывался для ночевки ближе к лесу, который из-за своей формы был известен как роща Утюг. Вражеские снаряды падали все время. Восемь человек было убито до того, как они успели выкопать траншеи. Другие шестеро были серьезно ранены.

Никто не спал. Обстрел был слишком близко. К тому же стало очень холодно, и люди, которые оставили свои шинели в Морланкуре, лежали, тесно прижавшись друг к другу, пытаясь согреться. Рассвет принес небольшое облегчение, привезли завтрак или что-то вроде того, со сладким чаем и глотком рома.

Батальон влился в бригаду, и они двинулись на восток, окутанные толстой пеленой тумана, прямо в зону боев. Вся земля была изрыта и искорежена, завалена осколками снарядов и мертвыми телами. Там также было много раненых, пролежавших всю ночь, и пленных, которые выходили с поднятыми руками, когда мимо них маршем проходили колонны. Один или двое солдат, которые еще не совсем ожесточились, вышли из шеренги, протягивая раненым фляжки с водой. Но их тут же вернули в строй бдительные офицеры.

— Оставьте их для себя, когда вас самих потащат на носилках!

Бригада строилась в долине к югу от Высокого леса. Второй батальон трех графств оставался в резерве. Они заняли позиции в Триве Спюре рядом с проселочной дорогой, известной как Петляющая Тропа. Второй батальон Вустершира стоял поблизости.

В миле к северу шотландцы и Королевский полк образовали переднюю линию, и некоторые из шотландцев уже побывали в сражении этой ночью. Сейчас они атаковали на главном направлении, где немецкие войска, вопреки прежним сообщениям, были по-прежнему сильны. Высокий лес считался безопасным, но когда шотландцы вышли на открытое пространство, их срезали вражеские пулеметы, стрелявшие из-за деревьев.

Майкл видел всю картину в бинокль: фигурки в килтах ^[6]бежали по полю двойной цепью, то там, то тут сверкали штыки, и вдруг они ужасно поредели, когда пулеметные очереди ударили по ним с фронта и с тыла. Ему была видна линия Первого батальона короля и королевы, люди пытались закрыть бреши в цепи. Ряды откатывались назад, тела падали в зеленую пшеницу. Живые падали тоже, ползая между воронками. Он увидел полк вустерширцев, подходивший на помощь: два отделения шли в сторону леса, а два атаковали на открытом пространстве. И еще он видел жалкие остатки, возвращающиеся, подтягивая задние ряды.

— Как вы думаете, сэръ, нас тоже пошлют на помощь? — спросил Логан полковника.

Майкл опустил бинокль и чуть повернул голову в ожидании ответа, который пришел не сразу. Лицо полковника прорезали глубокие морщины, а в глазах стояли слезы злости.

— А вы этого хотите? Последовать за теми беднягами на поле? — Но он быстро смягчился. — Извините, Логан. Я не хочу, чтобы вам свернули шею. Но я понятия не имею, какие будут приказы. Все, что я знаю, это то, что атаковать на открытом месте, когда джери все еще удерживают этот чертов лес, просто безумие. Я послал в штаб бригады, чтобы сказать им то же самое.

В полдень британская артиллерия начала получасовой обстрел. Но прицел был взят слишком близко, и снаряды ложились туда, где было то, что осталось от передовой линии полка Глазго. Немецкие снаряды разрывались в южной части леса, выгоняя оттуда отряды из Вустершира и Южного Стаффорда, многих скосили свои же пулеметы до того, как им удалось дать знак, что это англичане.

В четыре часа пополудни в лес послали два отделения Второго батальона трех графств: отделение С под командой Логана и отделение Д под командой Тремирна, всего приблизительно человек двести. Два других отделения остались в окопах, рядом с которыми лежали вражеские снаряды. И в половине пятого пришел приказ выйти на открытое пространство на холмах.

Полковник Наннет медлил. Он хотел убедиться, что лес очистили. Он послал разведчика, но тот не вернулся. Полковник уже собирался послать еще одного, когда пришло сообщение из штаба бригады, в котором говорилось: «Лес наш. Следуйте приказу». Ровно в шесть часов отделение А под командой Эшкота и отделение В под командой Майкла вышли на открытое пространство, начав наступление на линию огня противника.

Холмы были усеяны трупами и умирающими, земля повсюду потрескалась, и черный дым плыл слева направо, когда противник усилил обстрел. Видимость была плохой, склон становился все круче, поэтому продвигались очень медленно. Но вот ближе к краю дым рассеялся, и они снова вышли на яркий свет.

Майкл посмотрел сначала вправо, а потом влево, чтобы увидеть, сколько человек он потерял, когда они падали, невидимые в дыму. Ему показалось, что шеренга все еще держится, движение вперед продолжается. Он заметил выражение лица сержанта — спокойное, уверенное, широко открытые глаза смотрели из-под стальной каски.

Ближе к вершине первого холма Майкл свернул в сторону, чтобы обогнуть глубокую воронку на дороге. Вдруг три человека с винтовками вылезли из своего укрытия и упали позади него. Они были в килтах — выжившие солдаты взвода горцев, оставшиеся после предыдущей атаки.

— Мы с тобой, парень! Кто бы ты ни был, ты отлично держишься!

Они миновали край леса и ползли теперь по открытому месту, где обстрел был сильнее всего, хотя шрапнель разрывалась где-то над головами. Отделение А было справа, отделение В слева, обе цепи смешались, но все же продвигались вперед. Земля снова стала ровной. Шеренги противника находились в сотне ярдов.

Внезапно с правого края леса началась пулеметная и ружейная стрельба, и Майкл, оглянувшись, увидел, что трое горцев повалились на землю. С правого края отделение А попало под первые и наиболее сильные залпы, и почти половина солдат полегла. Оставшиеся продолжали двигаться вперед и попадали под такой же сильный огонь, когда пытались добраться до цепи противника. Задача оказалась им не по силам, и оставшиеся откатывались, инстинктивно пытаясь укрыться за спинами отделения В, которое все еще наступало. Только Эшкот оставался впереди и, подбежав к Майклу, ругаясь и всхлипывая, сказал:

— Эти лгуны сказали, что лес наш! Зачем они врут, сволочи?!

И вот его уже не было. По нему прошли отступающие. Его место рядом с Майклом занял Гейтс. Грохот от «максимов» был очень сильным. Немцы вели умелый, прицельный, убийственный огонь. Майкл почувствовал, что закрывает глаза, стараясь отвернуться, словно от града. И все время, пока он бежал вперед, ему казалось, что он прорывается сквозь плотный занавес, сплетенный из летящих пуль. Он почему-то вообразил, что этот занавес был его защитой, что пуля, несущая ему смерть, застрянет в нем, и все, что ему нужно делать — это прорываться вперед.

Гейтс был убит и упал с ужасным, душераздирающим криком. Человек, занявший его

место, всхлипывал и ругался, хватая воздух широко раскрытым ртом и раздувая ноздри. Ему попали в грудь, и он упал, ткнувшись лицом в землю. Его винтовка попала Майклу под ноги, и он споткнулся.

Теперь, куда бы он ни взглянул, направо или налево, повсюду в цепи были бреши, которые больше не закрывались и все время увеличивались. Он прижался к груде трупов, переползая через нее, и в этот самый миг пуля попала ему в бедро. Он упал среди мертвых тел.

В двадцати ярдах впереди была воронка, и он на животе пополз к ней. Из-за края выглянул какой-то человек. Он его заметил. Это был Алан Спарри, его младший офицер. На голове у него ничего не было — каску он потерял. Спарри был ранен в обе ноги, но все же выполз из воронки и протянул руку Майклу, чтобы помочь ему.

— Пригни голову! — закричал Майкл. — Пригнись и давай назад, придурок!

Загрохотал пулемет, и Майкл вжался лицом в землю. Пули вспороли землю перед ним и как бы прорезали в ней глубокую полосу. Когда он снова поднял голову, Спарри был мертв, голова пробита. Майкл заполз в воронку.

Рана оказалась не очень серьезной: пуля вошла в бедро и вышла, не задев кость. Но кровотечение было сильным, и скоро его одежда вся промокла, поэтому Майкл использовал галстук, как жгут.

Когда он выглянул из воронки, наступающей цепи не было видно, оставшиеся в живых укрылись в воронках. Несколько человек были совсем рядом и ползли к нему. Вскоре еще два человека спустились в его воронку. Один из них был ранен в грудь.

Раненый по фамилии Астон был совсем плох. Майкл помог другому, капралу Дарби, перевязать рану. Он дал ему хлебнуть из своей фляжки.

— Что за кутерьма! — воскликнул Дарби. — Что за вонючая чертова неразбериха! — Он посмотрел на Майкла с горьким упреком. — У нас даже не было возможности подобраться к немцам. Ни у нас, ни у тех бедняг, которые атаковали утром. Нашим шишкам следовало бы об этом знать, не правда ли?

— Теперь они знают, — сказал Майкл.

— Если я вернусь живым, то клянусь, что доберусь до красноносого бригадира и проткну его моим чертовым штыком!

— Астон ваш друг?

— Он мой зять. Перед тем как уйти на войну, он женился на моей сестре. И что она скажет, когда узнает, что его ранили?

— Он может поправиться. Нам нужно скорее доставить его в тыл.

— Какая надежда! — усмехнулся Дарби. — Сияющий луч надежды!

Пулеметная очередь заставила его замолчать. Он пригнулся к земле. Майкл хотел узнать, по кому стреляли, когда кто-то перевалился через край воронки и упал рядом с ним. Это был сержант Минчин.

— Вы в порядке, сэр? Вижу, вы ранены.

— Не сильно, хотя кровь из меня льется, как из кабана. Это Астону нужна помощь.

Астон был почти без сознания. Минчин наклонился над ним, прислушиваясь к его сердцу и дыханию. Дарби следил за ним.

— Есть надежда, сержант?

— Надежда есть всегда, — сказал Минчин. — Пуля не задела легкие, скажу я вам, но

нам нужно быть поосторожнее, когда понесем его. Может быть, лучше оставить его тут. Пусть джери найдут его и починят.

— Черта с два, нет уж! — возразил Дарби.

— Так бы ему скорее помогли.

— Как ему помогут, Господи?

— Джери не звери. Они о нем хорошо позаботятся.

— Я потащу его к нам, — сказал Дарби, — даже если мне придется сделать это в одиночку.

— Ну, хорошо. Мы понесем его, не волнуйтесь, как только будет достаточно темно, чтобы двинуться. — Минчин повернулся к Майклу. — А вы как, сэр? Можете идти?

— Если нет, то я всегда могу ползти.

Неподалеку в воздухе разорвалась шрапнель, и они ткнулись лицом в землю, пока осколки рушили края воронки. Когда Майкл выглянул, дым плыл над головами. Он окликнул Минчина, который оглядывался по сторонам.

— Что там творится? Вам видно?

— Вижу наших, сэр. Они отходят от леса. Теперь снова бросаются вперед, в цепь.

— Они там не собираются, не видно?

— Нечего собирать, сэр. Две дюжины, не больше.

— А что случилось с нашей батареей Льюиса?

— Их накрыли, сэр, довольно быстро. В оружие мистера Райла попал снаряд, и пушка вышла из строя. Я знаю это точно, потому что сам видел. Остальные застряли на краю леса, пытаются выбить оттуда эти чертовы пулеметы. Их скосило в один момент. Они даже не успели выстрелить из своего орудия.

Из немецкой цепи выстрелили, и пуля попала в край воронки. Минчин сразу же отполз назад.

— Полковника убили, сэр, вы знаете? И Лайтвуда тоже, и Хейнса.

— А что с мистером Спенсером?

— Серьезное ранение в голову. Отделению А досталось еще сильнее, чем нам. Думаю, их порядочно проредили.

Майкл отвернулся и закрыл глаза.

Незадолго до наступления темноты Майкл достал их пайки. Они съели солонину и сухари. Астон, хотя и пришел в сознание, почти не мог есть. Он постоянно просил воды. Дарби поил его из своей фляжки.

— Держись, Фред, теперь уже недолго. Мы отнесем тебя к нашим, не бойся. Только, ради Бога, помни, что кричать нельзя, не то мы точно наткнемся на джери.

С наступлением вечера артиллерия возобновила огонь с обеих сторон, и воздух снова наполнился воем и свистом снарядов. Но через некоторое время спустилась ночь, и обстрел начал стихать, стреляли только изредка. Между двумя полыхающими линиями огня сгустилась темнота.

— Пора, — сказал Минчин. — Нужно отправляться.

Они с Дарби подняли Астона, и он обхватил каждого за шею. Астон вскрикнул, но тут же быстро подавил крик, плотно стиснув зубы.

— Тише, — сказал Минчин шепотом. — Держись, парень, и прикуси язык. До Типперари [\[7\]](#) путь не близкий.

Он повернулся к Майклу, который лежал, пытаясь согнуть колено.

— Идете, сэр?

— Нет, еще нет. Вам лучше идти впереди.

— Полагаете, вам не понадобится помощь?

— Не суетись, приятель. Давайте идите. Делайте, как я сказал.

— Хорошо, сэр. Только не возитесь тут слишком долго, скоро появятся патрули джери.

— Знаю, не дурак.

— Хорошо, сэр. Удачи вам.

— Удачи вам, Минчин, — сказал Майкл, глядя, как трое выбрались из воронки и исчезли в туманной темноте.

Он подполз к краю и прислушался. Вокруг в темноте стонали и плакали раненые, иногда он слышал шуршание, когда кто-нибудь полз по склону. Порой он слышал тяжелое дыхание, а один раз, как кто-то молится.

В миле внизу снаряды рвались в Высоком лесу. Огромные желтые факелы вспыхивали в темноте среди деревьев. А на горизонте, на юге и на севере, небо сверкало белыми отблесками, когда орудия отвечали друг другу. То там, то здесь в воздухе загорались осветительные ракеты: красивые зеленые, сделанные человеческими руками метеоры. И каждые несколько минут над головой расцветали яркие сигнальные огни, как японские цветы, освещая вокруг всю землю.

Майкл снова откинулся на спину, глядя в трепещущее небо. Он потерял много крови, чувствовал слабость и головокружение, его сковала смертельная усталость. Где-то поблизости он услышал голоса людей, разговаривающих по-немецки, и приближение топающих ног. Первые патрули вышли уже, бродя среди убитых и раненых.

— Ах ты Боже мой, ну что за свалка такая! — тихо, но отчетливо произнес голос. Потом голоса и шаги удалились.

Майкл знал, что нужно идти. Его рана была не серьезной, у него было достаточно сил, чтобы ползти. В Дувкуре врачи снова поставят его на ноги, и он опять сможет воевать. Но волю Майкла парализовало, а тело подчинилось собственному диктату. И он остался там, где

лежал, на дне воронки, ожидая, когда придут немцы и возьмут его в плен.

Бетони, получив записку от миссис Эндрюс, сразу же отправилась в Кингз-Хилл-хаус. Ее проводили в комнату, залитую солнцем и наполненную ароматом роз. Миссис Эндрюс сидела совершенно прямо, с бесстрастным лицом, но когда Бетони заговорила о Майкле, она как-то обмякла и стала всхлипывать. Через некоторое время она смогла продолжить разговор. Ей было стыдно, что она плачет перед этой плотницкой дочкой, двадцатилетней девушкой, глаза которой оставались сухими и которая держалась на редкость невозмутимо.

— Извините, мисс Изард, но я еще не оправилась от шока. Я не ожидала, что вы приедете так скоро.

— Вы получили что-нибудь от самого Майкла?

— Да, но только одну из этих напечатанных открыток. Там говорилось, что письмо он пошлет следом.

— Он тяжело ранен?

— Люди из Красного Креста сказали, что нет. Но он в немецком госпитале, и я не верю, что там с ним будут хорошо обращаться.

— Я уверена, что все будет хорошо. Красный Крест следит за этим.

— Жаль, что не могу разделить вашу уверенность, но иногда рассказывают такие жуткие истории...

— В конце концов, он жив, а это главное.

— Мой сын военнопленный. Это для меня слабое утешение.

— Но он жив! — твердила Бетони. — Он вернется, когда война закончится. Неужели вас это не утешает?

Она подумала о тысячах, погибших с тех пор, как началось большое наступление. Путешествуя по Англии, посещая фабрики, она повсюду встречала безутешных женщин и уже потеряла счет тем, чьи мужчины навсегда остались на полях Соммы.

Миссис Эндрюс поднялась:

— Я рада, что вы так спокойно выслушали новости. Я боялась, что вы будете огорчены. Мне кажется, вы, молодые женщины, становитесь жестче. В какой-то степени это, возможно, и благо.

— Есть ли адрес, куда я могу написать Майклу?

— Да, конечно. Я дам вам его. — Миссис Эндрюс подошла к столу. — Я уверена, он будет рад получить от вас письмо.

Все лето и осень на Сомме не прекращались бои. Позьер. Лонгваль. Морваль. Дельвиль. Ле-Транс... В ноябре они прекратились. Несколько миль территории отбили у противника, пятьсот тысяч жизней потеряли. Большой прорыв провалился. Но немцы, как сообщалось, были деморализованы собственными потерями. Это должно было в конечном счете отразиться на их состоянии. Тем временем положение по-прежнему оставалось тупиковым. Обе армии окопались. Зима надвигалась и на тех, и на других, самая ужасная зима за двадцать лет.

— Вуди, как думаешь, дома так же холодно?

— Конечно. Моя жена написала, что обморозилась.

— Мы почти что чужие, я и мои ноги, не говоря уж о других местах.

— Тут что, кто-то вызвал Деда Мороза?

— Эй, Тосс, помнишь, как тепло было в этой чертовой Бретании? Я почти хочу вернуться туда. Или Чертов лес, в котором горели деревья. Я бы уж лучше сгорел там, как бедный старина Гловер, или Вернинг, или Кайт, чем замерзнуть тут насмерть дюйм за дюймом, черт возьми.

— Как ты можешь так говорить? — возмущился Кострелл, один из нового поколения. — Как будто это была такая шутка!

— А это и есть шутка, — сказал Дансон. — Убийственная для некоторых. На самом деле. И для остальных еще будут сюрпризы. Но вы, новички, не понимаете этого.

Кострелл замолчал. Он считал их отвратительными, бездушными, жаждущими крови. Он не мог разделять их отношение к войне. Он всегда помнил о замерзших трупах, лежащих на ничьей земле, многих было видно из окопов, некоторые лежали довольно близко от проволочных заграждений, всего в нескольких ярдах. И когда Дансон говорил, как обычно: «По-моему, старина Билл мог бы и укрыться одеялом?» или: «Клянусь, Джон Вилли перевернулся, он утром лежал не так», — Кострелла просто передергивало.

— Все верно, сынок, — сказал ему Боб Ньюэз. — С ними, которые там лежат, все в порядке. Они уже не чувствуют этого чертова холода, не слышат проклятых снарядов, и их уже не посылают в санитарные наряды. Там им намного лучше, и они, черт возьми, это знают.

— Вы заметили, что от младшего офицера пахнет одеколоном? — спросил Пекер Дансон.

— Бедный гомик, — сказал Дейв Раш. — Он, наверное, намазался кремом против вшей.

— Да идите вы все! — Привитт оторвался от письма, которое писал. — Что, офицеры ведут такие же разговоры?

— Нет, конечно, не такие. У них разговоры поважнее и получше, со звездочками на плечах и офицерскими портупелями.

— А джери? Они тоже об этом болтают?

— Ну, они их ссыпают в канистры из-под бензина, а потом поджигают и бросают в нас. Это наиболее удачное оружие кайзера.

Привитт вернулся к своему письму и с минуту сидел молча. Он развлекался, дурача цензора. Он поднял голову и прочитал только что написанное.

«Дорогой брат Хамфри. В прошлую субботу я спал с тремя француженками и их мамашей. Мамаша была лучше всех, хотя и не так хороша, как та, что была у меня в пятницу, когда я ночевал в заведении высшего класса, его содержит китайка, которая когда-то держала прачечную в Солихалле». Вот! Это заставит их разуть глаза! Когда майор прочтет это, он будет бегать за мной и спрашивать адрес.

— Это ведь неправда, Привитт!

— Ха! Отвали! Единственный, с кем я тут спал, это мохнатый кролик.

Снаряд пролетел над их головами и разорвался с грохотом позади траншеи. Они пригнулись, и на них посыпался ливень мерзлых комьев, отскакивая от стальных касок. Привитт снова выпрямился и стряхнул землю с планшета.

— Если дела и дальше так пойдут, мне вряд ли удастся закончить образование.

— Нужно поблагодарить Господа за наши котелки, — сказал Пекер, поправляя свою каску.

— А ну-ка шевелитесь! — кричал капрал Флиндерс, быстро обходя траверс [\[8\]](#). —

Уберите эту грязь, поторапливайтесь, и чтобы не сметали грязь под покрытие! Используйте окопный инструмент!

Люди принялись за работу, вытаскивая осыпавшийся грунт. Они наполнили мешки песком и заделали дыру в бруствере.

— Окопный инструмент, — ворчал Кострелл. — Почему бы не называть лопату лопатой?

— Я подумываю об изменении имени, — заявил Привитт. — Это не шутка — называться «рядовой Привитт» с приветом. Легко быть приветливым Привиттом, когда у нас все приветливые с приветом.

— Если это говорить быстро, можно выступать в концерте.

— Сколько снарядов он потратил на нас сегодня утром, Тосс?

— Не знаю, не считал.

— По-моему, что-то уж слишком тихо. Они, наверное, разгадывают кроссворд. — Ньюэз, поднявшись на бруствер, принюхивался. — У них сегодня на завтрак ветчина. Копченая, думаю. Везет гадам!

Две линии обороны в Брисле находились близко друг от друга, и отношения между ними строились по принципу «живи сам и не мешай жить другим». Поэтому они редко обменивались ружейными выстрелами или пулеметными очередями, и это было, как говорил капрал Флиндерс, чистой формальностью. Нейтральная полоса была шириной всего в пятьдесят ярдов, и когда кто-нибудь из англичан высовывался из окопа и поднимал плакат с надписью «Нарушители границы будут казнены», немцы, вместо того чтобы разнести его на мелкие кусочки, просто швыряли в него снежки. Даже офицеры закрывали глаза на такие невоенные проделки.

Как-то раз морозной ночью, когда солдаты сидели в блиндаже, греясь возле маленькой жаровни, Дейв Раш достал старую хрипящую губную гармошку и стал наигрывать популярные мелодии. Люди пели, раскачиваясь из стороны в сторону, потому что пение и раскачивание согревало их. И вдруг, когда он еще не доиграл «Бежит дорога дальше и дальше», Барстон, который стоял на посту, отдернул полог.

— Заткнитесь и послушайте! — крикнул он, и когда они наконец замолчали, то услышали, как немцы допели песню.

— Просто невероятно! — воскликнул Раш. — Они еще имеют наглость издеваться над нашими песнями. Сейчас я поставлю ихна место. Вот послушайте!

Он поднес гармошку к губам и сыграл первый куплет «Боже, храни короля». В конце его он замер и прислушался. В немецких окопах стояла полная тишина.

— Ага, обманул! — обрадовался он. — Они уже не поют, вонючие педики!

— И мы тоже, — сказал Пекер Дансон. Он вынес жаровню на улицу и раскачивал ее, пока угли опять не покраснелись. — Взошла молодая луна, — сказал он. — У кого-нибудь есть франк показать ей?

Теперь немцы ободрились и запели «Германия превыше всего». Шестой батальон трех графств затянул в ответ:

В коробку яиц наш кайзер свалился.

Па-ра-рам!

В коробку яиц наш кайзер свалился.

Па-ра-рам!

В коробку яиц наш кайзер свалился,
В коробке яиц он весь извозился,
И что-то течет у него по ногам!

Наступил день, когда к ним снова вернулся сержант Таунчерч после месяца, проведенного в госпитале. Никто не знал, чем он болел, однако ходили слухи, что это была краснуха и сильный кашель. Сам сержант ничего не рассказывал. Он вообще предпочитал не вспоминать о том, что болел. Он поддержал свой авторитет тем, что отчитал капрала Флиндерса, исполнявшего его обязанности в его отсутствие, за падение дисциплины.

Однажды утром после сильного снегопада два немецких солдата, белобрысые мальчишки лет семнадцати, взобрались на бруствер и стали лепить там снежную бабу. Том и Ньюэз сквозь бойницу наблюдали с изумлением, как снежная баба выросла до высоты человека и ее одели в полевое серое одеяло, шапку, а на плечо повесили несколько патронташей.

Пришел сержант Таунчерч. Он протиснулся между Ньюэзом, Томом и Эвансом и устался на двух немцев, наряжающих снежную бабу на бруствере. Потом он снял с плеча винтовку, прицелился сквозь узкую бойницу. Ньюэз отодвинулся немного и наступил на свободный край доски. Он качнулся и упал на Таунчерча, и пуля улетела мимо. Двое немцев нырнули за бруствер.

— Неповоротливая свинья! Ты это нарочно сделал! У тебя там есть дружки, верно?

— Извините, сержант. Это все чертовы доски. Пойду принесу молоток и гвозди, пока никто не свалился и не сломал себе шею.

А несколько минут спустя над немецкими окопами поднялась рука, и хорошо нацеленная граната разорвалась в английском окопе. Потом вторая и третья. Кострелл и Раш ответили шестью гранатами на три. Снова все затихло. Но и Барстону, и Триггу оторвало кисти рук, а капрал Флиндерс ослеп. И если бы Том и Ньюэз не удержали его, Дик Кострелл, узнав об этом, отправился бы за Таунчерчем с киркой.

Вскоре после этого тишина в неприятельских окопах стала сверхъестественной. Патруль, вышедший сразу же после наступления темноты, обнаружил, что окопы опустели. Немцы отошли совершенно бесшумно к хорошо укрепленной линии Гинденбурга, которая находилась в десяти милях или что-то около того позади их старых окопов.

— Почему бы не сразу к Берлину, если уж на то пошло? — предположил Дейв Раш.

— Линия Гинденбурга, — сказал Боб Ньюэз, — это что, часть Великой западной дороги [\[9\]](#)?

— Верно, — подтвердил Дансон. — Падингтон, Оксфорд, доки Кардиффа и дальше все станции до Хайверфорда.

— Если немцы сбежали, то, может, и нам можно идти домой? Хотя не думаю! — сказал Дик Кострелл.

Два дня спустя их сменил полк Северного Уорвика, и они ушли на постой в Доделанвилль. Когда они вернулись на передовую, им пришлось занять новые окопы в окрестностях Вермана.

Погода стояла по-прежнему ужасно холодная. Постояв на месте всего несколько секунд, можно было замерзнуть до костей. До оружия едва можно было дотронуться — таким

холодным был металл, и солдаты стреляли снова и снова просто в воздух, чтобы стволы и затворы не примерзали.

Но еще хуже морозов была начавшаяся оттепель. Войска жили в постоянной грязи, промокая насквозь во сне или когда бодрствовали. Томпсон жаловался на ноги: они сильно опухли и онемели. Он даже не мог снять сапоги, чтобы натереть ноги маслом, что могло бы принести ему некоторое облегчение.

— Давай подвигайся немного! — сказал Таунчерч. — Конечно, они совсем отмерзнут, если ты не будешь шевелиться, бездельник!

Через три дня, когда их пребывание на передовой закончилось, Томпсон уже не мог стоять. Его пришлось унести в лагерь в трех милях позади, а потом отправить за врачом.

Ботинки разрезали, и ноги в них оказались распухшими, бесформенными, цвета сырого гниющего мяса, в которое впечатались шерстяные носки, как рисунок на гниющем теле. Томпсон, смотревший на происходящее, не сказал ни слова. Он просто шумно вздохнул, а потом отвернулся и, глядя куда-то вдаль, стал насвистывать что-то неопределенное сквозь зубы.

Врач отвел Ньюэза в сторону и сказал, что Томпсон, вероятно, потеряет обе ноги.

— Почему вы не привели его раньше?

— Сержант Таунчерч считал, что он симулянт.

— Мне нужно поговорить с вашим сержантом.

Но врачи во Врэни были очень заняты. Они работали по двадцать часов в сутки. И когда батальон вернулся на передовую в Грикур, Таунчерч снова был с ними, как и прежде.

— Эванс, Маддокс, Ньюэз, Раш! Я хочу, чтобы вы немного прогулялись. Полковник просил достать парочку бошей [\[10\]](#). Так что мы должны постараться и доставить ему удовольствие.

— Почему всегда Эванс? — спросил Ньюэз.

— А почему всегда я? — парировал Таунчерч.

Сам Таунчерч был человеком, не знавшим страха. Раш говорил, что его собираются наградить. Он уже неоднократно был упомянут в донесениях, и на него обратило внимание командование. Таунчерч знал об этом. Он выполнял свой долг изо всех сил и был храбрецом. Он мог бы совершить великие поступки, если ему представится случай. И он говорил своим приятелям офицерам, что решил сделать карьеру в армии. Он уже не вернется кучером в Каплтон Кастл. Эти аристократы больше не будут вытирать об него ботинки. Теперь он был кем-то, и его самым большим желанием было получить чин.

Этой весной снова начались тяжелые бои. Англичане преследовали отступающих немцев. Они пробивались к Сен-Квентину. Обе стороны вели мощный обстрел противника.

В секторе Грикур снаряды ложились очень точно, прямо на переднюю линию окопов, вытянувшихся на пятьдесят ярдов, оставляя от земляных укреплений одни развалины. Грохот от ответного британского обстрела был оглушающим. Это походило на жизнь между двумя вулканами. Нервы людей были напряжены и расшатаны, а разум расстроен.

Том, сидевший в окопе, думал, что земля никогда не перестанет дрожать. Ему казалось, что она разверзнется и поглотит его. Напротив него человек по фамилии Ламберт припал к брустверу, ужасные судороги пробежали по его телу. Он так вцепился пальцами в нижнюю губу, что из нее брызнула кровь.

Вдруг Ламберт вскочил на ноги и перевалился через бруствер. Том попытался поймать его, но уже было поздно. Ламберт перебрался через проволочные заграждения и бежал на

вражеские окопы, забрасывая их, как ему казалось, гранатами.

— Вонючие пушки! — визжал он. — Сейчас я заткну вас! Я заставлю вас замолчать раз и навсегда!

Том, как ветер, бросился за ним, но Ламберт замертво упал — снайперская пуля угодила ему прямо в лоб. Том развернулся и побежал назад. Он прыгнул в окоп головой вперед и почувствовал, как его словно молотком ударили по ноге. Пуля сорвала каблук с сапога.

Иногда, когда солдат отводили с передовой и размещали в каком-нибудь амбаре или коровнике, они могли растянуться на соломе и проспять часов десять-двенадцать. Они спали как убитые. Если бы протрубили последние архангельские трубы, зовущие на страшный суд, они их ни за что бы не услышали.

Но через день-другой они оживали. Горячая еда в спокойной обстановке, горячий чай, заваренный на чистой воде, возможность посидеть и покурить, баня и бритье делали новым человеком даже тех, кто считал, что уже выдохся, и даже конец света казался им еще преждевременным. Кое-что можно было сделать. Если повезет, можно побродить там, где все еще росла трава и па деревьях распускались листья, где воздух еще оставался свежим и где с зеленых пшеничных полей взлетали жаворонки и пели, зависнув в синем небе.

— Забавно, — говорил Том, — здесь так много вещей совершенно таких же, как дома.

На ферме, где их поселили, был яблоневый сад, и бутоны только начинали распускаться. Том сидел на земле и наблюдал за ласточками, строившими гнездо под карнизом разрушенной фермы. Несколько цыплят бегало в траве, а девочка лет семи-восьми с очень серьезным выражением лица, сидевшая чуть поодаль, присматривала за ними.

Дом уже не был просто разбитой скорлупой. Там жил пожилой фермер со своей семьей — женщинами и маленькими детьми. Мужчины помоложе ушли сражаться. Старик в соломенной шляпе на затылке и с короткой глиняной трубкой в зубах забрался на крышу и приколачивал дранку к стропилам. Женщины работали в поле. Одна из них пахала на коровах.

Том поднялся и подошел к девочке. Она хмуро посмотрела на него.

— Не бойся, я не украду твоих цыплят.

— Comment [\[11\]](#)?

— Цыплята, — сказал он, указав на них. — Я их не украду, и яйца тоже.

— Comment?

— Я смотрел на ласточек, вот и все, и на бутоны на деревьях. У вас, думаю, хорошо урождаются яблоки, если не будет поздних заморозков.

Ребенок ничего не сказал. Девочка не понимала его. Она сидела, засунув руки под передник, и хмурилась еще сильнее прежнего.

— Вот, посмотри, — сказал он ей, вынимая из кармана фотографию. Ее прислала в письме Бетони, и на ней была мать в саду в Коббзе. Она держала в руках соломенный садок для пчел — собиралась взять пчелиный рой, который собирался на стволе яблони.

— Знаешь, кто это такие? Я смотрю, у вас есть своя пасека, вон там. А это в Англии. Видишь, там тоже бутоны на деревьях. Такие же, как у вас тут.

Девочка взяла фотографию и долго ее разглядывала. Потом отдала ее Тому и опять засунула руки под передник.

— C'est la ruche, — пробормотала она, — pour les abeilles [\[12\]](#).

— Ну, да. Как я тебе и говорю. Это в Англии.

Том отошел. Ему навстречу шли Ньюэз, Дансон и Эванс. Они остановились, чтобы понюхать яблоневый цвет.

— Эй, Том, братаешься?

— Я пытался объяснить ей, что не собираюсь стащить ее кур или яйца.

— Если бы не ее дедушка, мы бы уж *навверняка* это сделали. У старого черта припрятан обрез.

— Хотел бы я поговорить с людьми здесь. Но не могу, и это кажется мне ужасным.

— Что это с тобой, Тосс? Ты даже с нами не очень-то разговорчив. Ты всегда был молчаливым мерзавцем.

— Я говорю тогда, когда у меня есть что сказать.

— Обычно по вторникам и пятницам, да?

— Не обращай внимания на Пекера, — сказал Ньюэз. — Он просто проиграл в покер.

Том нашел кусок ствола каштана размером почти с кулак и вырезал на нем портрет девочки. Когда у него находилась свободная минутка, он работал над портретом, по памяти восстанавливая черты круглой головки, грациозно посаженной на прекрасной шейке.

Батальону было приказано сниматься, и солдаты строились за деревней. Том пошел к старой ферме и встретил девочку, которая гнала по улице коров. Он вынул деревянную головку из кармана и отдал ей.

— Это тебе, — сказал он. — Сувенир. Я сам это сделал, видишь. Вот этим ножичком. Надеюсь, он тебе понравится.

Девочка посмотрела на головку и потом на Тома. Ее лицо осталось безучастным, и она ничего не сказала.

— Ладно! — сказал он. — Мне нужно идти, а то влетит. Мы скоро уходим.

Он повернулся и поспешил в деревню. Его сапоги затопали по дорожной пыли. Когда он оглянулся на повороте, девочка все еще стояла, прижав к груди резную головку.

В десять часов весь батальон выстроился за деревней в полном вооружении, готовый к маршу. День выдался теплый, и в воздухе сладко пахло примятой травой. Солдаты сидели по обочинам дороги, курили и болтали в ожидании приказа. Ньюэз и Дансон играли в кости. Том возился с рюкзаком Эванса.

— Эй, Тосс! — сказал Ньюэз, толкнув его. — Это не тс ли, с фермы?

Вдоль дороги медленно шли старик и маленькая девочка, разглядывая солдат. У старика были совершенно седые волосы и черные брови. На голове была синяя шляпа, и он курил трубку. На девочке был передник в белую и коричневую полоску. Они шли по дороге, взявшись за руки, и один или двое солдат окликнули их, отпуская шуточки на ломаном французском. Вдруг они остановились, и девочка показала пальцем на Тома.

Старик кивнул, попыхивая трубкой. Он достал что-то из кармана и отдал девочке. Она же, в свою очередь, отдала это Тому. Это было деревянное распятие шести дюймов длиной и четырех шириной. Христос был вырезан очень просто, примитивно. Том часто видел такие распятия на стенах разрушенных домов в округе.

— Это вам, — сказал старик, прилежно произнося английские слова, — чтобы оно хранило вас в сражениях.

— Но, право, вам не следовало приходиться сюда издалека...

— Малышка очень хотела найти вас. Это было важно, очень. Да. Вы ее друг и сделали

ей подарок. Она всегда будет хранить его и помнить вас. И я тоже. Мы будем помнить.

— О, — сказал Том, поднимаясь с колен, уверенный, что все вокруг слушают. — Спасибо. Мерси. — Он положил руку девочке на голову.

— Удачи, — сказал старик. — Господь храни вас и ваших товарищей.

Они с девочкой пошли обратно, рука в руке. И скоро их потеряли из виду. Солдаты задвигались, толпясь на дороге. Том стоял, глядя на распятие, вертя его в руках, ощупывая стертые края и углы, гладкое дерево. Оно было вырезано из самшита и на ощупь казалось очень старым.

Сержант Таунчерч подошел, выкрикивая приказы. Он увидел распятие в руках у Тома.

— Что это такое, черт побери? Ты ведь не вонючий католик, Маддокс?

— Нет, мне его дали, — сказал Том.

— Какая-нибудь шляха наверняка, — Таунчерч пошел дальше, выкрикивая приказы. — Все вы, поднимайтесь! Это вам что, посиделки?

Шестой батальон отправился, оставляя позади деревню Норби. Над головой пели жаворонки, а из придорожных кустов вылетали воробьи. Солнце светило прямо в глаза. Солдаты снова шли на передовую.

— Я был женат, — сказал Эванс, — но жена умерла десять лет назад, и наша малышка тоже.

— А долго ты был женат? — спросил Дансон.

— Два года, только и всего.

— И у тебя совсем никого нет?

— Никого, насколько мне известно. Так что, когда меня не станет, никто не будет тосковать по мне. Это совсем не плохая штука.

— Не станет? — удивился Брейд. — Почему? Ты собираешься уехать, Тэф? В Монте-Карло?

Эванс улыбнулся:

— Я не переживу эту войну.

— Переживешь, — сказал Ньюэз. — Ставлю фунт.

— У тебя есть предчувствие, Тэф? — спросил Дейв Раш. — Вы все такие, чертовы валлийцы. Все дьявольски суеверны.

— Тебя ведь, как шахтера, освободили от службы. Почему же ты не остался на шахте?

Эванс поднял глаза к небу:

— Я хотел выйти из темноты.

— Ты не очень-то хорошо подумал, когда выбирал для этого момент.

— Знаете, там, в шахте, находишься в постоянном страхе. Я подумал, что оставляю его там. Я решил, что здесь меня либо убьют, либо нет. Я не торговался со смертью за *жизнь*, потому что смерть это то, что присутствует здесь постоянно. Она ожидает повсюду, и она угнетает нас.

— Да, тебе надо бы съездить домой ненадолго.

— Наверное, — согласился Эванс. — Но мне почему-то кажется, что я туда уже не вернусь. У меня постоянно такое чувство, что что-то непременно случится.

— У нас у всех такое чувство, — сказал Дансон. — И это означает еще один чертов денек! А это значит, что мы живы!

Эванс засмеялся вместе со всеми. Он наклонился и толкнул Дансона в плечо. Долгая

передышка не пошла ему на пользу, как другим. Он по-прежнему был бледным и изможденным, а его руки, когда он зажигал сигарету, тряслись, как у старика.

В секторе Сельона обстрел был очень сильным. Скоро деревня превратилась в груды щебня. И передняя, и резервная линии окопов несколько раз были полностью разрушены, так как неприятель засек их и вычислил все «просто до миллиметра», как сказал Брейду капрал Стивенс. Как-то рано утром снаряд попал точно в передовой наблюдательный пост, а потом наступила тишина. На посту были лейтенант Булок и еще двое — Бремнер и Эванс.

Том и Ньюэз поползли к посту под пулеметным огнем. Они добрались туда и начали копать. И офицер, и Бремнер были мертвы, но Эванс, погребенный под четырехфутовым слоем земли, оказался живым. Во рту и в горле у него было полно земли, и они пальцами доставали ее оттуда. Чуть ли не целый час прошел до того момента, когда в легкие попал воздух.

Они решили, что Эванс умрет, если ему не оказать срочную медицинскую помощь. Поэтому, хотя и было совсем светло, они подняли его и побежали через нейтральную полосу. Им нужно было преодолеть две сотни ярдов. Немецкие пулеметчики открыли огонь, и пули изрешетили землю позади. Трижды хлопнуло ружье, и потом огонь внезапно прекратился. Немцы давали им спокойно пройти.

Эванса отправили на медицинский пост в Рилуа-сю-Колле. Врачи объявили его везунчиком и снова отправили в окопы. Упавший всадник должен сразу же снова сесть в седло, а испытавший шок должен опять стать под шквал огня. Сержант Таунчерч был такого же мнения. Он проводил в жизнь принцип еще одного шага. И спустя лишь двадцать два часа он назначил Эванса устанавливать проволочные заграждения.

— Эванса брать нельзя, — сказал капрал Стивенс. — Он слабак, ему вообще не следовало бы быть на передовой.

— Вы это о всяких его судорогах и корчах? Он просто прикидывается. Дурака валяет, как и всегда.

— В понедельник он был заживо похоронен на наблюдательном посту. Ньюэз и Маддокс откопали его.

— И что с того? Только когда он будет похоронен *мертвым*, ему будет позволено отлынивать от службы. А до этого он будет делать то, что положено.

Так что Эванс отправился ставить проволоку в пятидесяти ярдах на нейтральной полосе, таща на себе катушку с колючей проволокой. В ту ночь все десять человек, включая Таунчерча, были обстреляны немецким патрулем. Они вернулись с двумя ранеными. Таунчерч доложил об одном пропавшем. Этим человеком был рядовой Эванс.

— В него попали? — спросил капрал Эдман.

— Не в него! — ответил Таунчерч. — Он отлично смылся, вот что он сделал. Я всегда говорил, что он бездельник.

Через несколько дней Эванса нашли в церкви в Бассероше и привели назад под арестом. Он предстал перед полевым трибуналом по обвинению в дезертирстве. Сержант Таунчерч дал показания против него. То же самое сделал и жестокий врач на Рилуа. Он заявил, что Эванс умственно и физически здоров. Естественно, что теперь Эванс был совершенно тихим. Больше не дергался, только выглядел очень усталым. Его признали виновным и приговорили к смерти.

Батальон перебазировался в Бериньи. Погода испортилась, начались грозы. Люди из

третьего взвода рыли дренажные канавы, чтобы отвести поду. Сержант Таунчерч разыскивал Тома.

— Маддокс! — орал он. — Идите за мной! — А как только они выбрались, сказал ему на ухо: — У меня есть для тебя подходящая работенка. Будешь одним из двенадцати, команда для расстрела. Завтра утром.

— Я не сделаю этого, — сказал Том.

— Не все ружья будут заряжены. Тебе может достаться такое.

— Это не имеет значения. Я все равно не стану стрелять.

— Ты, кажется, не понимаешь. Это приказ! Ты знаешь, что будет, если ты откажешься?

— Мне все равно. У вас нет права набирать людей из того же самого взвода. И вам не удастся заставить других сделать это.

— Кто-то должен делать такие вещи. Думаю, что лучше не выносить сора из избы.

— Пусть его расстреливают те, кто приговорил. Я пришел, чтобы драться с немцами, а не затем, чтобы убивать своих парней. И еще иногда думаю: почему я должен убивать *их*, когда вижу, что они такие же люди, как и мы?

— Ты, может быть, хочешь к ним присоединиться? Там у них наверняка есть такие же типы, как ты. Ты будешь у джери, как дома. *И не отворачивайся, когда я с тобой разговариваю!* Куда это, черт возьми, ты направляешься?

— Я иду к своему взводу.

— Э, нет! Я сажаю тебя под арест, Маддокс. А завтра ты окажешься под трибуналом. Посмотрим, как тебе понравятся последствия.

Тома отвели в конец деревни и заперли на ночь в коровнике, рядом с отделением, где сидел Эванс. Между ними была только деревянная стенка, и Эванс слышал, как кого-то привели.

— Кто там? Я тебя знаю?

— Это я, — ответил Том. — Тосс Маддокс.

— А тебя в чем обвинили, дружище Том?

— Опоздал на построение, — сказал Том. — Третий раз за последнюю неделю, если верить капралу.

— Они собираются расстрелять меня утром. Тебе это известно, Тосс? Ты слышал, что произошло?

— Да, мы слышали. Парни хотели прийти повидать тебя, но нам сказали, что ты просил не приходиться.

— Лучше, чтобы меня оставили в покое. Они ведь не обиделись, правда, Тосс? Просто мне нужно время, чтобы подумать.

— Они не обиделись, — сказал Том.

— Здесь в общем-то замечательно, тихо. Я даже слышу, как где-то поет скворец.

— У тебя там есть окно, Тэф?

— Над дверью есть маленькое круглое окошко. Мне видно небо. Похоже, будет еще одна гроза. Сегодня рано стемнеет, думается, но у меня тут есть свечка и спички.

— У тебя много сигарет?

— Да, черт побери! Штук пятьдесят. Но я никогда и не был серьезным курильщиком. Так, мог выкурить одну-другую иногда.

— Я тоже, — сказал Том.

Когда наступила темнота, Эванс чиркнул спичкой и зажег свечу. Том уселся на койку и

стал смотреть на свет в щелях стенки. Потом он зажег свою свечу. Изредка с улицы доносились голоса и слышались шаги. Чуть дальше, к северу от деревни, гремели колеса полевой кухни, подъезжавшей к окопам по мощеной дороге. А еще дальше продолжали грохотать орудия. В пристройке рядом всю ночь возились на насестах куры, кудахтая изредка во сне и хлопая крыльями.

— Тосс! — позвал Эванс. — Ты не спишь?

— Нет, Тэф, не сплю.

— За Мертюром есть маленькая деревушка, по ней течет ручей, а через него перекинут старый горбатый мостик, и по берегам растут серебристые березы. А вода в ручье такая чистая, что если бы она не бежала по камням, то ты никогда бы не подумал, что она там вообще есть.

— Хотел бы я побывать там, — сказал Том.

— Завтра утром, когда меня поведут, я буду думать, что гуляю у ручья. Это все чушь, я знаю, я никогда не верил в жизнь вечную, но вот об этом я и стану думать, это и буду представлять себе. Я пойду вдоль ручья, пока земля не поднимется. Я так часто себе это представлял, что теперь точно знаю, куда приду. К зеленым холмам и тому, кто ждет меня там.

Перед рассветом дверь сарая отперли, и туда вошел священник. Он сел на табурет у походного столика и посмотрел на Эванса. Приговоренный, как ему показалось, выглядел слишком спокойным.

— Ну, Эванс?

— Я говорил, что мне не нужен священник.

— Мне подумалось, что вы могли передумать. Может быть, вы не англиканец? Если хотите, я смогу найти методистского священника.

— Нет-нет. Меня воспитали в традициях англиканской церкви, но теперь я неверующий.

Полковой священник молча смотрел на Эванса в свете свечи. Рука, в которой он держал потрепанный молитвенник, была тонкой и хрупкой, как у женщины, а лицо похоже на детское. Он силился понять, что у приговоренного на уме.

— Очевидно, недостаток веры и привел вас к такому печальному концу.

— Уходите, — сказал Эванс.

Но священник колебался. Он считал своим долгом попытаться еще раз:

— Вы называете себя неверующим, но ведь вас нашли в церкви.

— Там было тихо.

— Если вы не верите в Бога, то, может быть, вы верите своим товарищам?

— Я из Южного Уэльса, — сказал Эванс. — Я видел, куда люди приложили руки, и эти места теперь заброшены, и там всегда будет пепелище. Но я также видел, куда другие люди приложили свои силы, и эти места теперь зеленее, чем прежде.

— И что же? Из этого следует, что вы верите в добро и зло.

— Они существуют вместе, и так будет всегда.

— Но вы не верите, что добро в конечном счете одержит победу над злом?

— Победа уже в том, что добро вообще существует.

— Я мог бы дать вам утешение, если бы вы только позволили мне.

— Я не нуждаюсь в нем.

Священник ушел. Обе створки дверей заперли. Свет постепенно начинал проникать

сквозь круглое окошко наверху, Эванс задул свечку и положил огарок в карман.

Том сидел на койке, обхватив руками колени. Он смотрел сквозь решетчатое окно, как занимается утро. На дворе бегали куры и кукарекал петух. Кто-то возился с соломорезкой. За стенкой Эванс приводил себя в порядок.

Когда за ним пришли, Эванс встал и постучал в стенку:

— Пока, Тосс. Береги себя. Спасибо, что посидел со мной.

— Пока, Тэф.

Том встал и выглянул из окна. Он видел, как уводят Эванса. В усыпанном соломой дворе пожилая женщина в черном платке кормила кур. Когда Эванс проходил мимо, она выпрямилась и перекрестилась. Том запрокинул голову и посмотрел на небо, обложенное багровыми грозowymi тучами, между которыми пробивались лучи утреннего солнца. Он увидел трех чаек, серебристо-белых на фоне темных туч. Откуда-то неподалеку донесся звук ружейного залпа. Женщина упала на колени.

Том предстал перед полевым трибуналом по обвинению в отказе исполнять приказ. Он признал себя виновным, и его осудили. Сержант Таунчерч, конечно же, был неправ. Том это знал, и офицеры тоже. Но дисциплину нужно соблюдать, поэтому никто не спрашивал, какой приказ он не выполнил.

Его приговорили к пяти дням в Первом штрафном батальоне. Это означало дополнительные наряды, заключение в караулке и хождение по плацу в полной выкладке. И еще это означало, что все пять дней, по вечерам, его на два часа привязывали к орудийному лафету, крест-накрест, притянув запястья и лодыжки к ступицам колес. Сержант Таунчерч лично приходил проверить, плотно ли стянуты ремни, а потом он возвращался посмотреть, как Тома отвязывают. И каждый вечер, когда ремни снимали, он задавал ему один и тот же вопрос:

— Ну, Маддокс? Не жалеешь, что ослушался приказа?

Том никогда не отвечал. Он притворялся, что просто не замечает его.

В конце июля Шестой батальон оставил Сомму и перебазировался во Фландрию, к городу Ипр, который находился под обстрелом день и ночь. На пути им встретилась группа связистов.

— Добро пожаловать в столицу выпуклости! Когда найдете хоть одну, не уносите ее с собой, пожалуйста!

— Ступайте к шлифовальщикам, и пусть вас хорошенько пригладят!

— Может, и вы отличитесь в ловле снарядов.

— Казармы вон там, слева от вас. Точнее, были там еще сегодня утром.

— Пароль «Нож». У вас все равно не будет времени сказать что-нибудь подлиннее.

В тот же вечер Том и Ньюэз облазили весь город, бывший когда-то городом гордых шпилей. Они всматривались в руины старого собора, каркас Зала духовенства.

— Когда все это кончится, люди снова отстроят его. Удивительно, как у них духу хватит начать.

— Ты вернешься сюда? — спросил Том. — Потом, посмотреть, как он выглядит.

— Это мысль, — сказал Ньюэз. — Как насчет того, чтобы вернуться сюда вместе? Например, через десять лет после того, как война кончится, съездим специально для этого.

— Ладно, договорились, — согласился Том. — Если только будем живы.

— А если и умрем, то наш дух вернется сюда. В ближайшие годы по Франции и Бельгии будет бродить множество духов.

По всему фронту собирались войска для нового наступления. Каждый акр был буквально забит людьми, лошадьми, орудиями и снаряжением. Врагу, занимавшему позиции на возвышенности в северо-восточной части города, была видна вся эта сутолока внизу, похожая на человеческий муравейник. Немецкие наблюдательные посты господствовали над городом, и артиллерия могла обстреливать любые точки на выбор. И с каждым днем обстрел усиливался.

— Сидим тут, как утки! — сказал Ньюэзу Дик Кострелл. — Какого черта наши папаша ждут?

— Они сейчас как раз заканчивают игру в шары.

— Еще дня два, и нам нечем будет атаковать.

Кострелл сказал это с горечью. Ожидание действовало ему на нервы. Начался дождь. Земля промокла насквозь.

В последний день июля с первыми лучами солнца британская артиллерия усилила обстрел. По всему фронту пехота выбралась из окопов и, поддерживаемая заградительным огнем, двинулась на неприятеля. Началось новое большое наступление.

Шестой батальон должен был поддержать полки Вустершира. На помощь подходили танки. Но земля была такой мокрой, что танки либо просто увязали в канавах, либо попадали под вражеские снаряды, потому что двигались слишком медленно.

Шестой батальон пошел в атаку, но был отброшен назад убийственным орудийным огнем. Они были вынуждены окопаться на занятых позициях. К вечеру дождь усилился. Всю ночь солдаты пролежали в траншеях, полных воды. Дождь продолжался и на следующий день, и на следующий за ним.

На пятый день их сменил другой батальон. Они прошли по менинкой дороге и вошли в лагерь за Ипром. Им выдали сухую одежду и напоили сладким чаем с ромом. Еда состояла из говяжьего рагу, которое еще дымящимся разлили по котелкам, но из-за непрекращающегося обстрела в нем были и нежелательные ингредиенты.

— Это еще что? — спрашивал Ньюэз, выуживая из миски кусок шрапнели и показывая его повару. — Неприкосновенный запас?

— Это то, что вы обычно оставляете по краям тарелки.

За сдой они пытались разузнать, как продвигается наступление, но оказалось, что никто точно не знает. До них доходили только слухи, некоторые из них были весьма безрадостными. Капрал, например, рассказал о том, что британские орудия обстреляли позиции, занятые уже британскими же войсками. Еще рассказывали о целой роте батальона трех графств, потерянной всего за восемь часов в темноте под Пилкем Риджем. И еще говорили — неизвестно, правда ли это, — что Пятый батальон Западной Мерсии потерял три четверти личного состава под Раннехемарком.

— Снова чертова Сомма, — сказал Тому Пекер Дансон, — только это еще хуже, чем было там.

Август во Фландрии всегда был сырым, но август тысяча девятьсот семнадцатого был хуже, чем все предыдущие.

— Это из-за пушек идут дожди, — повторял Дансон. — Я уже заметил: как только начинается обстрел, жди дождя!

Они сидели в окопах возле Хуга, промокли до костей. Спать было невозможно из-за обстрела. Нервы были на пределе у всех. Только Ньюэз оставался бодрым.

— Тебе надо было захватить зонтик, Пекер.

— Мне надо было притащить с собой чертово каноэ. Теперь понятно, почему немцы так заняты своими подводными лодками. Они скоро используют их в окопах.

— Слушайте! — сказал Ньюэз, приложив указательный палец к губам.

— Что за черт? — спросил Дансон.

— Смирно! Опускается тьма.

— Да я тебе сейчас башку откручу!

Постепенно, с наступлением темноты, вражеский обстрел, особенно сильный в сумерках, ослабевал. Снаряды рвались редко и ложились не так густо.

— Джери готовятся ко сну, — говаривал Ньюэз, когда обстрел стихал. — Они выгоняют на улицу котов и оставляют записку для молочника.

Бац. Бац. Левее.

— Две пинты, — сказал Ньюэз.

Бац. Бац. Правее.

— Свалился на молочные бутылки.

Бац. Бац. Бац. Бац.

— Поднимается к жене. А она лежит и прислушивается к шагам на лестнице. Она, как хорошая жена, уже согрела постель.

Наступила тишина. Ньюэз пососал пустую трубку.

— Даже думать не хочется, чем они там сейчас занимаются.

Бац. Бац. Довольно близко.

— Он, кажется, свалился с кровати.

— Ты когда-нибудь заткнешься? — вдруг заорал Кострелл.

— Иногда я молчу, — ответил Ньюэз.

— Мне уже до смерти надоели твои бесконечные шуточки! Бога ради, дай отдохнуть в тишине!

— Ну, хорошо. Не горячись, — сказал Ньюэз. — Я понимаю намеки не хуже других.

Кострелл нервничал. Он все время дергался и дрожал. Тому вспомнились Ламберт и Эванс. Он нагнулся к нему и предложил сигарету. Кострелл выбил ее у него из рук.

— Успокойся, — проворчал Дансон.

Следующей ночью, которая была такой же сырой, Том и Дансон стояли на посту. С ними был и Кострелл. Услышав шум в соседнем окопе, Том пошел посмотреть, что случилось. Кострелл лежал на дне, а рядом валялась банка из-под рома. Остальные часовые тщетно пытались разбудить его.

— Да он мертвецки пьян! Где, черт побери, он достал эту банку?

— Что будем делать? — прошептал Раш. В его голосе был испуг. — Если его увидит Таунчерч, он кончит так же, как бедняга Эванс.

Они подняли Кострелла и стали хлопать его по щекам. Но он по-прежнему не подавал признаков жизни. Том побежал в свой окоп и позвал из блиндажа Ньюэза. Тот пришел, вытряхивая трубку, взял Кострелла за руку. Потом он засунул ноготь большого пальца под ноготь Костреллу и резко надавил. Кострелл громко вскрикнул. Раш закрыл ему рот ладонью, а Дансон растер ему запястья. Они поставили его на ноги и быстро протащили туда-сюда. Вскоре он стал приходить в себя.

— Где ты, черт дери, откопал эту банку?

— Не знаю. Где-то выиграл.

— Можешь стоять? А ходить можешь?

— Думаю, да, — пробормотал Кострелл.

— Лучше бы мог! — сказал Дансон. — Ты знаешь, что полагается за пьянку на посту?

— Господи! — Кострелл заплакал. — Мне так плохо!

— Давай, парень, соберись. Таунчерч сейчас явится.

— О Боже! — воскликнул Кострелл, но все же встал и взял у Дейва Раша ружье.

— Если бы не Ньюэз, ты бы до сих пор не пришел в себя, — сказал Дансон. — Мы никак не могли привести тебя в чувство.

Кострелл перевел взгляд на Ньюэза:

— Спасибо, дружище. Я куплю тебе выпивку в пятницу.

— На вот, пожуй, — сказал Ньюэз и протянул ему плитку табака. — Может, он отобьет запах рома.

Ньюэз вернулся в свой блиндаж, забрав с собой полупустую банку рома. Через несколько минут подошел Таунчерч с командиром взвода мистером Коулби. Все часовые были на бруствере. Все было так, как и положено.

* * *

Когда-то давно низина к северу от Ипра была отвоевана у моря и с помощью плотин осушена. Теперь эти плотины были разрушены британской артиллерией, и хлынувшая вода снова превратила местность в болота. Силы союзников пытались наступать по этим топям на немцев, прочно укрепившихся на высотах.

— Вот тебе и Гримпинская трясина, — ворчал Дейв Раш, вытягивая ногу из болота. — Только сила воли держит ботинки на моих ногах.

— А я после этой каши буду хвататься за все, что попадется!

Ньюэза взрывной волной отбросило в трясику и окатило грязью с головы до ног. Тем не менее он держал во рту трубку и прочищал ее от попавшей туда грязи.

— Говорят, грязевые ванны улучшают цвет лица. Мы вылезем отсюда, как те парни с этикеток мясных деликатесов. Лондонские дамы тратят кучу денег за то, что мы получаем тут задаром.

— Держу пари, что их грязевые ванночки так не воняют.

— Ты не должен обращать на это внимания. Это просто запах гниющего тела.

— Да, мой дружок Джим Бейкер похоронен где-то здесь. Его убили в пятнадцатом году.

— Мы теперь не станем останавливаться и искать его, Пекер. Утром у нас свидание с фрицами.

Это было ближе к концу августа, в дождливую и особенно темную ночь. Они двигались к месту сбора, ярд за ярдом нащупывая дорогу, готовые вступить в бой на следующий день.

— Что нам сейчас нужно, — сказал Дейв Раш, — так это электрический фонарик с черным светом.

По цепочке передали приказ: «Не курить».

— Я не готов к обручению, — сказал Тому Пекер Дансон. — Я не купил чертова кольца.

— Прекратить разговоры! — заорал позади капрал.

Колонны солдат медленно продвигались вперед, чавкая грязью. По-прежнему шел дождь. Все траншеи были затоплены, вода доходила до колен.

Когда наступил рассвет, первое, что они увидели — это вода, разлитая впереди. Нейтральная полоса представляла собой сплошные лужи, свет в которых был даже ярче, чем в затянутом тучами небе. Дождь шел монотонно, его серый занавес нехотя пропускал дневной свет, открывающий запустение, царившее на земле. В грязи валялись разбитые перевернутые орудия, увязнувшие по самые башни развороченные танки. У одного большого танка не было гусениц. Повсюду лежали мертвые люди и лошади, увязнувшие в черной жиже, и только там и сям из нее торчали копыто или рука, указывающая в небо.

— Если я доживу до конца войны, — сказал Тому Дейв Раш, — то, пока буду жив, никогда не захочу больше встречать рассвет.

Сообщения между войсками были затруднены. Все утро они пролежали под дождем в ожидании приказа. В два часа британские орудия открыли интенсивный огонь. Наступающие взводы вылезали из окопов и бежали вперед по грязи под прикрытием артиллерии, которая медленно переносила огонь вверх по склону.

Придавленные к земле тяжестью снаряжения, они шли по грязи, которая местами доходила до бедер, продвигаясь ужасно, болезненно медленно.

— Немцам хорошо, — сказал Дансон. — У них там на холме неплохое местечко.

— Значит, ты знаешь, что делать, — выгони их оттуда! — сказал молодой лейтенант, командующий взводом, и бросился вперед, высоко подняв ружье.

— Просто, да? — спросил Дансон подошедшего Ньюэза. — Джери только и ждут, когда я вытащу свои чертовы ноги из этой вонючей грязищи.

Таунчерч, выбравшийся уже на какую-то бетонную плиту, подгонял солдат.

— Давайте, гусеницы, шевелитесь! Мне нужно продвижение! Я хочу, чтобы мой взвод был впереди!

— Мы знаем, чего ты хочешь! — закричал Кострелл, едва соображая, что говорит.

— Ну, Кострелл, чего я хочу?

Кострелл барахтался в грязи. Таунчерч плюхнулся на него и помог, толкнув в спину. Кострелл упал лицом в грязь.

— Я сказал, шевелитесь! — орал Таунчерч. — Я велел двигаться и показать немного мужества! Вы влезете на этот чертов склон, если я буду подгонять вас всю дорогу!

Кострелл полз на коленях, задыхаясь и плача, пытаясь стереть грязь с ружья.

— Посмотрите! Посмотрите! Что мне делать с этой чертовой штукой? Я не могу идти без ружья! Что мне, мать вашу, делать?

— У тебя есть штык, — сказал Таунчерч. — Если только ты подберешься так близко, чтобы драться им. А теперь давай, поднимайся, или я отдам тебя под суд!

Том и Ньюэз помогли Костреллу подняться.

— Давай с нами, — сказал Ньюэз, — и если один из нас упадет, хватай его ружье.

Теперь Таунчерч пробирался к другим, застрявшим в грязи.

— Пошевеливайтесь! Я хочу, чтобы мы были там, за этим дымом! Если я могу идти, то и вы можете!

Заградительный огонь, продвигавшийся вперед, оставил их далеко позади. Они не успевали за ним, и теперь, когда дым вокруг рассеялся, им уже не за чем было укрыться от врага. Они были на открытом месте, в море грязи, а вражеские цепи все еще находились

далеко, за пеленой дыма и дождя.

— Куда идти? Куда? — кричал изо всех сил какой-то солдат. — Я даже не знаю, где немцы!

— И я тоже, — сказал Ньюэз. — Я иду вон за теми двумя, — он указал на Таунчерча и младшего офицера, идущих в двадцати ярдах впереди. — Будем надеяться, что они знают, куда идти.

Том, у которого был острый слух, услышал команду по-немецки где-то справа, совсем рядом. Оттуда открыли пулеметный огонь, который поддержали слева, и бегущие впереди люди попадали, словно кегли. Немногие оставшиеся сползли в воронку. Другие же остановились, не в состоянии пошевелиться, зарывшись в грязь там, где стояли. Том понял, что шагает по чьим-то плечам.

Немцы заранее установили пулеметные расчеты, спрятав их под мешками с песком на поле, и теперь, когда заградительный огонь англичан ушел в сторону, они вступили в бой. Наступающие из засады взводы попали под огонь с обоих флангов. Вторая волна атакующих откатилась, как и первая. Отделение Д сильно пострадало: погибли все офицеры, и оставшиеся в живых теперь шли за младшим офицером из отделения Б, который потерял своих. Он кричал и махал им, когда из основной цепи неприятеля, видимой теперь ярдах в ста впереди, открыли огонь. Офицер упал, раненный, и, поднявшись на локтях, смотрел, как вокруг падают люди.

— Бесполезно! — кричал он подошедшим. — Спасайтесь сами! Мы не прорвемся!

Но сержант Таунчерч подгонял их:

— Не слушайте его, он бредит! Мы, конечно же, прорвемся! За мной!

Вдруг он взмахнул руками и опрокинулся навзничь в грязь. Шедшие за ним попрятались в воронках и трещинах.

Сражение продолжалось весь день: из воронок спрятавшиеся в них делали вылазки, и в конце концов все неприятельские пулеметные расчеты были уничтожены. Но основную атаку не возобновили. Оставшихся было слишком мало, и они слишком устали. Надежды на подкрепление также не оставалось, и рано наступившая темнота положила конец этому дню. Пришел приказ окапываться. Дождь полил еще сильнее.

Весь следующий день команды санитаров с обеих сторон собирали раненых. Крупнокалиберные орудия обменивались чисто символическими залпами, а в основном на всем пространстве соблюдалось неофициальное перемирие. Санитары передвигались по всему полю, обыскивая воронки. Потери неприятеля были весьма невелики, и иногда немецкие санитары, подобрав англичанина, относили его поближе к британским окопам.

Том, Ньюэз, Брейд и Кострелл работали до самой темноты. Они пришли в батальонный пункт первой помощи, помогая раненым, чем только могли, пока не придут врачи. Таунчерч лежал под открытым небом и просил пить. Кострелл много раз проходил мимо, не замечая его и отказываясь помочь. То же делал и Пекер Дансон. Том принес ему воды. Он держал фляжку, пока Таунчерч пил. Он умирал. Лицо его исказилось от судорог, глаза закатились. Он смотрел на Тома, как бы с трудом узнавая его.

— Делаешь одолжение? — хрипло прошептал он. — Напрасно тратишь время, я уже покойник.

Поздно вечером Том с Дансоном и Ньюэзом пили чай у полевой кухни перед тем, как отправиться спать. К ним подошел молодой врач:

— Ваш сержант Таунчерч только что умер.

— Я несколько не удивлен, — сказал Дансон. — Он зашел слишком далеко.

— Он говорил странные вещи.

— Он всегда был таким, сэр, даже когда был совершенно здоров.

— Но он не бредил, — сказал врач. — Он знал, что говорит, и утверждал, что в него выстрелили сзади в упор.

— Ну, джери сидели у нас с обоих флангов, сэр, и если сержант повернулся...

— Рана, несомненно, от британской пули. Я могу это подтвердить.

— Невероятно! — воскликнул Ньюэз. — Он, должно быть, перешел кому-то дорогу.

Один из несчастных случаев на войне, сэр. Я повидал много такого за прошедший год.

— Я должен составить рапорт. Этого нельзя оставить просто так.

— Конечно, сэр. Очень печальное происшествие, сэр.

Врач оглядел их по очереди и ушел, не сказав ни слова. Ньюэз отхлебнул чаю, выдохнул в кружку Он сидел между Томом и Дансоном.

— Это не я, ребята, если вы так думаете.

— И не я, — сказал Дансон.

— И не я, — сказал Том.

— Несчастный случай на войне, вот что это такое. Стольких парней убили таким вот образом. И не все этого заслуживали, как Таунчерч, но тут уж ничего не поделаешь. Жаль, он так и не получил Креста Виктории.

Спустя три месяца в туманный ноябрьский вечер Том и Ньюэз с Дансоном и Рашем были в Поперинге в небольшом ресторанчике.

На стенах было множество надписей, сделанных солдатами британских и колониальных войск. «Оставлен, украден или заблудился один русский пароход», — написал кто-то, а другой: «Десятого августа в родильном доме Сент-Вайперс у Б. И. Ф. родились 12 слонят, все чувствуют себя хорошо». Там были и другие шутки, более или менее откровенные, от которых Дансон, как он сам сказал, просто краснел.

Ньюэз заказал четыре стакана вина. Ни он, ни остальные и не притронулись к бельгийскому пиву. Они сказали, что пили кое-что получше из пробоин.

— Вы уже видели американцев?

— Не знаю, а какого они цвета?

— Такие же, как и канадцы, а может, и получше, — сказал Дансон.

— Смотри-ка, лайми [\[13\]](#)! — удивился канадец за соседним столиком.

— Точно! Точно! — ответил Дансон в нос. — Как ты догадался? Онтарио!

— Смотри, Тосс, — сказал Дейв Раш. — Там двое парней заглядывают в окно и корчат тебе рожи. Думается, они хотят разозлить тебя.

Том повернулся на Стуле и увидел две физиономии, прижавшиеся к стеклу.

— Это Вильям и Роджер! Мои молочные братья! Господи Боже, просто невероятно!

Он пошел к двери и толкнул ее. В зал ввалились Вильям и Роджер.

— Ага, застучали! Пьешь, как обычно?

— Мы слышали, что твоя часть где-то поблизости, вот и решили тебя выследить.

— Ну не чудо ли это? — удивился Том. Он все еще не мог прийти в себя от неожиданности. — Проходите и познакомьтесь с моими товарищами.

Оба брата были теперь совсем взрослыми. Даже Роджер очень возмужал. Но они по-

прежнему оставались румяными и курносыми, с гладко зачесанными назад светлыми волосами и синими глазами под почти бесцветными бровями. Глаза всегда были широко открыты и ничего не пропускали. Вильям стал бомбардиром, но делал вид, что это пустяки, когда пораженный Том потрогал нашивки у него на рукаве.

— Просто взял их у одного парня, — сказал он, пожимая плечами, — которому они больше не были нужны.

— Вы, артиллеристы, всегда любите похвастать, — сказал Дансон, вставая, чтобы пожать им руки. — Так, значит, вы братья Бет? Подумать только!

— Ты знаешь мою сестру?

— Мы ее знаем по фотографиям, — сказал Ньюэз. — И по письмам, конечно, которые она посылает Тоссу. Она хорошо пишет, ваша сестренка Бет. Нам всегда приятно, когда она присылает весточку Тоссу.

Все шестеро уселись за маленький столик. Вильям заказал бутылку вина. Ее принесла суровая старуха с завитыми волосами, посматривая на них как-то хмуро.

— Шесть франков, — сказала она, ставя бутылку на стол и протянув ладонь Вильяму.

— Убирайся! — сказал Ньюэз. — Мы и раньше-то не платили больше пяти, да и пять слишком много для тебя, старая карга!

— Шесть франков! — сказала она, хлопнув ладонью по столу.

— Не давай ей столько, парень, — сказал Вильяму Пекер Дансон. — Она тянет их, потому что думает, что здесь пирушка.

— Пять франков, — сказал Вильям и положил деньги на стол.

— Нет-нет-нет! Шесть франков! Я требую!

— Пять! — сказал Вильям. — И пожалуйста, принесите еще два стакана. Вы же не думаете, что мы будем пить из бутылки.

— Шесть! Шесть! Я настаиваю!

— Пожалуйста, мадам, принесите два стакана, и довольно уже чепухи.

— Нет-нет-нет! Шесть франков! Я требую! Я требую!

Спор начал привлекать внимание. Канадцы уже делали ставки на того, кто победит, а компания глостерцев выкрикивала оскорбления в адрес старухи. Она побагровела и грозилась забрать бутылку, когда появилась женщина помоложе. Она подошла к столу, поставила два стакана и забрала пять франков.

— Пейте, томми, и убейте для меня завтра побольше бошей.

— Я бы уж лучше избавился от вашей старухи.

— Не обращайтесь на нее внимания. Она такая жадная до денег, потому что хочет выкупить своего сына. Он в плену у бошей, а она думает, что сможет купить ему свободу.

— Передайте ей от меня, что это скоро кончится.

— Никогда! Никогда! — сказала старуха, в глазах у нее стояли слезы. — Я не верю, что она когда-нибудь кончится.

— Ободряет, не правда ли?! Тут в округе все такие?

Вильям налил вина и поднял стакан, обращаясь к старухе.

— Viva la victoree ^[14]! — сказал он. — Viva счастливые улыбающиеся лица!

Девушка увела старуху, которая все еще ворчала. Вильям и Роджер усмехнулись Тому.

— Если б только мама с папой нас сейчас видели!

— Как вы здесь оказались? — спросил Том. — Я думал, вы где-то на юге.

— Верно. В Лафитте. Но нам пришлось приехать по делу в Амчез, и мы решили

вернуться кружным путем.

— Как у тебя дела, Том? — поинтересовался Роджер.

— Все нормально, — ответил Том и больше ничего не смог придумать.

— Я слышал, ваши недавно снова были в деле. И ты был в новом наступлении?

— Мы были в Стэйнбеке, — сказал Том.

— И на Менинской дороге, — добавил Пекер Дансон.

— И в Пассхендэле, — сказал Дейв Раш.

— Как там было дело? — спросил Роджер. — Вправду так плохо, как народ говорит?

— Народ! — воскликнул Дансон. — Какой народ?

Он и Ньюэз пили вино.

— Я отправляюсь в отпуск, — сказал Том. — Что передать нашим дома?

— Пожелай им всего хорошего, Том, и скажи, что видел нас живыми и здоровыми. Мы с Роджем в отпуск не идем. До тех пор, пока не кончится эта проклятая война. Если мы пойдем в отпуск, то, значит, расстанемся, а я обещал маме держаться вместе.

— По правде говоря, — вступил Роджер, — без пас, артиллеристов, войну не выиграть.

— Что же, вы двое единственные? — спросил Ньюэз, закуривая трубку. — Понятно, почему в Пикардии тихо последнее время.

— Просто мы самые лучшие.

— Все вы, артиллеристы, одинаковые, — проворчал Пекер Дансон, — но вряд ли я скажу вам, в чем дело, когда пью за ваш счет.

Когда компания уходила из кабачка, им встретились две девицы, которые только что вошли.

— Вы покупать нам выпить, томми? Много деньги! Покупать ром?

— Après la guerre ^[15]! — сказал Вильям, проходя мимо, а потом обратился к Тому: — Если б мама с папой нас видели!

За городом компания разделилась: Вильям с Роджером пошли на поезд, а Том с остальными решили напроситься к кому-нибудь, чтобы их подвезли до лагеря. Их голоса эхом отдавались на улице.

— Пока, Билл! Пока, Родж! Мы будем думать о вас, когда услышим ваши пушки, которые разнесут немцев ко всем чертям под Лафиттом.

— Пока! — крикнул Том, глядя вслед уходящим парням. — Всего наилучшего!

— Пока! — ответили они. — Увидимся, Том!

Все десять дней отпуска в Коббзе Том бродил по мастерским, подбрасывая ногой стружки и вдыхая знакомый запах древесины, смолы, краски и клея. Плотники наблюдали за ним с некоторым любопытством.

— Ну что, Том? Тебе, наверное, теперь довольно скучно? Тихо? Ничего такого не происходит в старом доме.

— А, да! Тихо. Как всегда или почти что так.

— Ну, как тебе там понравилось? Много нового? Получил какой-то опыт?

— Понравилось? — переспросил Том.

— Молодость бывает раз в жизни, вот что я имею в виду. И может случиться, что у тебя не будет другого шанса.

— Мадемуазели — вот Сэм о чем говорит, — пояснил Боб Грин.

— А, о них! — сказал Том, наклонившись затем, чтобы поднять связку реек. — Им

нужны твои деньги, только и всего.

— Ну, — сказал Сэм, — ты же рассчитываешь получить это бесплатно?

— Получить что? — уточнил Том и покраснел, услышав смех в мастерских.

— Том, ты и вправду такой невинный?

— Такой парень, уже двадцать лет, солдат! Они вас там что, ничему не учат?

— Ты не сын своего отца, парень, если до сих пор такой зеленый.

— Том себя бережет для Гилли Престон. *Эта* мадемуазель как раз для него. Верно, Том?

Том только пожал плечами и пошел прочь.

В большой кухне за столом сидела Бет Изард. На столе лежали ручка, почтовая бумага и стояла бутылка чернил. Ее муж Джесс стоял позади, покуривая трубку. Напротив сидела старая красивая цыганка Клементина Рейнбоу из Папет-Хилла, где, как говорили, цыгане стояли каждую зиму с незапамятных времен. В руках, одетых в митенки, она держала чашку чая.

Миссис Рейнбоу не умела ни читать, ни писать. Поэтому она и пришла за помощью в Коббз. Ее сын Александр был в армии, где-то на Западном фронте, и его командирам нужно было срочно послать письмо с просьбой немедленно отправить Александра домой, так как его бедные мамочка и папочка получили невероятно огромный заказ на колышки и им необходима помощь сына.

Бет сидела в нерешительности, поглядывая на мужа и на Тома, притихшего в углу у печки.

— Моя дочь Бетони грамотная. Если вы подождете до вечера, миссис Рейнбоу, она напишет вам это письмо.

— Напишите сами, миссис Изард. Я часто видела, как вы писали. Вы сделали надпись на повозке Джорджа.

— Ну, хорошо, — согласилась Бет и взяла перо. — Что мне писать?

— О колышках, пожалуйста, миссис Изард. Громадный заказ, и скажите им, что без Александра нам не управиться.

— Они не отправят его домой, — сказал Джесс, — только для того, чтобы делать колышки, миссис Рейнбоу.

— Вы думаете — нет, мистер Изард?

— Я в этом уверен, миссис Рейнбоу.

— Тогда напишите, что у нас заказ еще и на корзины, и нужно, чтобы он был готов к Рождеству.

— Что-нибудь еще, миссис Рейнбоу?

— Скажите господину полковнику, пожалуйста, что я видела прошлой ночью в дыму от костра, что скоро у него будут большие деньги.

Бет, ничуть не изменившись в лице, закончила письмо и написала имя миссис Рейнбоу внизу страницы. Она вложила письмо в конверт и написала адрес.

— Бестолковый парень, — сказала цыганка. — Уйти в армию и бросить нас! Он уже никогда не станет таким, как был, миссис Изард, связавшись с этой дурацкой войной.

— Никто уже не будет прежним, миссис Рейнбоу.

Когда цыганка ушла, Бет подняла глаза и встретила взгляд Тома.

— Хотел бы я быть там, — сказал он, улыбаясь, — когда полковник Александра получит это письмо.

— Как там Вильям и Роджер? — спросил Джесс. — Они все такие же крепкие и бодрые? — Он спрашивал об этом уже в сотый раз.

— Они в порядке, — подтвердил Том. — Они здорово выросли, оба. Вильям ростом почти что с дом.

— Ну да, он теперь бомбардир, помнится.

Вильям и Роджер сфотографировались в Руане и послали фото домой. Тогда в декабре в Хантлип пришел старый солдат, ковылявший на костылях, потому что потерял ногу в четырнадцатом году в битве за Монс. Он зарабатывал на жизнь тем, что писал портреты с фотографий солдат, которые ушли на фронт. Он обходил деревню и стучался в двери.

— Мужья, отцы, сыновья, любимые. Если у вас есть их фото, я скопирую для вас, сделаю настоящий портрет маслом.

Бет дала ему фотографию Вильяма и Роджера, сообщила все подробности цвета. Он скопировал все точно, как в жизни. Портрет повесили в гостиной над камином, и братья смотрели с него на свою семью: светловолосые, с прямым взглядом пронизательных синих глаз, с сияющими лицами, гордые тем, что сидят вместе в военной форме. У Вильяма две нашивки на рукаве, пуговицы обоих начищены до блеска.

— Тебе тоже надо сфотографироваться, — сказал Тому Джесс. — И мы попросим художника сделать и твой портрет.

Он боялся, что Том, возможно, чувствует себя одиноким, потому что бабуся Тьюк всегда вязала что-нибудь для Вильяма и Роджера, но никогда ничего для Тома.

— Ты не переживай, — прошептал Джесс. — Потому что бабуся вяжет уже не так, как раньше.

— Чем тебе плохо мое вязание? — спросила бабуся, выпрямившись и глядя на Джесса. Зрение у нее было плохое, но вот слух просто превосходный. — Чем плохо мое вязание, хотела бы я знать?

— Ну, у той перчатки, что ты связала, было слишком много пальцев, а шапка получилась наполовину бордовая.

— Это маленький Дик сделал, поменял шерсть, пока я не видела. — Бабуся наклонилась вперед и коснулась руки Тома. — Я тебе что-нибудь свяжу. Что ты хочешь? Носки? Или перчатки? Или плед?

— Не беспокойся, у меня все есть.

— Ты, казалось, всегда не замечал холода.

— Я в порядке, — сказал Том. — Мне всего хватает.

Бет и Бетони присылали ему шерстяные вещи. Они присматривали за тем, чтобы у него все было.

— Что бы ты *больше* всего хотел получить? — спрашивала его Бетони. — Что тебе кажется самым необходимым?

— Большой фруктовый пирог, такой, как твоя мать однажды присылала в банке. В нем было много миндаля.

— Ты не знаешь про ограничения в продаже сахара? В новом году его будут отпускать по карточкам.

— Я думал, может, Бет удастся сэкономить немного меда.

— Мать говорит, что никогда еще люди так участливо не спрашивали ее о пчелах, как в последнее время, когда сахара стало не хватать. Но у нее, конечно же, есть немного меда для

тебя.

Они были на кухне одни. Том сидел, глядя на огонь. Бетони наблюдала за ним.

— Ты никогда особенно не любил фруктовый пирог.

— Там мы были ему очень рады.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь «мы»?

— Ребята, — сказал он. — Им всегда нравится фруктовый пирог.

— Я должна печь пироги, чтобы накормить парней?

— Не их специально — мы всегда делимся, — сказал Том. — Мы всегда делим на всех то, что присылают. Это здорово, знаешь ли. Мы ведь все время немного голодные.

— Но почему? — удивилась она. — Почему они не кормят вас как следует?

— Много продуктов растаскивают, — пояснил Том. — Некоторые парни продают их магазинам и кафе. Что-то в этом роде, я слышал. Как бы то ни было, думаю, это правда.

— Но это ужасно! У меня просто кровь закипает, когда слышу о таких вещах! Должен же быть надзор.

В печи потух огонь, и Том нагнулся, чтобы подбросить дров. Он молча смотрел на Бетони некоторое время.

— Я очень расстроился, — сказал он, — когда узнал, что капитан попал в плен.

— Да, — сказала она. — Надеюсь, что немцы обращаются с ним неплохо. В письмах он говорит, что все в порядке, но я не перестаю беспокоиться.

— Мне кажется, не все немцы плохие. Некоторые — может быть, но не все. С ним все будет хорошо, Бет, не волнуйся.

— Зачем ты называешь меня Бет? Ты раньше этого никогда не делал.

— Извини, — сказал он. — Я научился от ребят. — И он стал рассказывать ей о письмах. — Мы *имити*же делимся, читаем письма друг другу. Кроме личных, от жен, например. Ребятам нравятся твои письма. Они нарасхват, как горячие булочки. Ты заставляешь их смеяться и подбадриваешь. Парни говорят, что они действуют, как настоящий тоник.

— Мне нужно следить за тем, что пишу.

— Ты это обдумываешь, Бет? Я никогда не думал, что ты обращаешь на них так много внимания.

— Нет, — сказала Бетони, — я особенно не стараюсь.

Но на самом деле то, что она узнала, было очень приятно. Она почувствовала себя близкой этим людям, которые там страдали, переносили такие тяготы. Нужно было всего-то ничего, она должна постараться писать почаще.

— Расскажи мне про своих товарищей, — попросила она. И увидев, как он улыбнулся, спросила: — Что-нибудь смешное?

— Я подумал о Биге Гловере. Он всегда говорил о тебе. Однажды он сказал, чтобы я спросил, не выйдешь ли ты за него.

— Скажи, что сначала я должна его увидеть.

— Биг Гловер уже мертв. Его убили прошлым летом на Сомме. Он был откуда-то из-под Бромярда. И Ричи с Флайером Кайтом тоже были оттуда. Кайт здорово играл на губной гармошке, а Ричи знал кучу историй. Они были отличными парнями, Кайт и Ричи, но теперь оба мертвы.

И он продолжил свой почетный список: Кадди, Эванс, Мастоу, Брейд, Вернинг, Рейнолдз, Привитт, Смит — все классные парни, которых уже не было в живых.

— Боже праведный! — сказала Бетони. — Неужели никого не осталось в живых?

— Не много, — сказал Том. — Но новые ребята приходят постоянно.

— Нельзя посылать так много молодых людей на смерть, чтобы их скопило, как пшеницу в поле!

— Да, нельзя, — согласился Том.

Глядя на него, Бетони поняла, что он сильно изменился. У него всегда был какой-то затравленный взгляд, но теперь он казался постаревшим. Его глаза повидали много такого, чего видеть вообще не следовало бы.

— Дика призовут следующей весной, — сказала она.

— Знаю, он мне говорил.

— Когда это кончится, Том, когда?

— Не знаю, но думаю, когда-нибудь война должна закончиться.

— Мы победим немцев, как ты думаешь?

— Полагаю, что должны, — ответил Том, — или же все жизни были отданы впустую.

— Береги себя, — попросила Бетони, — и передай ребятам, что пирог прибывает.

— Не дай войне закончиться, — сказал Дик, — я тоже хочу попасть туда и поразвлечься.

— Дик, замолчи! — воскликнула Бетони. — Думай, о чем говоришь!

— Помолчи, сынок, — проворчал Джесс, — и подай Тому мешок.

— Я тебе что-нибудь свяжу, — пообещала бабуся, — как только у меня будет время.

— Надеюсь, ты не разучишься работать, — сказал старик Тьюк, похлопывая Тома по спине, когда тот влезал в повозку. — Ты должен практиковаться, вырезать что-нибудь, как только выпадет свободная минутка, чтобы не разучиться к тому времени, когда вернешься домой.

Тилли Престон, ждавшая в дверях «Розы и короны» и наблюдавшая за пони и повозкой, выбежала на дорогу и бросила Тому на колени пучок красных, белых и синих лент.

— Возьми их, Том, они принесут тебе удачу.

Том засунул ленты в карман. Джесс взглянул ему в лицо.

— Тебе нравится Тилли Престон, Том? — спросил он.

— Она ничего, — ответил Том, пожимая плечами.

В Шестой батальон, отведенный с юга Франции, вливались остатки Десятого батальона, расформированного после тяжелых потерь, и новое пополнение, прибывшее из Англии. Том и Ньюэз были тертыми калачами. Они чувствовали себя обязанными держать марку. Опытные люди. Ньюэз сказал, что их долг заняться новичками и показать им, что к чему, особенно в окопах.

— Смотрите во все глаза, слушайте во все уши и старайтесь изо всех сил, — говорил он. — Это ненадолго. И мы, и они умираем с тоски. А то, что останется от Британского экспедиционного корпуса, поместится на одном корабле.

Дразнили новичков немилосердно.

— Эй, ты захватил с собой свою карточку на сахар?

— Сержанту нравится, когда ты зовешь его «папочка».

— Полгода санитаром, и ты получишь орден «За безупречную службу». Через двенадцать месяцев у тебя будет Крест Виктории. Еще два года — и ты выйдешь в отставку.

Одного из парней, вошедших в блиндаж, напугало огромное количество крыс, кишущих там.

— У! — отпрянул он. — Я не люблю крыс.

— Лучше бы тебе полюбить их, — сказал Ньюэз, — потому что они чертовски хорошо о нас думают!

— Эй, Тосс, — сказал Дансон. — Тут один парень хочет увидеть Джека Джонсона!

— Ну, это еще что, — откликнулся Раш. — У меня тут есть один, он жалуется на свои сапоги. Говорит, что никогда не носил никаких размеров, кроме девяностого!

Похолодало. Выпало много снега. Людям раздали кожаные куртки. Они сидели в своих блиндажах, плотно прижавшись друг к другу, по уши закутавшись в одеяла и обложив ноги мешками с песком.

— Я начинаю думать о пуховых перинах и своей женушке под боком, такой тепленькой, которая щекочет мне спину, — сказал Чёпи Бёд. — Очень трогательно, правда?

— А я вспоминаю свою печь, — подхватил Берт Мур, сталевар из Вулверхамтона, — и ее жар, пышущий в лицо, когда я загружаю топку.

— А я думаю о лете и игре в крикет на Питчкрофте, — добавил Боб Ньюэз, который был родом из Вустера. — Как я сижу на солнышке в белом фланелевом костюме и дожидаясь своей очереди, чтобы ударить.

— А я думаю обо всем подряд, когда мне холодно, — сказал Бейнз, — иначе моя башка замерзает и мозги уже не работают.

Во время холодов вдоль всей линии фронта стояла тишина. Слишком уж тихо, говорил Ньюэз, и все боялись худшего.

— Ну-ка, Кокс, сходи-ка поглядеть, что там джери подельывают, и скажи им, чтобы не дергались.

— Думаешь, они и вправду собираются отправить нас к чертям?

— Мрачные слухи всегда верные. Они разобьют нас еще до того, как янки успеют построиться. А потом немцам особо напрягаться уже не придется.

Слухи себя оправдали. Все взятые в плен немцы говорили о большом наступлении, и с передовых наблюдательных постов было видно, как к передовой подтягиваются свежие подкрепления, оставаясь вне зоны досягаемости британских орудий. Погода улучшалась. Мартовские ветра высушивали землю. Недалеко от Камбрэ британские солдаты, рывшие укрепления, неожиданно попали в газовую атаку. Каждые два человека из трех были выведены из строя. Том, отвозивший письмо в Монтеваль, видел длинную вереницу этих отравленных газом людей, ослепших, потерявших голос, пробиравшихся, взявшись за руки, по зигзагообразным ходам сообщения к тыловой линии. Он насчитал сто тридцать три человека.

— Они поправятся? — спросил он санитар в Чесле.

— До известной степени, — ответил тот.

В ночь на двадцать первое немцы начали массированный обстрел британских укреплений по всей линии фронта от Круазели до Ла-Фера. Ничего подобного до сих пор не знали: передовые гарнизоны британцев как бурей пригнуло к земле, оглушило и парализовало, а земля вокруг словно распалась на части.

— Вот оно, — сказал Ньюэз. — Когда это кончится, они налетят на нас, как мухи на коровье дермо, черт их побери.

С того места, где они лежали, им были видны разрывы британских орудий в Сен-Квентине. Вспышки превратили ночь в день. На некотором расстоянии от них, на правом фланге, разнесло в пух и прах пулеметный расчет, а чуть подальше, у самых окопов, легло три снаряда.

— Бедняги, — посочувствовал Ньюэз. — Вместе с этими пулеметами разнесло и Уилки. Я любил старину Уилки. Я буду ужасно скучать по нему. Он мне задолжал шиллинг в покер.

Пробившись сквозь плотный туман, выглянуло солнце, а немцы продолжали обстрел все утро. В девять тридцать он прекратился, и показалась немецкая пехота: одетые в серое, люди выходили из серого тумана. Передовые посты открыли огонь.

Туман помогал противнику; солдаты выбегали не цепью, а небольшими группами, прорываясь сквозь плохо вооруженные заслоны британцев и атакуя их с флангов и с тыла. Вскоре передовые посты были уничтожены. Несколько уцелевших человек отступили.

В основной линии обороны царило замешательство. Офицеры сновали взад-вперед, призывая солдат держаться. Один молоденький младший офицер пробежал уже несколько раз.

— Сохраняйте спокойствие! Сохраняйте спокойствие! — кричал он людям на бруствере. — Сохраняйте полное спокойствие и тщательно прицеливайтесь.

— Черт его побери, — проворчал Ньюэз. — Как раз он-то и суетится больше всех.

Капитан Хайат, их взводный командир, наблюдавший с бруствера за полем боя, был спокоен и собран, готов отдать приказ открыть огонь. Впереди из тумана показалась группа немцев, бегущих по открытому пространству. Прозвучала команда, и прогремел ружейный залп. Группка немцев исчезла, и ее место заняла другая, позади которой маячило еще несколько. Сразу в нескольких местах немцы прорвали линию обороны.

На Шестой батальон, сидевший в окопах в Артишоке, с обеих сторон наседали немцы, и над ним нависла опасность быть отрезанным от своих. В воронки послали солдат с гранатами, чтобы прикрыть отступление с обеих флангов. Том отправился на правый фланг вместе с Ньюэзом, Дансоном, Гровером и Кумбсом. Батальон откатывался назад, огрызаясь на ходу, пока не добрался до безопасного редута Сэндбой. Последними должны были отступить команды гранатометчиков. Они оставались до тех пор, пока не кончились все гранаты, а затем поодиночке стали прорываться к своим.

Том попал под огонь немецкого пулемета и был ранен в обе лодыжки. Он подполз к воронке и скатился на дно. Пулемет вел огонь из-за насыпи в пятидесяти ярдах. Вдруг раздался взрыв, и пулемет замолчал. Хорошо нацеленный снаряд нашел свою цель.

Портянки и бриджи Тома были порваны в клочья и висели лохмотьями, пропитанными кровью, с присохшими на них кусочками мяса. Он пытался открыть санитарный пакет, когда услышал голос и увидел Ньюэза, сползавшего к нему. В зубах у него была незажженная трубка.

— Чертов дурак! — сказал Том. — Вернулся через все это!

— Я подумал, может, у тебя найдутся спички.

Он встал на колени рядом с Томом и вылил по пузырьку йода на каждую рану. Повязка сразу же напиталась кровью, и Ньюэз снял свои портянки и использовал их как дополнительные бинты. Том потерял сознание и больше уже ничего не помнил.

Ньюэз взял Тома на руки и потащил его через поле, которое уже было занято противником. Единственным прикрытием ему служил густой туман, и все же ему удалось добраться до своих целым и невредимым и отнести Тома на медицинский пост, который

находился почти в двух милях от передовой. Когда Том пришел в сознание, Ньюэза уже не было рядом.

Том провел три недели в полевом госпитале Сен-Ирак, а потом его отправили надолго в пакгаузы в Обриле. Он беспокоился за своих ребят, потому что новости, приходящие с фронта, были действительно мрачные. Немцы прорвались по всей линии, и союзники отступали, ожесточенно сражаясь за каждую милю. Верховный главнокомандующий обратился ко всем частям. Их прижали к стенке, говорил он, и они обязаны сражаться до конца.

Однако к концу мая немецкое наступление стало терять силу и линия обороны британцев начала укрепляться. Надежда вернулась, возрастая все более, и скоро в воздухе повеяло уверенностью.

В середине июня Том вернулся в свой батальон, стоявший в резерве в Шантерене. Прошло три месяца, и многих друзей уже не было: кого убило, кого с тяжелыми ранениями отправили домой. Но Боб Ньюэз и Пекер Дансон оставались по-прежнему, и Дейв Раш снова вернулся.

— Ну и джери, конечно, с нами. Вон они сидят там. Только не дразни их, если можешь, а то в последнее время они что-то потеряли чувство юмора.

— Я думал, тебя с твоим ранением отправят домой, — сказал Тому Пекер Дансон.

— Только не Тосса, — сказал Ньюэз. — Он куда крепче, чем выглядит.

Дважды в июне немцы атаковали Блини, но оба раза были остановлены. Потом в этом районе атаки прекратились, и в Шестом батальоне все было спокойно. На правом фланге, в осажденном Реймсе все еще держались, а слева наступление противника остановили в лесах на берегах Марны. В середине июля немцы предприняли еще одну попытку прорыва, но их остановили и отбросили к Веелю, и к концу месяца наступление противника захлебнулось по всему фронту.

Во время наступившего затишья у союзников появилась возможность восстановить силы. Они подсчитывали потери и переформировывали части. Вскоре они были готовы к удару, который мог бы положить конец войне. Американцы собирались с силами. Боевой дух французов пылал снова. На этот раз все *должно* закончиться к Рождеству.

Август и сентябрь показали, что перелом наступил. Союзники наступали, гоня противника через всю Францию. К началу октября линия Гинденбурга снова была в руках союзников.

— Что ты будешь делать, когда окажешься в Берлине, Пекер?

— Станцую с кайзером «Голубой Дунай» [\[16\]](#).

— А потом?

— Сяду на ближайший поезд домой, конечно.

Шестой батальон был на марше. За последние шесть педель им не пришлось участвовать в боях, но теперь, после тщательной подготовки, их снова перебрасывали па фронт.

В маленьком городке под названием Валлон Сен-Жак люди оборачивались, глядя им вслед. Женщины выбегали навстречу с чашками кофе для солдат, старикам хотелось пожать им руки, а детвора махала маленькими трехцветными флажками. В одном доме, очевидно борделе, группа женщин, стоявших на балконе, посылала им воздушные поцелуи и

показывала голую грудь.

— Томми, заходите! Мы вас развлечем! Soldats anglais, мы сдаемся!

— На обратном пути, — отвечали солдаты. — Не забудьте о приглашении!

И проходя мимо, они запели свой вариант популярной песенки:

Зажги-ка поярче свой красный фонарь!

Мы скоро вернемся — все будет, как встарь...

Пусть дешево ценят солдатскую кровь,

Два франка мы сможем отдать за любовь...

За городом уже слышался пушечный грохот в нескольких милях к востоку, который напомнил им, что война еще не закончена.

— Уже идем! — проворчал Дансон. — Опять в эту чертову мясорубку.

— Да просто еще одна речка, — успокоил Ньюэз.

В сыром дождливом сентябре они шли через Ле-Бёф, Лё-Транслуа, Шенау, Рокеньи. Этот район они слишком хорошо знали. Многие друзья были здесь похоронены. И погода была тоже знакомая. В этой стране когда-нибудь кончается дождь? Это даже хуже Манчестера, говорил Шатлворт. Несколькими днями позже они прошли мимо руин Ла-Було и такой же темной дождливой ночью подошли к окопам передовой.

Они заняли позиции под названием Кантри Пойнт. Взводы В и Д должны были совместными усилиями атаковать и продвигаться по дороге, называвшейся «Бычья Аллея». Взводы А и Б должны следовать по правому флангу и занять позиции под названием Петушиная Шпора. В пять утра, с первыми лучами солнца, британская артиллерия открыла огонь, и четыре взвода пошли в наступление под прикрытием пушек вверх по скользкому склону.

Впереди висела толстая пелена дыма от разрывов, которая двигалась точно по рассчитанному времени. Первая волна наступающих смешалась, отброшенная назад разбитой землей, не видя ничего впереди из-за сносимых назад клубов дыма. Приказы тонули в общем шуме.

Вынырнув из дыма, Том оказался возле немецкого пулеметного расчета, споткнувшись о его проволочное ограждение. Пулемет разбилось на куски, а расчет был убит. Он обошел его справа, и еще полдюжины человек пошли с ним. Двое упали, сраженные пулями снайперов, прятавшихся где-то на нейтральной полосе. Остальные перебежками продвигались дальше. Но оставшиеся в цепи исчезли где-то за пеленой дыма, а перед этими немногими, что вырвались вперед, расстилался бескрайний заболоченный пустырь. Шел сильный дождь. Видимость была ужасная. Тому показалось, что они проскочили свой рубеж. Группа остановилась, чтобы определиться.

— Если это ипподром в Челтенхеме, — сказал Бёд, — то сегодня, кажется, заездов не будет, парни.

— Идем дальше или возвращаемся? — спросил Том.

— Вперед, — сказал Браунли, — и будем надеяться на лучшее.

Они уже прошли ярдов триста, когда перед ними разорвался снаряд. Пятерка легла, потом снова двинулась вперед. Теперь им были видны вражеские окопы вдалеке слева,

отмеченные орудийными вспышками и клубами дыма, висевшими в пелене дождя. Им были видны и свои, кишашщие, как муравьи в муравейнике.

— Боже правый! — удивился Ньюэз. — Мы *зашли* совсем не туда, это точно.

Они развернулись и побежали. Теперь дождь хлестал по их лицам. Когда они пробирались по грязи, справа, из обложенного мешками с песком укрепления застрочил пулемет; Браунли упал замертво, а Бёд перегнулся пополам: пуля попала ему в живот. Трое оставшихся нырнули в воронку, Ньюэзу пуля пробила руку.

Том и Тарроп выглянули из-за края воронки, пытаясь определить нахождение пулеметного расчета. Это сделал случайный британский снаряд, один из шести, выпущенных батареей полевых орудий в Суань-ла-Маре, и они увидели дым от разрыва. Том и Тарроп вышли на помощь Бёду, но нашли его уже мертвым с перекошенным лицом. Они поползли обратно к Ньюэзу, который сидел в воронке, посасывая пустую трубку.

— Не рассказывайте мне, я знаю, мы здорово влипли. Нас помянут в официальных сводках и попросят прочесть лекцию новобранцам «Как заблудиться в наступлении».

— Ты в порядке, Боб?

— Нет, от меня осталась только половина, Тосс.

— Давай посмотрим, что с рукой. Я тебе помогу.

— Ну, тогда полегче, мне эта рука пригодится, когда я буду играть в шары за Вустершир на будущий год.

Том забинтовал сильно разбитую руку и дал Ньюэзу свою фляжку. Тарроп стоял на краю воронки, оглядываясь, с ружьем наперевес. Вдруг раздался резкий щелчок, и он замертво рухнул, покотившись вниз по склону, пока не плюхнулся в лужу на дне. Том быстро подполз к краю и выглянул. В соседней воронке послышалось какое-то шевеление, и он прицелился. Снайпер вскинул руки и упал. Том остался на месте, наблюдая.

— Ты попал? — спросил Ньюэз.

— Да, но думаю, где-то здесь есть еще.

— Наши ребята уже получили за нас. Так что нам лучше убраться отсюда к черту и поскорее, как только найдем другую воронку.

Полевые орудия в Суане били опять, и снаряды ложились очень часто.

— Безмозглые гомики, — сказал Ньюэз. — Можно подумать, они узнают, что в воронке сидят англичане, когда увидят ее.

Том не успел обернуться, когда внутри воронки разорвался снаряд. Его отбросило взрывной волной, засыпало землей, и он почувствовал жжение. Он стал на колени и стряхнул с себя землю, которая весила целую тонну. Теперь все выглядело спокойным, а когда дым рассеялся, он увидел, что Ньюэза разорвало на куски. То, что осталось от него, едва ли можно было назвать человеком. Только трубка лежала совсем целая в нескольких ярдах. Том подполз к ней и, подняв, засунул в карман и застегнул его. Вдруг неожиданно прямо перед ним разорвался снаряд. В голове сверкнул фейерверк, и наступила темнота.

Когда он пришел в сознание, ему показалось, что была ночь, но потом он понял, что ослеп. Темнота была у него в голове. Ее не освещали ни звезды, ни осветительные ракеты, ни дальние вспышки орудий. Темнота была полной, и он находился в ее власти.

Верхняя часть черепа была совсем холодной, но внутри он чувствовал жгучую боль. Протянув руку, он нащупал осколки, впившиеся в лицо, голову, шею. Одежда свисала на нем ключьями, а тело казалось таким маленьким, точно его сначала поджарили, а потом отжали,

и везде он нащупывал пальцами острые кусочки металла и камня, вонзившиеся в него силой взрывной волны. На груди у него была рваная рана с запекшейся кровью, которую он зажимал санитарным пакетом.

Он выполз из воронки на ровную землю. Глаза болели, горели, а когда он моргал, то чувствовал под веками песок. Он полз на животе, у него не было сил подняться, и он подталкивал себя одной рукой. Во рту у него пересохло, и он пил вонючую, противную, гадкую воду из луж. В этой земле гнили мертвые тела, и пары нитроглицеринового пороха отравляли все вокруг.

Он добрался до окопа и перевалился на дно. Это был старый, давно заброшенный немецкий окоп, стенки которого во многих местах обвалились. Том немного прополз вдоль него, потом сел, прислушиваясь. Звук орудийных залпов был очень тихим, он подумал, что и слух тоже пострадал. Ему было очень холодно, он знал, что должен двигаться, но перед тем как предпринять еще одну попытку, он провалился в пустоту.

Он очнулся от тихого шуршания где-то поблизости. Наверное, крыса возилась среди костей. Но потом он услышал звук шагов и щелканье ружейного затвора.

— Кто здесь? — позвал Том. Он ничего не видел.

— Не двигайся, а то я стреляю! Руки вверх, ты, английский томми! И без глупостей. Ты мой пленник. Понятно?

Боже праведный! Он приполз прямо во вражеские окопы. И как его угораздило забраться так далеко? Но немец, кажется, тоже был совсем один: такой же, как и Том, отрезанный от своих, ищущий укрытия. Он заметил, что Том ранен и безоружен. Потом послышался такой звук, словно немец прислонил винтовку к стенке.

— Боже ты мой! Да ты совсем плохо выглядишь. На-ка, глотни воды.

— Вода, — сказал Том. — Да. Спасибо.

Он нащупал бутылку у губ и слабо отпил из нее, запрокинув голову. Вода была грязной и воняла бензином, но, должно быть, ее набрали в горном ручье, такой холодной она показалась Тому, горло которого горело. Он был слишком слаб, чтобы двигаться, а потому остался лежать, дрожа от холода, пока немец ощупывал его раны.

— Взрыв? Так, да? Тебя еще куда-нибудь ранило?

— Ослеп, — сказал Том и положил его руку себе на глаза. — Ничего не вижу. Карут!

— Жаль! Бедняга! Очень неприятная штука. Когда придут мои товарищи, мы о тебе позаботимся. У нас хорошие врачи, они помогут тебе стать на ноги.

— Kamerad ^[17], — сказал Том. Это было единственное слово, которое он понял.

Немец расстегнул его рваный китель и стал промывать рану на груди. Невидимые руки работали быстро, мягко и уверенно, приложив повязку к ране и забинтовав ее.

— Спасибо, — сказал Том. — Теперь намного лучше, правда.

— Ты меня благодаришь? Большое спасибо?

— Ну да, danke schön.

— Меня зовут Йозеф, а тебя?

— Не знаю. Обыщи меня! — Но через некоторое время понял. — Том, — сказал он устало.

— Том? Томтее? Ты меня за нос водишь? Фриц и Томми! Заметь, я никакой не Фриц, а просто Йозеф.

Потом, когда Том снова задрожал, он вскрикнул и вскочил на ноги.

— Я принесу тебе чего-нибудь поесть и, может, какое-нибудь одеяло.

Его не было долго. Том решил, что он ушел насовсем. Но он вернулся с серой немецкой шинелью и помог Тому надеть ее, обернув полы вокруг него и подняв воротник. Он принес и еды, и глиняную бутылку, полную какого-то спиртного.

— Сыр, — сказал он и положил Тому на ладонь маленький кусочек. Как это называется по-английски?

— Cheese, — сказал Том, кладя его в рот и медленно жуя. — Danke schön.

— Brot, — сказал Йозеф и на этот раз дал Тому хлебную корку. — А это как называется?

— Bread, — сказал Том. — Надеюсь, ты и себе оставил? Да? У тебя есть? Brot for Josef?

— Конечно. Тут еды на нас двоих и, естественно, порядочно шнапса.

Когда Том поел, Йозеф взял его руки и положил их на глиняную бутылку, помогая ему поднести ее к губам. Напиток был согревающим и влил в его жилы немного жизни.

— Шнапс. Как это называется по-английски?

— Думаю, это бренди, — сказал Том. — Хороший. Очень хороший. Мне от него намного лучше.

— Вкусно, да? Я очень рад. Ну, а теперь тебе надо хорошенько выспаться. — Йозеф стал издавать храпящие звуки.

— А, — сказал Том. Голова у него болела. — Да, ты прав, я уже почти выдохся.

— Ложись, вот так, хорошо. Я тебя покараулю. А немного попозже придут мои товарищи, и мы отнесем тебя на санитарный пункт.

— Сейчас ночь? — спросил Том. — Nacht, да?

— Да, десять часов.

— Похоже на то, — согласился Том.

Он лежал на спине, глядя вверх, но не видел ночного неба. Только какую-то пульсирующую черноту. Его глаза ослепли, а сам Том слишком окоченел, чтобы думать об этом. Он уснул мертвым сном.

Том проснулся от запаха горячего кофе и сел, оглядываясь. Его глаза не были так уж сильно повреждены, потому что, когда он смотрел вниз, на землю, темнота казалась сильнее, чем когда он смотрел вверх, на небо. И там, где Йозеф готовил завтрак, двигалось подобие тени. Только размытые бесформенные очертания, но от этого сердце Тома забилось с надеждой. Вчера чернота, сегодня серый туман. Возможно, завтра будет свет.

— Доброе утро, — сказал Йозеф. — Вроде посуше стало.

— Моим глазам уже лучше! — воскликнул Том. — Я вижу! Вижу!

— Что это значит? Я тебя не понимаю. Ты можешь меня видеть? Ты видишь мое лицо?

— Глаза, — сказал Том, показывая на них. — Кажется, что они намного лучше, чем были.

— Тебе лучше? Ты это хочешь сказать? Здорово, хорошо. Слава тебе Господи!

Он принес Тому завтрак из слегка подслащенного кофе, ломтика ржаного хлеба и кусочка жесткой холодной сосиски. Они сели друг против друга, между ними горел костер, и Том вглядывался в силуэт немца — темную тень на сером фоне. Жаль, он не знал, как тот выглядит. Ему хотелось дотронуться до невидимого лица. Он вытянул руки так, чтобы Йозефу было понятно. И тот, засмеявшись, провел его руками по своему лицу, дав Тому ощупать его черты.

— Я не красивый? Мне кажется, я просто красавец — не парень, а картинка. Тебе так

не кажется?

Он засмеялся глухим смехом, и Том улыбнулся, поняв смысл шутки. Теперь у него было представление о лице немца: квадратное, с широкими бровями и морщинистыми скулами, небритым подбородком и натянутой кожей. И Том уронил руки на колени.

— У тебя не было достаточно еды. Тебе не стоило со мной делиться.

— Что? Что там было? Что ты говоришь?

— У тебя есть жена? — спросил Том. — Frau? Kinder? Семья?

— Ну да, конечно. У меня есть их фотография. Ах да, ты ведь не видишь. У меня жена Маргарет и двое детей: сын Петер и дочь Лотта. А еще собака Вальди. — Он залаял, как собака. — Hund! — сказал он. — Как это по-английски?

— Dog, — сказал Том.

— Dog. Он хорошо пасет овец. — И он заблеял. — Schafen! — сказал он. — А это как?

— Sheep, — сказал Том.

— Да, да. Хорошая dog с sheep. Ну, скоро я буду классно говорить по-английски!

Так, значит, этот парень был пастухом и жил па ферме. Зачем же он покинул ее и пошел воевать? В Германии что, и пастухи военнообязанные? Том не знал, как спросить об этом. Он взял свою чашку и выпил кофе.

Вдруг послышался шум. Невдалеке раздались голоса. Йозеф вскочил на ноги, вскрикнул и побежал по окопу. Том остался сидеть, наострив уши, пытаясь определить, что это за звуки. Потом послышался резкий хлопок ружейного выстрела, за ним несколько один за другим, а после паузы шаги, приближающиеся к краю окопа. Заговорили по-английски, Том ответил.

— Бог мой, тут один из наших парней внизу! — сказал голос, скорее всего офицера. — И выглядит довольно неважно. Как твое имя, парень, и из какой ты части?

— Двадцать восемь двести тридцать три, Маддокс, Шестой батальон дивизии трех графств.

— Я думал, ты немец, в этой шинели... Тебе повезло, что ты сразу же заговорил, а то я мог пристрелить тебя. Можешь идти, Маддокс?

— Думаю, да. Только я не очень-то хорошо вижу.

— Подожди минутку, мы тебе подадим руку. Каннингем! Доддс! Идите, подайте этому парню руку.

— А где Йозеф? — спросил Том.

— Кто этот вонючий немец? — сказал один из тех, кто пришел помочь ему. — Да он сдох, потому что заработал три-четыре пули.

— Но он был моим другом! Он спас мне жизнь! Он отдал мне свою шинель и поделился едой и питьем.

— На самом деле, Бог ты мой? — сказал офицер. — Ну, мне жаль, Маддокс. Но это он первым открыл огонь и попал моему Россу прямо в сердце. Это меня просто взбесило, уверяю тебя, потому что Росс был моим лучшим солдатом.

Пока Тома вели, ему рассказали, что битву у Ла-Було выиграли. Кантри Пойнт и Петушиную Шпору взяли, и восемьсот немцев сдались в плен. Весь этот сектор теперь был в руках англичан.

Каждое утро и по вечерам в переполненном госпитале в Руане Тома осматривал доктор, светя ему в глаза маленьким фонариком.

— Они будут видеть лучше? — спрашивал Том.

— Да, думаю, да. Они уже стали лучше, так ведь?

— Немного. Но не очень. Я все еще вижу только тени и очертания.

— Пока еще рановато. Тот снаряд, должно быть, разорвался слишком близко. Я бы сказал, вам повезло остаться живым.

В госпитале никогда не было тихо. В палате с Томом лежало еще человек сто, многие с тяжелыми ранениями, стонущие, кричащие и плачущие от боли. Медсестры работали без отдыха. Частенько они разговаривали слишком громко и нетерпеливо, а руки были слишком грубыми, безжалостно срывая одежду с истерзанных тел. Вся эта возня раздражала Тома, проводившего в темноте день за днем. У него болела и кружилась голова. Ему нечего было сказать этим проворным белым принцессам, болтавшим поверх его головы. Он был совсем один в центре этого мира движения и шума.

Но однажды он услышал спокойный девичий голос и почувствовал нежную руку и что-то пришедшее из мира, где нет суеты, рядом с собой.

— Рядовой Маддокс? Мне сказали, вы из Чепсворта, где делают горчицу.

Том улыбнулся. Голос девушки был голосом из дома. У нее был тот же акцент, хотя и не такой сильный. Она называла город «Чепсорт» на манер местных жителей.

— Вы, должно быть, тоже оттуда, если знаете эту поговорку.

— Я из Блегга, это местечко в четырех милях. Вы его знаете?

— Думаю, должен, я ведь сам из Хантлипа, совсем рядом. Мы с вами соседи.

— Говорят, люди в Хантлипе — это либо лисы, либо гончие. Вы кто из них?

— А в Блегге все носят лохмотья! — с удовольствием сказал он в ответ.

— Только не я, — сказала девушка. — Я получаю бесплатную форму. — Он чувствовал, что она улыбается. — А где в Хантлипе вы живете?

— Местечко называется Коббз, ближе к Мидденину. Там есть плотницкие мастерские — Тьюка и Изарда.

— Знаю, я там часто проходила.

— Как вас зовут?

— Линн Мерсибрайт.

— Я не помню, чтобы вы учились в школе в Хантлипе.

— Мы живем в Блегге только последние пять лет. А до этого мы жили в Стемли, а еще раньше в Скinton Монксе. Мой папа немного бродяга. Он работает на ферме Аутлендз, и у него есть дом в Стоуни Лейн.

— Я знаю Аутлендз. Я там бывал много раз, но лучше не буду говорить, что я там делал.

— Браконьерствовал? Можете не волноваться, мой отец там просто работник. Он бы охотно вас благословил.

Том наклонился вперед, но она была только белой тенью.

— Жаль, что не могу рассмотреть вас как следует.

— Скоро сможете, я уверена. Но мне пора уходить, а то сестра устроит мне взбучку.

— Сиделка, — сказал он беспокойно. — Сиделка! Вы еще здесь?

— Да? В чем дело?

— Вы придете навестить меня еще?

— Да, конечно, я буду приходить каждый день.

До того как пойти добровольно на фронт, она служила в Мейнел-Холле. И когда война кончится, она вернется туда.

— На все Божья воля, конечно.

— Если верить тому, что говорят, это ненадолго.

— Хорошо бы так и было.

— Линн, — спросил Том, — сколько тебе лет?

— Почти двадцать два.

— Значит, ты на шесть месяцев старше меня.

— Вижу, ты получил письмо из дома. И еще посылку.

— Проблема в том, что я не могу ответить. Написать настоящее письмо. Все, что я могу сделать — заполнить бланк.

— Когда у меня будет время, я помогу тебе написать письмо. Может быть, завтра. Это мой выходной.

Когда она пришла на следующий день, Том сидел на террасе. Солнце ярко светило, и ему были видны его лучи в волосах Линн. Они были ярко-рыжие и сияли, как медь, потому что сейчас на Линн не было чепчика.

— Сегодня я тебя лучше вижу, — сказал он. — У тебя рыжие волосы.

— Миссис Уинсон из Мейнел-Холла всегда говорила, что они каштановые.

— Каштановые, точно. Я не мог найти подходящего слова.

— Я тебя просто дразнила, — сказала она со смехом. — Они, конечно же, рыжие, и кому какое до этого дело? Самое главное, что ты их видишь. Доктор Янг осматривал тебя сегодня?

— Рано утром, — сказал Том и через минуту добавил: — Сдается мне, он лысый.

Линн снова засмеялась. Он никогда не слышал раньше такого смеха. Он видел, как она откинулась в кресле.

— Ты ведь поправляешься, правда? — спросила она. — Скоро сможешь разглядеть наши бородавки.

— Бородавки? Ты что?

— Это еще одна шутка.

— Ты будешь писать мое письмо?

— Только одно, да? Скоро ты будешь делать это сам.

В конце этой недели он уже мог видеть. Его зрение почти вернулось к норме. Он увидел, что Коллинз, лежащий на соседней койке без обеих ног, был всего лишь восемнадцатилетним мальчиком. А Билл, на койке с другой стороны, дергался от столбняка. Видел он и отравленных газом людей, лежавших с бесцветными, обожженными лицами, дышащих с трудом, хрипло, со страшной болью, в чьих легких клокотала зловонная пузырящаяся пена и чья смерть приближалась день за днем.

Он также увидел, что рана на груди уже зажила, оставив темный багровый шрам; что все лицо и тело пересекали маленькие шрамы; что под повязкой на ноге не хватало двух пальцев.

— Я, кажется, легко отделался, — сказал он, — по сравнению с большинством здешних парней.

— Скоро тебя отправят в госпиталь в Англии.

— Да, знаю. Доктор говорил мне.

Теперь он увидел, что глаза и брови у Линн были темно-коричневые, а черты лица — мелкие и аккуратные, что ей дорого стоила ее веселость в окружении искалеченных людей.

Когда пришла пора уезжать, ему дали час на сборы. Он быстро уложил свои пожитки и заковылял на поиски Линн. Он нашел ее в последней палате, меняющей раненому повязку на шее.

— Похоже, мне пора уезжать. Пришел приказ. Они отправляют меня ближайшим поездом.

— Я слышала, что готовят людей к отправке, но не знала, будешь ли ты в их числе.

— Они никого особо не предупреждают, да? Я тут бегал, как ошпаренный кот.

— Эй! — сказал человек, которого Линн перевязывала. — Давай, сестричка, попрощайся со своим парнем. Я потерплю минутку-другую.

— Нет, — ответила она. — Я не могу бросить вас, не закончив перевязку. К тому же старшая сестра смотрит.

— Тогда я прощаюсь, — сказал Том. Он видел, что старшая по палате сестра бросает на него сердитые взгляды. — Может, увидимся еще в Блегге?

— Конечно, — сказала Линн и обернулась к нему с улыбкой, глядя на него испытующе. — Ты мог бы зайти в Аутлендз и спросить моего отца. Скажи ему, что у меня все хорошо и я жду не дожусь возвращения домой.

Она вернулась к своему делу, и ее пациент сочувственно подмигнул Тому:

— Я бы дал тебе забрать ее на родину, старик, только, думаю, мне она нужнее, чем тебе.

Том кивнул и пошел прочь.

После месячного лечения в военном госпитале в Сосфорде Том вернулся домой в Хантлип. Его освободили от службы в армии, и он снова оделся в гражданское.

Ему было так непривычно спать в собственной комнате после переполненной больничной палаты или таких же переполненных комнат, в которых они были расквартированы. Часто он лежал, прислушиваясь к тишине, пока не различал домашних шумов сквозь эту оглушающую тишину. Он смотрел в окно, и его поражала неподвижность неба: его темнота, не разрывавшаяся вспышками в тумане; постоянство луны и звезд в ясную ночь. Он все время ждал вспышек от разрывов оружейных снарядов, сияния, освещающего небо и делающего его как бы пульсирующим. Ему долго приходилось привыкать к такой темной, тихой и такой совершенно спокойной земле.

— Почему тебя освободили от службы? — недоумевал Дик. — Если ты опять нормально видишь, почему тебя снова не забирают в армию?

— Похоже, я не подхожу под стандарт. Их контузило моими документами.

— Это все, что с тобой не так?

— Оставь Тома в покое, — сказала Бет сыну. — Скажи спасибо, что он вообще вернулся живым.

— Эй, не задавай так много вопросов, парень, — ворчал дед. — Том потерял, должно быть, кое-какие кусочки себя.

— Мне оторвало два пальца на ноге, — сказал Том.

— Вот как! — воскликнула бабуся. — А я собиралась связать тебе носки.

— Все равно ему будут нужны носки, бабушка, — сказала Бетони нетерпеливо.

— Сдается мне, что Тома ранило британским снарядом, — предположил Дик.

— Такие штуки случаются, — согласился Том.

Сам Дик теперь был в военном. Их часть находилась в Чеплтоне, и раз в месяц ему давали отпуск на выходные. У него отпало все желание идти на фронт. Это казалось ему сплошной неразберихой. Он был бы не против героически погибнуть, но чтобы тебя убили свои же! Говорят, скоро война кончится, и он надеялся, что это правда.

Когда Том зашел за Диком в «Розу и корону», Эмери Престон встретил его весьма дружески.

— Вам, ребята, выпивка за мой счет. Я всегда люблю угостить солдат.

— Я знала, что ты вернешься, Том, — обрадовалась Тилли. — Я в этом никогда не сомневалась. Ни разу. Ты мне привез сувенир?

— Нет, — сказал Том, — никаких сувениров.

— Покажи ей шрам на груди, — сказал Дик. — Это ведь и есть сувенир.

— Это еще долго будет продолжаться? — спросил Эмери.

— Теперь уже нет, — ответил Том.

Как-то утром в понедельник Том и Джесс чинили амбар для Исаака Мэпа на склоне Липпи-Хилла. День был холодным, с морозящим по лицу серым и промозглым дождем. Джесс возился с новыми стропилами в амбаре, где можно было укрыться от дождя. Он остановился, думая, что ему послышалась музыка, и пошел к дверям, чтобы послушать.

Духовой оркестр в будний день? У него, должно быть, что-то не то со слухом! И все же там, внизу, за серой пеленой дождя, что-то звенело, шумело, и он понял, чем это объясняется. Догадка осветила его лицо, словно лучи восходящего солнца.

— Это конец войны! — крикнул он Тому. — Вот что это значит! Наконец-то! Война кончилась!

Он бросил пилу, схватил куртку и побежал вниз по тропинке, оставив Тома позади. Он добежал до дороги у подножия холма, а там уже шли к Хантлипу люди из Отчетса, Пекстона, Дагвелла и Блегга. Они колотили в кастрюли, сковородки и все, что подвернется под руку, собирая по пути как можно больше народа.

— Война кончилась! — сказали ему. — В одиннадцать часов было подписано перемирие. Кайзер удрал в Голландию. Скоро наши сыновья вернутся домой!

— Слава Богу! — сказал Джесс. — Я знал это в ту самую минуту, когда услышал весь этот гвалт! У меня самого двое парней, Вильям и Роджер. Они вернутся домой! Они вернутся домой!

Он присоединился к шумной процессии и приплясывал вместе со всеми, похлопывая людей по спине и рассказывая им о Вильяме и Роджере.

— Мой старший сын, он бомбардир, а второй, он, знаете ли, артиллерист. Господи, какое счастье! Они вернутся после стольких лет!

И чтобы поскорее оказаться дома, он побежал короткой дорогой через поле, разгоняя во все стороны овец и коров.

На кухне в Коббзе Бет сидела за столом и резала на доске капусту. Старик Тьюк стоял у окна, бабуся Тьюк сидела у огня.

— Вы что, новостей не слышали? — удивился Джесс. — Перемирие! Война кончилась! Все вышли на дорогу, гремят так, что слышно в Скарне. Вы хоть что-то слышали тут?

— Да, слышали, — отозвалась Бет.

— Вы, кажется, не очень-то довольны, — сказал он, засмеявшись. — Я думал, вы одуреете от радости.

Неподвижность Бет обескуражила его, и он смешался, увидев на столе под ее рукой распечатанную телеграмму. Вильям и Роджер были убиты в бою. В воскресенье десятого. В одиннадцать утра. За двадцать четыре часа до подписания перемирия.

Только два дня назад пришло письмо от Вильяма: «Мы с Роджером живы-здоровы, моем за ушами и держимся вместе, как вы нам велели».

Они погибли вместе возле своего орудия, когда вражеский снаряд попал прямо в их расчет.

Столярные мастерские в тот день прекратили работу, людей отпустили по домам. Дик, отпущенный в специальный отпуск, вошел в дом, в котором стояла ужасная тишина. Бетони рассказала ему новости. Он сразу же отправился искать отца и был поражен, услышав, как тот всхлипывает в пустых мастерских. Он ушел прочь, не в силах видеть такое горе. Вернувшись позже, он увидел, что отец стоит, сгорбившись над верстаком.

— Почему у меня отняли сыновей? Почему? Почему?

— У тебя еще есть я, папа. У тебя есть я.

Джесс не ответил, и Дик снова ушел, обиженный и расстроенный.

Несколькими днями позже пришла небольшая посылка с вещами убитых мальчиков: письмами, фотографиями, чековыми книжками и кокардами. Джесс пришел в ярость при виде этих вещей. Ему хотелось швырнуть их в огонь.

— Зачем они нужны, если нет ребят?

— Незачем, — сказала Бет. — Просто как воспоминание.

Она повесила кокарды над их портретом, приколов их к рамке. Джесс зарычал и вышел из комнаты, оттолкнув Дика, стоявшего в дверях. Бет обернулась и увидела, какими глазами смотрит мальчик на портрет братьев.

— Ты не должен ненавидеть их за то, что они умерли.

Дику стало стыдно. Как могла мать угадать его чувства? Отец ничего не знал. Он просто перестал их всех замечать.

— Теперь я не нужен отцу. Мне кажется, он жалеет, что я не умер вместе с ними.

— Отец сейчас не в себе. От тебя зависит, будешь ли ты терпелив с ним.

Стремясь как-то утешить Дика, Бетони повела его на церемонию в Чепсворт-парке. Часть земли, около пятнадцати акров, была выделена мистером Чемпли для празднования подписания перемирия. Над воротами повесили флажки, включили фонтанчики с питьевой водой, из старой каменной голубятни выпустили голубей. Этот парк будет называться «Полигон» и станет местом отдыха для жителей Чепсворта. Сам дом и оставшаяся земля уже были превращены в дом для искалеченных солдат. Единственный сын мистера Чемпли погиб в битве у Полигон Вуда.

— Нам не стоило тут болтаться? — спросил Дик.

— Конечно же, нет, — сказала Бетони.

— Отец, кажется, думает по-другому.

В самом Хантлипе празднования продолжались почти целую неделю, завершившись в воскресенье после наступления темноты факельным шествием по деревне. Соломенное чучело кайзера в настоящем шипастом шлеме и с иссохшей рукой тащили с веревкой на шее, а потом повесили на старой виселице. Под ним развели костер, и когда чучело вспыхнуло, внутри него начали с громкими хлопками разрываться спрятанные фейерверки.

Том стоял в темноте один, глядя, как взлетают в небо желтые языки пламени. Теперь кайзер свалился с веревки, и уже сама виселица была объята пламенем и скоро свалилась в него. Поющие и танцующие радостно приветствовали ее падение.

Том чувствовал себя ходячим привидением, существом из другого мира. Веселившиеся были ему чужими. И эта ночь была ненастоящей. И горящий костер никак не мог согреть его. И звучащие голоса произносили бессмысленные слова. И хотя здесь под луной собралось так много людей, протягивавших друг другу руки, ни одна рука не могла дотянуться до него. Он был словно окутан пеленой тьмы и одиночества.

— Том! — послышался голос, и к нему подошла Тилли Престон. — Я тебя повсюду ищу. Дик сказал, что ты где-то здесь. Почему ты не танцуешь, как остальные? Пришел Харри Йелленд со своим аккордеоном.

— Я не слишком здорово танцую, Тилли. Я не твердо стою на ногах. Но ты иди, танцуй, если хочется. Я лучше постою тут спокойно.

— Я тоже не очень-то хочу танцевать. Они тут все такие увальни. Я бы лучше сходила погулять, подальше от этого шума, а ты?

Она просунула руки под его локти и прижалась к нему, глядя в его худое смуглое лицо, освещенное красным светом костра. Ей хотелось нежно обнять его и поцеловать его израненные глаза.

— О чем ты думаешь, Том?

— Я думал о Вильяме и Роджере, — сказал он, — и обо всех ребятах, которых уже нет.

— Не грусти, Том. Не смотри так. Им бы не хотелось, чтобы ты горевал о них, тем более в такую ночь, как эта.

— Я просто задумался, вот и все. — И он обернулся посмотреть на нее. — Ты уверена, что не хочешь пойти потанцевать?

На Тилли была красная вязаная шапочка с помпоном и длинный шарф того же цвета, с такими же помпонами на концах. В длинном зимнем пальто и ботинках с пуговичками она выглядела совсем маленькой, как ребенок, собравшийся покататься на коньках по замерзшему пруду.

— Тебе надоело мое общество, Том?

— Я не говорил этого.

— В таком случае ты пойдешь погулять?

— Хорошо, — сказал он, — пойдём прогуляемся.

Она повела его в амбар в Нью-Срейксе, на ферму своего дяди на краю выгона, и они поднялись на сеновал. Там она расстегнула пальто, и он почувствовал тепло ее тела рядом. Взяв его руки в свои, она провела ими по груди, увлекая его вниз, в мягкое, сладко пахнущее сено. Он чувствовал ее горячее дыхание на своих губах. Она знала, что легко может заставить его любить себя.

* * *

Церковный колокол в Истери, который молчал из-за трещины уже более тридцати лет, был заново отлит в честь погибших жителей деревни. И в последнее воскресенье ноября, когда жители окрестных селений пришли на торжественную службу по случаю этого события, он мелодично зазвонил над их головами в знак радости.

— Когда мы с твоей матерью венчались здесь, — сказал Джесс Бетони, — этот колокол играл печальную мелодию. А теперь есть что послушать, правда?

Старые воспоминания развязали ему язык. Он снова стал почти самим собой.

— Как чудесно слышать звон церковных колоколов после стольких лет молчания и знать, что они звонят по всей Англии. И еще приятно узнать, что капитан возвращается домой, не так ли? Ты и вправду не хочешь, чтобы я отвез тебя на станцию?

— Не хочу, папа. Я лучше пойду одна.

Бетони нервничала перед встречей с Майклом после двух Лет разлуки. Ей казалось, что она его совсем не знает, почти не помнит, как он выглядит, и не могла понять, как ни старалась, что же она чувствовала к нему перед их вынужденным расставанием.

Но когда наконец-то он сошел с поезда и она увидела его похудевшее лицо с медленно появляющейся улыбкой и загоревшимся взглядом, ей стало ясно, что, если бы даже он был с ней совершенно незнаком, он все равно мог бы претендовать на ее любовь. Она повидала так много таких мужчин, с лицами, изможденными от страданий, и чувствовала, что они могли бы получить эту любовь, которую дают свободно, без унижения.

— Бетони, — сказал он. — Я думал, это путешествие никогда не кончится. Поезд останавливался на каждой станции.

— Майкл. Дорогой. Ты выглядишь таким больным.

— У меня был этот чертов грипп. Я чувствовал себя после него, как слабый котенок.

Когда он обнял ее, она почувствовала его скованность, будто внутри него была сжатая пружина.

— Ты выйдешь за меня, Бетони?

— Да, — прошептала она. — Да. О, да!

— Господи, спасибо тебе за это. Я так хотел тебя. Я, наверное, умер бы, если бы ты сказала «нет».

— Я не сказала «нет», я сказала «да».

— Я держался только благодаря этому. Мыслями о тебе. Я помнил, как ты на меня смотрела в прошлый раз на этой самой станции, когда ты пришла к самому отходу поезда. Помнишь?

— Да, — сказала она, — помню.

— Если бы тебя сегодня здесь не было, — сказал он, — и ты не смотрела бы на меня вот так же, я не знаю, что бы я сделал.

— Майкл. Дорогой. Я здесь.

Она почувствовала, как напряжение постепенно проходит, когда он отпустил ее и посмотрел ей прямо в лицо.

— Пойдемте, вы, оба, — сказала его мать. — Там ждет машина.

Вскоре было объявлено об их помолвке, и Бетони стала часто бывать в Кингз-Хилл-хаусе. Миссис Эндрюс благословила ее, но считала, что им нужно подождать со свадьбой. Возможно, месяцев шесть, а то и год.

— Не кажется ли тебе, что я и так слишком долго ждал? — спросил Майкл.

— Ты болен. Честно ли по отношению к Бетони жениться на ней, пока ты не поправился?

— Мне не понадобится так много времени, чтобы поправиться.

Оставшись наедине с Бетони, он сказал ей об этом.

— Мать говорит, это нечестно по отношению к тебе. Я в самом деле такая уж

развалина?

— Твоя мать думает, что мы не совсем подходим друг другу. Она думает, что если мы подождем, то можем передумать.

— В таком случае мы подождем! — сказал он мрачно. — Хотя бы только затем, чтобы доказать ей, как она заблуждается. Я не возражаю, пока могу видеть тебя часто.

— Я тоже не против. Мои братья погибли не так давно, так что будет даже лучше отложить свадьбу. К тому же сейчас очень много срочной работы.

Ее работа на фабриках уже закончилась. Теперь она работала в Чепсворт-парке, помогая в доме для больных и искалеченных солдат. Там под руководством врачей-добровольцев люди учились пользоваться протезами; контуженных учили заново разговаривать; людей с сожженными легкими учили жить с оставшейся у них частью жизни; а за теми, у кого уже ничего не осталось, ухаживали, продлевая их полные боли последние дни.

Бетони разъезжала по трем графствам, собирая деньги, набирая помощников, приобретая необходимые лекарства и оборудование. Часто она ухаживала за больными, мыла и кормила беспомощных, подставляла плечо калекам на металлических протезах, вывозила их в креслах-каталках на солнышко в оранжерее. Там были такие, кто ужасно заикался или же говорили совсем невнятно, и Бетони сидела с ними, пытаясь разобрать их безумные рваные высказывания.

Там был один парнишка Джонни Клегг, чьи мозги, казалось, были словно завязаны узелками. У него не было ни друзей, ни близких, никто не приходил навестить его; он пугал всех тем, что внезапно набрасывался на кого-нибудь, вопя что-то непонятное не своим голосом. Вид у него был совершенно дикий, и когда его не понимали, он впадал в безумие.

Однажды он подошел к Бетони, схватил ее за руки и начал дико трясти. Потом потащил ее к пианино.

— Анино! — кричал он. — Анино! Анино! Мам-вгда-игла-енку!

— Песенку? — спросила она. — Твоя мама всегда играла какую-то песенку?

— Гра! Гра! На-гла-мидом!

Бетони села к пианино и заиграла «Дом, милый дом». Рядом с ней стоял совершенно неподвижный Джонни, внимательно слушая мелодию. А когда она повернулась к нему, он упал перед ней на колени, спрятал лицо в ее подоле и зарыдал.

После этого он успокоился. Ему впервые удалось объясниться, и Бетони, приспособившись к его речи, смогла научить его говорить более внятно.

Том стоял на повороте Стоуни-лейн, глядя на маленький опрятный коттедж из красного кирпича. Дверь была открыта, ее удерживал железный крюк; на дорожке лежало несколько кучек соломы. Из трубы поднимался голубоватый дымок.

В дверях показалось облако пыли, из которого вышел мужчина со щеткой на длинной палке. Он выглядел намного старше, чем Том предполагал, половину лица закрывала кудрявая седая борода. Он вымел пыль в сад и теперь стоял, облокотившись на щетку и глядя на Тома, стоявшего за воротами, засунув руки в карманы.

— Я видел тебя раньше. Чего тебе надо, что ты ошиваешься вокруг моего дома?

— Я искал Линн, — пояснил Том. — Я хотел узнать, вернулась ли она.

— Если бы Линн была дома, — сказал Джейк Мерсибрайт, — я бы сам тут пыль не гонял.

Он вышел на дорожку и собрал солому. Том заметил, что он прихрамывает на одну ногу.

— Откуда ты знаешь мою дочь?

— Я был во Франции. В госпитале в Руане. Я живу в Хантлипе, и Линн просила зайти передать привет.

— Чего же ты тут болтаешься, вместо того чтобы идти прямо к двери? Ты что, думал, я тебя съем?

— Нет, — сказал Том. — Я так не думал.

— Ну, если ты пришел рассказать, как она там, то давай, не тяни.

— У нее все хорошо. Она велела передать вам, чтобы вы не волновались.

— Никакого письма?

— Я больше ничего не припомню.

— Ну, значит, скоро придет, уж я-то знаю!

Мерсибрайт повернулся уходить. Он, казалось, забыл про Тома. Но, немного подождав, заговорил снова:

— Я получил от нее письмо сегодня утром. Она, видимо, приезжает завтра. Кто ее спрашивал, что мне сказать?

— Том Маддокс.

— Ну, заходи еще, — сказал Мерсибрайт. — Через денек-другой, когда она устроится. Я ей скажу, что ты придешь.

Он вошел в дом и закрыл дверь.

Через три дня, когда Том снова слонялся по дорожке, Линн увидела его из окна и выбежала навстречу. На ней было темно-зеленое платье с воротником-стойкой, яркие красно-рыжие волосы аккуратно собраны в узел, а на затылке выбивались кудрявые пряди. Ее темные глаза сияли. Она смеялась знакомым ему смехом.

— Почему ты не подойдешь к двери и не постучишь? Ты, наверное, думаешь, что тебе здесь не обрадуются?

Она взяла его за руку и повела на кухню. Отец сидел возле плиты, покуривая старомодную глиняную трубку, напоминавшую своей формой желудь. Он жестом пригласил Тома сесть рядом, и Линн тоже уселась немного в сторонке, наблюдая за лицом Тома.

— Как твои глаза?

— В общем-то довольно неплохо.

— Больше не болят?

— Я бы сказал, что это не боль. Не совсем. В голове у меня иногда немного стучит, но ничего особенного.

— А как твоя нога?

— В целом неплохо.

— Сдается мне, — сказал отец, — тебя, парень, словно в мельнице молотили.

— И все-таки я остался жив, а это что-нибудь, да значит.

— Да уж, достаточно только взглянуть на тебя.

— Не обращай на отца внимания, — сказала Линн. — Я никогда не обращаю. Так для него же лучше.

— У нас есть пиво угостить парня?

— Откуда мне знать? — спросила она, смеясь. — Я всего-то пять минут дома.

Но она встала и сходила куда-то в дальнюю часть кухни и вернулась с двумя кружками пенящегося пива.

— Вот это мне по душе! — повеселел отец. — Когда за мной ухаживает девушка. Пока

тебя не было, мне этого очень не хватало, но думаю, я неплохо справлялся.

Он одним глотком отпил полкружки, вытер пену с усов и бороды и посмотрел на Тома пронизательным взглядом.

— Мне будет нелегко, — сказал он, — когда моя дочь выйдет замуж и уйдет от меня.

Когда Том ушел, Линн села рядом с отцом, сложив руки на коленях и посмеиваясь. Он строго посмотрел на нее.

— Я навел кой-какие справки о Томе Маддоксе.

— Вот как! Невероятно!

— Его родители, кажется, никогда не были повенчаны.

— Но ты ведь, конечно же, не ставишь это ему в вину?

— Нет. Конечно, нет. Но лучше знать такие вещи. Но есть кое-что и похуже.

— Что же именно?

— Его отец был пьяницей и убил жену в припадке гнева. А потом повесился на дереве. Твой Том тогда был малышом двенадцати месяцев.

— Бедный мальчик, — согласилась Линн.

— Но я слышал не только плохое, но и хорошее. Говорят, он толковый работник. Занимается резьбой по дереву в мастерских Изарда и Тьюка и первоклассно плотничает. — Джек наклонился к огню, чтобы прикурить трубку. — Так что совсем неплохо, что он не ослеп после того взрыва.

— Он тебе нравится, папа?

— Пока еще рано говорить об этом. Ему о себе нечего особо рассказать, так ведь?

— Не так уж много и я могу.

— А у тебя щечки такие же пухленькие, не похудели в чужих краях.

— Пуф! Пуф! Пуф! — сказала она, глядя, как он зажигает трубку. — Старый курильщик!

Все время дымишь!

— Вопрос в том, нравится ли он тебе.

— Думаю, нравится.

— Но ты не уверена?

— Он странный парень, напоминает мне дикого звереныша. Дикого не в смысле злого, а какого-то пугливого, застенчивого. Как лесной олень.

— Бьюсь об заклад, эти солдаты в вашем госпитале не все были такие скромники.

— Нет, далеко не скромники.

— Я от этого просто бешусь! — воскликнул Джек, ударив ладонью по ручке кресла. — Как подумаю, что такая девочка, как ты, должна была ухаживать целых два года за грубыми солдатами. Они не заслуживают того, чтобы за ними смотрели такие милые девушки, как ты.

— Отец, успокойся, ты не знаешь, что говоришь! — сказала Линн, и ее глаза наполнились вдруг слезами. — Ты не имеешь понятия, через что прошли эти люди.

— Я, помнится, тоже был солдатом, совсем недолго, в восьмидесятых...

— И ты все равно не знаешь, через что прошли эти люди в эту войну. Никто не знает, кроме тех, кто видел все собственными глазами. Нельзя говорить, что они не заслуживают. Ты не прав, так нельзя, я не потерплю! Ты не знаешь об этом ничего.

— Хм. Должен сказать, это просто замечательно, когда дочурка, которая знает все, говорит отцу, что он ничего не знает!

— Я видела храбрость... самопожертвование... и так много любви среди солдат. Та работа, которую я делала, была просто ничто, и я не хочу, чтобы ты ругал их, отец.

Линн наклонилась и коснулась его колена. Она отбросила печаль и снова смеялась, поддразнивая его, а слезы все еще блестели у нее на щеках.

— Ты злился только потому, что я ушла и тебе пришлось самому заботиться о себе. Ну, так ведь?

— Теперь, когда ты дома, не стало лучше. Моя кружка уже полчаса пустая.

Часто, бывая в Лайлак Коттедже, Том впадал в задумчивость, наблюдая, как Линн гладит белье на кухонном столе или вяжет и штопает, сидя у огня. Иногда его взгляд был таким пристальным, что она чувствовала неловкость.

— У тебя такой взгляд, — сказала она ему однажды. — Нельзя так пристально смотреть на людей, Том, особенно часами не говоря ни слова.

— Извини, — он отвернулся, щурясь на огонь в плите.

Но при виде набегающей на его лицо краски и серьезного выражения глаз Линн пожалела о своем замечании, сделанном при отце. Она не хотела обидеть Тома и поэтому пояснила:

— Ты можешь смотреть, если хочешь. Ты можешь смотреть на меня сколько тебе угодно! Я знаю, в чем дело. Это все из-за моих рыжих волос. Этого вполне достаточно, чтобы на них смотреть, я уверена.

Том улыбнулся. Его взгляд ненадолго остановился на ее лице, и он снова отвел его. Он думал, что бы сказать.

— Теперь уже недолго осталось. До Рождества, я хочу сказать. Думаю, дней восемнадцать.

— Ну, ты молодец, — сказал отец. — Мы это выяснили уже год назад, не говоря уже о снеге, если он будет.

— Отец, пожалуйста, — попросила Линн.

— Я знаю, я не очень-то разговорчив, — сказал Том. — Парни в армии так говорили. И Бетони всегда то же говорит.

— Я встретила Бетони в Чепсворт-парке и сказала, что знакома с тобой. А она сказала: «Так вот где Том проводит все вечера в последнее время!»

— Ну, теперь она знает.

— Разве это такой уж секрет, Том, что ты приходишь сюда навестить нас?

— В общем-то нет. Я бы так не сказал.

— Ты никому не рассказывал?

— Нет. Кажется, нет.

— Тогда это, должно быть, и вправду секрет, до тех пор пока Бетони не скажет кому-нибудь?

— Она этого не сделает, — сказал Том.

— Ну, тогда хорошо. Сохраним секрет.

— Ты, кажется, снова меня дразнишь.

— Боже праведный! — сказала Линн. — Как будто я могу!

Вечером, после того как Том ушел, Джек заговорил с дочерью серьезно.

— Что ты чувствуешь к этому парню?

— Я точно не знаю, трудно сказать. Я его знаю не так давно... Но у меня такое чувство, словно мы знакомы всю жизнь.

— Ты его любишь?

— О, дорогой! Что за вопрос? Я должна решить сегодня же?

Она смотрела на него, наклонив голову, и смеялась над его бородой и нахмуренными бровями. Но Джека не так-то просто было отвлечь.

— Тебе бы лучше решить, чего ты хочешь, потому что он любит тебя, и даже очень. Это так же верно, как то, что в Глостере есть большой собор.

— Да, — Линн стала серьезнее. — Наверное, любит.

— Ты должна помнить об этом и не морочить ему голову.

— Ты думаешь, я морочу ему голову?

— Нет, но тебе нужно задуматься над всем этим и разобраться в своих чувствах, что к чему.

— Да, — согласилась она. — Наверное, нужно.

Теперь каждый вечер сразу же после ужина Том приводил себя в порядок и уходил из дома. А сегодня, в воскресенье, он заторопился после ленча в полдень.

— Куда это он ходит? — спрашивал Джесс. — Как ты думаешь, Дик, он ухаживает за кем-то?

— Не знаю, папа. Он мне ничего не рассказывал.

— В любом случае это не нашего ума дело, — сказала Бетони.

— Правда? — удивился Дик, вставая из-за стола и прихватив кусок хлеба. — Думаешь, я этого не знаю? Думаешь, я пытаюсь пронюхать, в чем тут дело? А почему бы и нет?

Он вышел из дома и пошел за Томом к Мельничному мосту, стараясь не попасться ему на глаза. Сразу же за Молтхаусом Том свернул на дорогу к Блеггу, и когда Дик дошел до поворота, он уже миновал Шеферд-кросс. А когда он прошел мимо старого разрушенного коровника, на дорогу вышла девушка, и глядя из дверей Молтхауса, Дик увидел, что это Тилли Престон.

Он вернулся домой довольный и рассказал отцу о том, что видел.

— Ну, — сказал Джесс, — она всегда была приветлива с ним, эта девчонка, а?

Но Бетони была крайне удивлена:

— Ты уверен, что это была Тилли Престон?

— Еще бы! Я ведь ее частенько раньше встречал.

Тилли поджидала Тома у старого коровника. Она окоченела от холода и дрожала. Лицо у нее было совсем несчастным, с покрасневшим носом.

— Ты избегаешь меня, Том Маддокс?

— Нет, вовсе нет.

— А мне кажется, да! — сказала она, растирая себя руками. — Да, я в этом уверена!

— Ты умрешь от холода, Тилли, если в такую погоду будешь ходить без теплого пальто.

— Кто виноват, что я болтаюсь тут? У тебя нет права бегать от меня после того, что было между нами. И я не должна была искать тебя. Ты должен приходить ко мне!

— Это была просто ошибка, — сказал Том. — И по правде говоря, это никогда не должно было случиться.

— Ошибка? Правда? Прекрасно, скажу я вам! Ну и подарочек ты мне сделал, сказать такое!

— Все равно, это была ошибка.

— Немного позновато для таких признаний. Мы далеко пойдем с такими заявлениями.

— Может, и так. Но я не знаю, что еще сказать.

— В тот вечер, когда это произошло, ты был довольно-таки счастлив. Ты был доволен такой возможностью, не отпирайся. А теперь у тебя есть другая игрушка и тебе все равно,

что будет со мной?

Тилли плакала, закрыв глаза, слезы катились из-под покрасневших век. Она тряслась, замерзнув до костей, и плакала, всхлипывая и прижимая ладони ко рту.

— Тебе надо идти домой, — сказал Том, — иначе ты совсем окоченеешь.

Он протянул руку, чтобы прикоснуться к ней, и она тут же схватила ее, прижав к груди.

— Почему бы тебе не пойти ко мне и не повидать отца? Скажем ему, что мы собираемся пожениться. Я знаю, ему будет приятно. Он совсем по-другому относится к тебе с тех пор, как ты ушел на фронт.

— Нет, — сказал Том и отдернул руку.

— Почему нет? — спросила она. — Почему бы нам не пожениться?

— Потому что для нас в этом не будет ничего хорошего.

— А если придется? — сказала Тилли. — Если у меня будет ребенок?

Том молчал. Он долго смотрел на нее.

— Но ведь его нет, так? Нет, конечно же, нет.

— Я не знаю, еще слишком рано. Но я все время думаю об этом, и меня это так пугает, что я почти решила броситься в ручей Деррент.

— Не может быть. Ребенка нет.

— Почему бы нет, Бога ради? Такое случается, тебе бы следовало знать, судя по тому, как ты сам родился.

— Знаю, что случается, но вопрос в том, случилось ли это с тобой.

— Я не знаю. Нужно надеяться на лучшее, правда? Если мы постараемся, ничего такого не произойдет.

— Только без глупостей!

— Слишком поздно говорить об этом.

— Ты знаешь, о чем я.

— Нет, не знаю. Что ты имеешь в виду?

— Если ребенок все же есть, ты ведь ничего такого не сделаешь, чтобы повредить ему?

— Нет, — сказала она. — Ничего такого не случится, обещаю тебе. — И она взглянула на него из-под ресниц. — Тебе ведь не все равно, что со мной будет после всего этого? Я знала это в глубине души. Я знала, ты не оттолкнешь меня.

— Думаю, мне лучше проводить тебя домой.

— И поговорить с моим отцом?

— Нет! — сказал он. — Мне ему нечего сказать. — Он засунул руки в карманы. — Мне нужно время, чтобы все это обдумать. Мне нужно будет знать о ребенке.

— А тем временем ты будешь бегать за этой дочкой Мерсибрайта, которая живет с отцом на Стоуни-лейн? Ну да, ты можешь делать вид, что удивлен, но я-то знаю, почему тебя все время тянет в Блегг!

— Мне нужно идти, — сказал Том и пошел в сторону Паппет-Хилла.

— Ты еще услышишь обо мне! — закричала она пронзительно. — Ты не можешь выбросить меня, как старую перчатку. Только не после того, что было между нами! Я этого так не оставлю. Не оставлю!

Однажды вечером, неделю или две спустя, Джек Мерсибрайт зашел в «Розу и корону» выпить пинту пива и купить четыре новые глиняные трубки.

— Сегодня здесь тихо, — сказал он Тилли, у которой он был единственным

посетителем.

— Слишком многие лежат в постели с гриппом, мой отец с братьями тоже.

— Ты сама не заболеешь, надеюсь?

— Надеюсь, нет. У меня и без того полно неприятностей.

— Мне грустно об этом слышать, — сказал Джек.

— Вам будет еще грустнее, — Тилли облокотилась о стойку, — когда вы узнаете, в чем дело.

— О чем это ты, девочка?

— Мне довелось узнать, что Том Маддокс теперь ваш друг и вы принимаете его у себя в доме.

— Это правда, он друг моей дочери.

— Вам надо бы предостеречь ее, — сказала Тилли, — а то она кончит так же, как и я, с ребенком от него.

Покуривая трубку, Джек посмотрел в ее серьезные глаза. У него на лице не отразилось ничего. Она не могла прочесть на нем его мысли.

— Том знает, что у тебя будет ребенок?

— Я не была в этом уверена в последний раз, когда виделась с ним, а он с тех пор ко мне не приходит.

— А что отец? Он знает?

— Господи, конечно, нет! Отец убил бы меня. Убил бы, честно. Он не очень-то хорошего мнения о Томе Маддоксе. Пока мы не договоримся между собой о дне свадьбы, я не решусь назвать его имя.

— Ты, дорогуша, слишком легко говоришь о своих неприятностях.

— Я бы никому другому не стала о них распространяться. Но вам нужно подумать о дочери. Вы же не хотите, чтобы и на нее свалилось такое.

— Вряд ли, — сказал Джек. — Моя дочь не потаскуха.

Он допил пиво и ушел, не сказав ни слова.

Он пошел прямо домой. Когда он вошел на светлую теплую и уютную кухню, Том помогал Линн мотать шерсть. Он держал моток на вытянутых руках, а Линн сматывала нитку в клубок.

— Боже, — испугалась она, когда Джек встал между ними, — ты выглядишь так, словно убил кого-то, папа.

— У меня есть для этого причина, — сказал Джек. — Я разговаривал с Тилли Престон, и она сказала, что у нее ребенок от твоего ухажера.

Том и Линн сидели друг против друга, их колени соприкасались. Линн остановилась и посмотрела на Тома непонимающими глазами. Он видел, как смех гаснет в них; лицо ее медленно холодело; у него внутри было так же холодно и пусто. Он почувствовал внезапный стыд.

— Ну? — зло спросил Джек. — Это правда или нет, что ты занимался любовью с этой девушкой?

— Что за слова, — проворчал Том. — Занимался любовью!

— Можешь сам выбрать то слово, что тебе нравится. Я только спрашиваю правда ли это?

— Да, правда. Бесспорно.

— И ты знал, — сказала Лини, уставившись на него, — что у Тилли будет от тебя

ребенок?

— Нет, наверняка не знал. Она подозревала, что так, но не была уверена.

— Ты не ходил к ней, чтобы выяснить?

— Нет, — сказал он и отвернулся.

— Как давно ты не видел ее?

— Неделю. Десять дней. Не знаю.

— И ничего не говорил об этом? Приходил сюда каждый вечер, вел себя так, словно ничего не произошло, зная, что у Тилли такие неприятности! Что, по-твоему, должно было с ней произойти?

— Наверное, я просто перестал думать об этом.

— Чудесно, очень удобно!

Линн наклонилась и взяла из его рук моток. Она положила его к себе на колени. Лицо у нее было бледное, и она смотрела на него так, словно едва верила в услышанное.

— Ну, — сказал Джек, — и что ты собираешься предпринять? Тилли полагает, что ты женишься на ней.

— Не знаю зачем, — сказал Том. — По-моему, она знает, что я не люблю ее.

— Но ты должен! — воскликнула Линн. — Так ведь? Да? Ну хоть немного? Или ты из тех, кто цепляется за любую юбку?

— Это случилось в ночь фейерверка, — сказал он. — Народ тогда был словно безумный. Но это не значит, что я люблю ее. Да и она ни капельки не любит меня. Мне прекрасно известно.

— Как ты можешь знать? Ты ее спрашивал?

— Мне не нужно спрашивать, я и так знаю.

— Ты не думал о ее чувствах. Да, слишком неудобно. Это кое-что еще, что ты выбросил из головы!

— По тому, как ты со мной разговариваешь, — сказал Том, — мне кажется, что будет лучше, если я уйду.

— Да! — воскликнула Линн. — Иди к своей Тилли Престон и делай с ней все, что тебе нужно!

Том поднялся и стоял с минуту как потерянный. Потом он вышел, и они слышали его шаги по дорожке. Линн сидела, уставившись в стену полными злости и обиды глазами. Отец смотрел на нее с болью в сердце.

— И мне казалось, я знаю его! — сказала она внезапно с презрением к себе. — Так глупо, так мало времени прошло, а мне казалось, я знаю его, как саму себя.

— Я говорил тебе раньше: ты слишком доверчива там, где другие люди осторожны, да и мужчины совсем не такие, как ты себе представляешь.

— Тебе это только доставляет удовольствие ты ведь прав, как всегда!

— Нет, не доставляет. Далеко нет. В действительности мне жалко этого парня.

— А мне жалко девушку. Бедняжка!

— На этот счет ты можешь не волноваться — Тилли способна о себе хорошенько позаботиться.

— Хорошо, что может, — сказала Линн.

Том пришел в «Розу и корону» и застал Тилли одну.

— Ты получил мою записку?

— Да, получил. Поэтому я и пришел.

— Эти две недели я так волновалась, чуть с ума не сошла.

— Значит, уже точно знаешь о ребенке? — спросил он. — Ты ходила к врачу?

— Что? Пойти к врачу? Чтобы об этом узнала вся округа?

— Нет, — сказал он. — Полагаю, не нужно.

— Точно, даю слово. Итак, что ты намерен делать?

— Жениться, что же еще? Это единственное решение. Я спрошу Джесса, сможем ли мы жить в старом Пайкхаусе и взять с собой кое-что из мебели.

— Наш собственный дом? — сказала она, просияв. — Ах, Том, разве это не чудесно? Не восхитительно?

— Утром я схожу к священнику. Если поторопиться, мы можем пожениться после Рождества.

— Честное слово, ты слишком спешишь.

— Нечего ходить вокруг да около.

Позже в Коббзе, когда все узнали новость, только Бетони была удивлена. Она отвела Тома в сторону и спросила обо всем.

— Что случилось с Линн Мерсибрайт?

— Ничего. Я женюсь на Тилли.

— Но, Бога ради, почему? Не понимаю.

— У нас будет ребенок, — сказал он. — Он нас подгоняет, как ты бы сказала.

— Вы, мужчины, такие глупцы! — сказала Бетони. — Ввязаться в историю с такой потаскушкой, как Тилли Престон! Я думала, ты умнее.

— Тилли тоже ничего, — сказал он, пожимая плечами. — Не ее вина, что у нее будет ребенок, и о нем мы должны теперь подумать.

Он жил в Пайкхаусе еще мальчиком. Было немного странно оказаться здесь снова с той же самой мебелью, которую им отдали Бет и Джесс, и той же посудой, висевшей в кухне.

— Я жил здесь с бабушкой Изард. Правда, она не была моей настоящей бабкой, но она воспитывала меня с года. Вот ее старое кресло-качалка, и скамеечка для ног, и маленький уэльсский комод.

— Бьюсь об заклад, ты никогда не думал, — сказала Тилли, садясь рядом с ним на скамью, — что приведешь в этот дом невесту и сам устроишь собственное хозяйство.

— Нет, — согласился Том. — Никогда.

— По-моему, нам повезло, что у нас есть свой маленький домик, вдалеке от всех, без вечно сующих нос не в свои дела соседей.

— Думаю, да.

— Я буду стараться изо всех сил, чтобы стать тебе хорошей женой.

— А я постараюсь быть хорошим мужем.

— Я знаю, ты будешь им! Я знаю, знаю.

— Вчера в мастерских я отложил немного дерева, чтобы сделать кроватку для малыша, — сказал он. — Я начну делать ее, как только у меня будет немного свободного времени.

Тилли придвинулась поближе, просунула руку под его рукой и прижалась к нему. Потом положила голову Тому на плечо.

— Люди увидят, что ты делаешь. Знаешь, какие они все сплетники, особенно Сэм

Ловедж.

— Они и так узнают рано или поздно. Нельзя держать в секрете то, что будет ребенок.

— Том, — сказала она, вертя пуговицу у него на манжете, — мне нужно тебе сказать кое-что.

— Что такое?

— Я ошиблась насчет ребенка. Пока его нет.

— Ошиблась? — сказал он. — Как ты могла ошибиться, когда прошло так много недель?

— Ты знаешь, о чем я. Я испугалась до смерти! Я думала, ты хочешь бросить меня.

— Не было никакого ребенка! Все было ложью! Это ты хочешь мне сказать?

— Мне кажется, от этого ничего не меняется. Ведь мы же были любовниками, ну, и мужчин нужно слегка подтолкнуть, чтобы они решились.

Тилли ощутила в нем перемену. Она выпрямилась и посмотрела ему в лицо. То, что она увидела, испугало ее.

— Том, — сказала она сладеньким голоском. — Не смотри на меня так. У меня мурашки по коже бегут. Правда. У меня внутри все похолодело.

Она нежно взяла его за рукав:

— Правда, лучше будет немного пожить самим? А дети скоро пойдут, но ведь мы только раз бываем молодыми. Почему бы не сделать все важное, пока есть возможность?

Том встал и взял шапку. Тень его подпрыгнула, сделавшись громадной. Лицо у него было словно восковое.

— Том, ты куда? — спросила Тилли. — Ты не можешь уйти в ночь после свадьбы! Ты не можешь уйти и оставить меня одну!

Том не ответил. Он уже уходил. Поток холодного воздуха ворвался в комнату, дверь с грохотом захлопнулась, и он ушел. Тилли закрыла лицо руками и стала раскачиваться взад-вперед, тихо всхлипывая. Потом она вытащила платок и вытерла глаза, потому что слезы могли смыть пудру со щек и оставить пятна на свадебном платье.

Огонь почти погас. Она подбросила еще три полена и вытерла руки о лоскутный коврик. Ей захотелось есть, и она вспомнила о куске холодной баранины на полке в кладовой. Нужно ли ей подождать Тома, пока он вернется, или он будет не в духе после полуночи? Если так, то он сам виноват. Это не повод, чтобы ей умереть с голоду.

Она встала и пошла в кладовую.

Иногда по ночам Том тихонько выбирался из-под одеяла, одевался и спускался по лестнице, уходил из дома. Он редко спал больше трех-четырёх часов, потому что у него начались головные боли и в глазах мелькали разноцветные огоньки. Даже дышать ему было тяжело. Ему необходимо было выходить на свежий ночной воздух.

К счастью, Тилли спала крепко. Она даже не знала, что он уходит. Она все еще спала, когда он вставал на работу в шесть часов. Но как-то утром, когда он завтракал, она спустилась в одной ночной рубашке и накинутом на плечи платке.

— Ты снова бродил? — сказала она. — Шатался по старому лесу?

— Я немного прогулялся, вот и все.

— В темноте? — сказала она. — В такую холодную зимнюю ночь? Ты мог бы придумать что-нибудь получше.

— Прошлой ночью было совсем светло. В три часа светила полная луна, и на небе было

полным-полно звезд.

— Приличные люди в три часа ночи спят в теплой постели.

Она подошла к нему сзади и обняла его за шею. Лицо у него было мягкое и теплое, как у спящего ребенка.

— Ты меня больше не любишь, Том? Ты не можешь забыть, что я тебе тогда солгала?

— Я постараюсь забыть, через некоторое время.

— И опять будешь таким же милым?

— Кажется, я не слишком плохо к тебе отношусь?

— Если бы ты дал мне хоть маленький шанс, я бы снова заставила тебя полюбить меня.

Я могла бы сделать тебя своим рабом. Могла бы. Раньше, бывало, за мной столько парней бегало. Харри Йелленд, например Они все плясали под мою дудку.

— Почему же ты не вышла замуж за одного из *них*?

— Я выбрала тебя. Хотя иногда не могу понять почему. — Она прижалась к нему, обвив руками его шею. — Том, — сказала она тихо ему на ухо, — я знаю, что могу заставить тебя снова любить меня, если бы ты только позволил. Я твоя законная жена. У тебя нет права так со мной обращаться.

— Мне пора идти. Я задержусь в мастерских после работы.

Он поднялся со стула, и Тилли отпустила его. Том стал собираться, и она наблюдала за ним с возрастающей злостью.

— Не забудь спросить Джесса Изарда о новой плите Я не могу готовить на этом костре. Я никогда в жизни не имела дела с такой штукой.

— Моя бабушка готовила на этом очаге. У нее с ним никогда не было проблем.

— Ну, конечно, твоя старая бабуся была настоящим чудом! Но я-то не вожусь с этим камином всю жизнь, и ты мог бы понять, о чем я говорю!

— Хорошо, — согласился Том. — Я спрошу у Джесса совета.

Однажды вечером, придя домой, он заметил новую щетку с коричневой ручкой в углу кухни и новый зеленый совок.

— Откуда они взялись тут, такие новенькие и блестящие? — спросил он.

— Какой-то человек продавал их. Он сказал, что он из Бирмингема. Я могу платить за щетку и за совок понемногу каждый раз, и еще можно купить все что угодно.

— Из Бирмингема? И приехал так далеко?

— У него машина, — Тилли смотрела на Тома, мило улыбаясь. — Он предложил мне покататься с ним. Потому что я сказала ему, что здесь нет автобуса. Но я отказалась, сказала, что мужу это не понравится.

— Мне все равно, — сказал Том, — хотя, может, лучше держаться подальше от таких парней.

— Каких это таких, хотелось бы знать? Мистер Тримбл прекрасный человек. Он, как и ты, был в армии. В Египте с инженерными войсками.

— Хорошо, отправляйся кататься, если тебе этого так хочется. У меня нет возражений.

— Что я тут вижу? Сижу одна целыми днями вдалеке от людей! Иногда вижу со старухой Моулд из сторожки да с миссис Энвер, а больше ни единой души нет в округе, с кем можно было бы поболтать.

— Наверное, тут довольно одиноко после Хантлипа, когда вокруг тебя столько народу вертелось в «Розе и короне». Почему бы тебе иногда не зайти туда и не помочь отцу, как прежде?

— Ну уж нет! — взорвалась Тилли. — С какой это стати мне работать у отца? Я теперь замужняя женщина, и у меня свой дом. Что скажут люди, когда увидят, как я подаю пиво? Зачем, по-твоему, я вышла замуж?

— Слушай! — прервал ее Том. — Делай все, что тебе заблагорассудится, и перестань меня ругать. Мне нужен только покой и тишина.

— Его ничего не волнует! Обо мне ты никогда не думаешь!

Она отвернулась и заплакала, вздрагивая от рыданий. Она прислонилась к спинке стула и спрятала лицо в согнутых руках. Тилли казалась маленькой и хрупкой, и Том подумал, что она никогда не перестанет рыдать.

— Почему я не умерла, почему?! Ты все время такой злой! Я не думала, что все будет так ужасно! Ты ненавидишь, ненавидишь меня!

— Нет, — сказал Том. — Не говори так, это неправда! Перестань плакать, или тебе будет нехорошо. Я не хотел чтобы ты заплакала.

Он протянул руку и дотронулся до ее плеча, и тут же она ухватилась за него, прижимаясь всем телом. Всклипывания немедленно прекратились, и когда она подняла лицо, он увидел, что она смеется.

— Я знала, что у меня получится! — кричала она ликующе. — Я знала, что смогу заставить тебя снова любить меня, если постараюсь. Мужчины мягкие, как тесто, но их нужно хорошенько вымесить. — Она подняла руки, перебирая пальцами его волосы, стараясь заставить его наклониться. — Твое *лицо*! — сказала она. — Если бы ты мог его видеть! Когда я обернулась, то чуть не рассмеялась!

Том отстранился, мотнув головой, освобождаясь от ее объятий. Она вцепилась в него, и он оттолкнул ее от себя.

— Ради Бога, в чем дело? Ты ведь не уйдешь, не поужинав?

— Да провались ты пропадом вместе со своим ужином!

Дверь захлопнулась, и она осталась одна со все еще поднятыми руками.

— У меня такое чувство, — сказал Сэм Ловедж, поджаривая сыр на плите в мастерских, — что наш друг не очень-то доволен женитьбой.

— Он еще молчаливее, чем обычно, — согласился с ним Альберт Танниман. — И работа у него совсем не клеится.

— Что у тебя с собой, Том? Эта негодная Тилли тебя совсем не кормит?

— У него хлеб с жиром, как обычно, — сказал Фред Ловедж, подмигивая Сэму.

— Нет! — сказал Том. — Это жареная ветчина.

— У тебя ведь нет машины, Том? Такого маленького «остина» с откидным верхом? Да нет, едва ли, думаю, нет. А вот моя девчонка, Лилиан, клянется, что видела его как-то утром в пятницу возле Пайкхауса, когда проходила мимо в Скоут.

— Это коммивояжер, продаст щетки. Он заезжает за деньгами каждую пятницу.

— Мне бы это не понравилось, — сказал Танниман. — Незнакомец заезжает к моей жене, когда меня нет дома и я не вижу, чем они занимаются.

— Я его знаю, — сказал Сэм Ловедж. — Он ездил по Хантлипу, от двери к двери, и пытался продать Куини новую швабру. Она послала его куда подальше и правильно сделала. С тех пор как кончилась война, слишком уж много продавцов развелось в округе, только людям надоедают. Надо кому-то заняться этим и остановить их.

— Тому нужно поговорить с Тилли. Я на его месте не потерпел бы такого.

— Мне без разницы, — отозвался Том. — Пусть Тилли делает то, что ей больше нравится.

Он доел обед и вернулся к верстаку, где лежал незаконченный щит, на котором он делал резьбу. Он выбрал нужную стамеску.

— Ты когда-нибудь отдыхаешь? — крикнул Ловедж. — Еще двенадцать минут до часа.

— Мне достаточно, я уже отдохнул, — ответил Том. — К тому же я хочу поскорее закончить.

На следующий день, в субботу, Том работал все утро и закончил резьбу к одиннадцати. В полдень мастерские закрыли, и он направился прямо домой, куда он пришел на час раньше обычного. Увидев автомобиль на дороге, он пошел к лесу напротив и постоял среди деревьев, дожидаясь, пока посетитель уедет.

В час из Пайкхауса вышел светловолосый мужчина, поглядывая на часы. Тилли проводила его до ворот. Они постояли и поговорили немного, причем мужчина обнимал ее за плечи. Потом он сел в машину и поехал в сторону Нортон. Тилли повернулась и пошла в дом, помахивая концом шелкового шнурка, который был повязан вокруг талии. Ее каблучки цокали по дорожке.

Когда Том вошел, она расчесывала волосы перед зеркалом.

— Ты сегодня что-то рано.

— Да? Может быть.

— Я все утро была так занята. Тебе придется самому приготовить себе хлеб с сыром.

— Ладно, — сказал Том.

Альберт Танниман был прав, когда сказал, что у Тома в последнее время работа не ладилась. Старик Тьюк сказал то же.

— Ты потерял сноровку, парень, вот в чем беда. У тебя в руках слишком долго было ружье вместо настоящих инструментов. Три года без работы дают себя, знать.

— Наверное, так, — согласился Том. — Мне нужно еще больше работать.

Но как бы он ни старался, ничего не получалось: уже не было прежнего согласия между рукой и глазом; он уже не чувствовал резца, и частенько глазомер подводил его.

Работа, которую он делал, предназначалась для мистера Тэлбота из Крейл Корта. В декабре там случился пожар, и кое-что из старой дубовой мебели серьезно пострадало. Задачей Тома было сделать две дверки для серванта, вырезав на каждой охотничью собаку Тэлбота в окружении листьев, орехов и желудей и инициалы И. Б. Т. среди них. Одна из прежних обгоревших дверок лежала сейчас перед ним, и он копировал ее, используя доску от старой дубовой скамьи, которую дал ему старик Тьюк.

Однажды, вырезая вторую дверку, глядя в тонкие карандашные линии, Том никак не мог справиться с резцом. Выемки казались слишком большими, выпуклые части слишком маленькими, а вся картинка плыла у него перед глазами. Он выпрямился и посмотрел в окно. Двор мастерских весь был скован морозом; кусты орешника покрыты инеем; дрозд щебетал тоненьким голоском. Когда он снова посмотрел на резьбу, рисунок показался совсем маленьким, и он вдруг бросил и резец, и молоток.

— Я не могу это сделать, — сказал он Джессу. — Пусть Джордж Хопсон займется этим.

И он вышел из мастерской, натягивая куртку на ходу.

— Что это с ним? — спросил старик Тьюк, подойдя к Джессу.

— Точно не знаю, — нахмурился Джесс. — Может, он почувствовал, ну, как ты сказал,

что потерял сноровку? Это не в его правилах — бросать работу на полпути. Я поговорю с ним утром.

Но на следующее утро Том не вышел на работу, и на следующее утро тоже, поэтому в субботу Джесс взял бричку и поехал в Пайнтхаус. На его стук никто не ответил. Дверь почему-то была заперта, и заглянув в окно, он не заметил признаков жизни. Он вернулся в Коббз озадаченный и обеспокоенный и завел разговор об этом с женой и дочерью.

— Никого? — удивилась Бетони. — Даже Тилли?

— Ни духу ни того ни другого.

— Если Том был один и опять впал в задумчивость, — сказала Бетони, — он мог просто притаиться, когда ты пришел, чтобы избежать разговора с тобой.

— Зачем ему это делать? Именно со мной? Разве я был ему плохим отцом?

— Я помню, когда он был маленьким мальчиком, он всегда убегал в лес, когда мы приходили к бабушке Изард.

— Но теперь он не мальчик, — сказал Джесс. — Он взрослый мужчина. Хотелось бы знать, чем он расстроен.

— И мне тоже, — сказала Бетони. — И я намерена узнать.

Она пошла в тот же день, чтобы он не узнал заранее, и пришла уже в сумерках. В доме было темно и тихо, как на кладбище, только на дороге и по пустырю бродило стадо овец из Скоут-хауса. Она осторожно открыла и закрыла ворота, на цыпочках прошла по тропинке и с минуту постояла на крыльце. Дверь, когда Бетони толкнула ее, открылась, и она прошла прямо на кухню.

— Том! — позвала она. — Это я, Бетони. Ты дома?

— Да, — сказал Том, поднимаясь с кресла-качалки. — На чем ты приехала? Я не слышал брички.

Он чиркнул спичкой и зажег керосиновую лампу на столе. Комната ожила, и Бетони закрыла за собой дверь.

— Что с тобой? Почему ты не был в мастерских? Почему не отозвался, когда отец заезжал сегодня?

— Я устроил себе небольшие каникулы.

— Только посмотри на эту грязь на кухне! Ее не вычистить и за все воскресенье месяца. Куда Тилли только смотрит?

— Тилли здесь нет, она ушла.

— Бога ради, куда ушла?

— Не знаю. Она не сказала.

— Вернулась к отцу в Хантлип? Нет, конечно, нет, а то бы мы знали.

— Думаю, она сбежала с другим парнем.

— И ты не *знаешь*, что с ней произошло?

— Я пришел домой с работы однажды и нашел записку, где она говорит, что ушла, а больше я ничего не знаю.

— Почему ты думаешь, что она сбежала с другим мужчиной?

— Я его видел, — сказал он. — Коммивояжер, продает щетки. Однажды он был тут, когда я пришел домой. Я видел, как они разговаривали, весело смеялись, а потом он уехал в маленькой машине.

— Просто замечательно! После нескольких месяцев совместной жизни! И тебе все равно, куда она ушла? Ты не собираешься попытаться найти ее?

— Нет, с какой стати? Мне все равно.

— Здесь холодно, — сказала Бетони, поеживаясь. — Может, тебе развести огонь? Тут полно хвороста и поленьев, мне бы не хотелось замерзнуть.

— Хорошо, — сказал Том и начал разгребать пепел в печи. — Может, уже пора поставить чайник?

— А что с ребенком? — спросила Бетони.

— Да не было никакого ребенка. Просто ошибка, сказала Тилли.

— Ты хочешь сказать, что она тебя одурачила?

— Что-то в этом духе, полагаю.

Когда огонь разгорелся и чайник повесили над ним, Том встал и пошел через всю комнату за курткой. Он споткнулся, опрокинув скамеечку для ног и чуть было не сбросив лампу со стола. Бетони вскрикнула и поставила лампу на место.

— В это время дня нельзя напиваться! Что с тобой, Бога ради?!

Том стоял, засунув руки в карманы, глядя мимо нее на огонь.

— Похоже, я слепну.

Когда чайник вскипел, Бетони заварила чай. Молоко уже нигде нельзя было достать; сахара тоже не было; оставался только кувшинчик меда с их пасеки, поэтому она положила ложку меда в чай и села напротив, глядя, как Том пьет.

— Как давно зрение стало ухудшаться?

— Не знаю. Трудно сказать. Оно то лучше, то хуже, иногда я вижу сравнительно хорошо.

— Ты был у врача?

— После госпиталя в Сосфорде ни разу.

— Тогда сходи! Зачем терять время?

— Они смогут мне чем-то помочь?

— Мы не узнаем, пока не сходим туда, — сказала Бетони. — Но зачем же хоронить себя тут, не общаясь ни с кем? Чего ты надеешься этим добиться?

— Мне нужно было время разобраться во всем.

— Как же ты собирался жить? Торчать тут без работы?

— Ну, до этого бы не дошло. Я просто хотел побыть один и сделать большую часть того, на что у меня еще хватает зрения.

— А потом?

— Не знаю. Еще не решил. Покончить со всем этим, что ли?

— Покончить с собой, хочешь сказать, как до этого сделал твой отец?

— Лучше уж умереть, чем всю жизнь провести в темноте.

— Что за чушь ты несешь?! — сказала она презрительно. — Ты должен с этим бороться! Ты почти три года боролся, в тот раз ты не уступил, и на этот раз ты уж точно не должен сдаваться. Ты должен бороться, как настоящий солдат.

Том отпил чай, пар от него покрыл лицо капельками влаги. Его смуглая кожа была гладкой и блестела, на ней все еще оставались беловатые рубцы в тех местах, куда попали осколки снаряда. Темные глаза были неподвижны, внимательны и смотрели на Бетони с детской надеждой. Трудно было поверить, что эти глаза погаснут.

— Хорошо, — согласился он. — Скажи, что я должен делать.

Семья, когда она рассказала им новости, едва поверила услышанному. После ранения

прошло уже четыре месяца. Они думали, что его страдания уже позади.

— Нет, только не наш Том! — воскликнул Джесс. — После того как уже столько времени прошло? И пережить такое!

— А Тилли знала, что он слепнет, когда уходила от него? — спросила Бет.

— Нет. Он до сегодняшнего дня никому не говорил.

— Не надо было ему на ней жениться, — сказал Дик. — Я всегда говорил, что она того не стоит.

— Проклятая война! — сказал дед. — Будет конец когда-нибудь ее последствиям?

— Нет, не будет, — ответила Бетони. — Я каждый день вижу то зло, что она сделала, когда навещаю больных в Чепсворт-парке.

— Пойду навещу его, — сказал Джесс. — На этот раз буду стучать до тех пор, пока не откроет.

— Не надо, не ходи туда, — остановила его Бетони. — Его лучше оставить одного.

С утра пораньше в понедельник она поехала с Томом на поезде в Сосфорд. Военный госпиталь стоял на холме, и оттуда открывался прекрасный вид на городок. Бетони он показался суетливым, а для Тома он мало изменился с тех пор, как он был тут в последний раз. Его осмотрели трое врачей, каждый по полчаса. Ему они не были знакомы, но у них была его история болезни, и они задавали ему массу вопросов. Потом ему сделали рентгеновский снимок и сказали, что нужно немного подождать, прежде чем будут известны результаты.

— Я предлагаю вам пообедать, — сказал хирург майор Керрисон, обращаясь к Тому и Бетони. — «Руно», что за углом, неплохое местечко. Скажите официанту, что вы от меня.

После обеда в «Руно» и часовой прогулки за холмом они вернулись в госпиталь и ждали, сидя в коридоре. День был чудесный, уже веяло весной, и в садике за окном расцвели розовые и лиловые цветы.

Вошла сестра, и Том поднялся. Он был совершенно бледен, а на щеке пульсировала жилка.

— Доктор хотел бы вас видеть, миссис Маддокс.

— Я не миссис Маддокс, — сказала Бетони. — Я его сестра. Меня зовут мисс Изард.

— О, простите. Сюда, пожалуйста, мисс Изард.

Тому опять пришлось ждать, сидя на лавке спиной к стене. Мимо него по коридору туда-сюда ходили медсестры в белом и больные в синем. Когда Бетони наконец вернулась, по ее лицу он понял, что новости были плохие.

— Что они сказали? Ты можешь мне сказать всю правду.

— Они сказали, что ничего не могут поделать.

— Ни операции, ни лечения, ничего?

— Зрительные нервы слишком серьезно повреждены. Они не могут ничего сделать. Они сказали, что это только вопрос времени.

— Полная слепота? — спросил Том.

— Боюсь, что так.

— Сколько мне осталось?

— Они не знают.

— Шесть месяцев? Год? Они должны что-то предполагать.

— Нет. Они не уверены. Это может быть скоро... или через два года.

— Я знал, что ничего хорошего не будет, когда они позвали тебя.

— Доктор хочет видеть и тебя. Он хочет дать тебе несколько советов и еще письмо к доктору Дандесу. Он говорит, ты можешь получать пенсию.

— Пенсию! — сказал он глухо и пошел по коридору.

Бетони сидела, положив руки на сумочку. Даже теперь она не рассказала ему всего, потому что они с доктором решили, что не нужно говорить всего. На миг она закрыла глаза, пытаясь найти внутри себя источник силы и храбрости. К тому времени, когда Том вернулся, ей показалось, что она его нашла. Она встала и подошла к нему со спокойным лицом.

Когда они добрались до Чепсворта и пошли к «Старому плугу», где оставляли пони и бричку, Том вдруг остановился и сказал, что предпочел бы пройти до дома пешком через поля.

— Прекрасный день. Ты не возражаешь, Бетони?

— Обещай, что не наделаешь глупостей.

— Хорошо, — сказал он, и на его губах появилась скупая улыбка. — Я переживу это, как настоящий солдат.

— Ты можешь вообще никогда не ослепнуть, — сказала она отрывисто. — Всем известно, что доктора иногда ошибаются.

Она поехала домой без него и как только повернула во двор, навстречу ей из дома вышел Майкл.

— Ты опаздываешь, Бетони. Мы должны быть у дяди к половине шестого, но сомневаюсь, чтобы мы добрались к шести.

— Извини, Майкл, я не пойду. Мне нужно сделать одну важную вещь.

— Более важную, чем сдержать обещание?

— Надеюсь, ты извинишься за меня перед дядей и объяснишь, что это нельзя было отложить.

— Полагаю, что-то связанное с Томом? Твоя мать сказала, что вы вместе ездили к врачу в Сосфорд.

— Да, я возила его в военный госпиталь.

— И долго, могу я спросить, ты собираешься играть роль сиделки при этом молодце?

— Том слепнет! — сказала Бетони, вспыхнув. — Полагаю, ты допускаешь, что ему нужна помощь?

— Бетони, извини, я понятия не имел. Твои родители могли бы сказать мне. Но если даже так, не пойму, почему ты должна браться за это дело. У него теперь есть жена.

— Тилли бросила его, — сказала Бетони.

— Боже правый! Что за история?!

— Чем дольше ты здесь ждешь, тем позже приедешь в Илтон.

— Да, да, иду, — сказал он, но продолжал стоять, глядя, как она кормит пони. — Кажется, ты не в состоянии отделаться от Тома. Он преследует тебя, как призрак вины. Ты все время пытаешься расплатиться с долгами, которые сделала или нет в детстве.

— Да, наверное.

— По-моему, это невозможно. Ты просто теряешь время.

— Это не только мой долг. Тома ранили во Франции, в бою. Думаю, мы все в долгу перед такими, как он.

— Этого долга тоже нельзя оплатить.

— Да, думаю, нельзя, — согласилась Бетони. — Но мы все равно должны попробовать.

Через час она была в Блегге и заехала к Мерсибрайтам в Лайлак Коттедж. Джек сидел, почитывая газету. Когда Линн провела Бетони на кухню, он отложил ее в сторону, но не поднялся поприветствовать Бетони, и она заметила, что нога у него лежит на подставленной табуретке.

— Я хотела поговорить с вами о Томе.

— Вам лучше сесть. Я охотно выслушаю вас, и Линн тоже, по его дела нас вряд ли заинтересуют.

— Жена Тома ушла от него. Он остался один. Она солгала, сказав, что у них будет ребенок. Просто водила его за нос.

— Я не очень-то удивлен, — сказал Джек. — Она мне показалась хитрой лисой. Но это вовсе не исключает того, что он забавлялся с нею.

— Один неверный шаг, — спросила Бетони, — и теперь вы будете попрекать его этим всю жизнь?

Она отвернулась от него и посмотрела на Линн, которая сидела на краешке стула, вертя в руках чашку и блюдце. Девушка очень красивая, подумала Бетони: аккуратные, изящные черты лица, необычный и живой цвет глаз и волос, умные темно-коричневые глаза. В ней было какое-то нежное тепло, хотя, очевидно, у нее была и сильная воля.

— Ты всегда будешь держать на него обиду?

— Я ему не судья, — сказала Линн.

— Надеюсь, ты могла бы стать его спасением.

— Послушайте, — сказал Джек. — Этот молодой человек сделал мою дочь несчастной. Он обидел ее, мисс Изард, и она правильно сделала, когда дала ему понять, что не хочет больше с ним знаться.

— Значит, он что-то значил для тебя, — сказала Бетони, по-прежнему глядя на Линн, — если в его власти было сделать тебя несчастной.

— Он выбрал другую. Я не виновата, что так вышло.

— Он никогда ни капельки не любил Тилли Престон.

— Он сказал мне, но я не поверила.

— Зачем вы пришли к нам, мисс Изард?

— Я пришла потому, что Том слепнет.

— Нет! — закричала Линн, отворачиваясь, чтобы скрыть боль. — Нет! Нет!

— Ему можно как-то помочь? — спросил Джек.

— Нет, никак, — ответила Бетони. — Он был у врача сегодня. Теперь он один в Пайкхаусе, наедине с этой бедой, и борется с ней, как может. Но есть еще одно, чего даже Том не знает. Этого не знает никто, кроме меня, и, я надеюсь, у меня есть право сказать вам.

Бетони помолчала. Она пыталась прочесть мысли Линн по выражению ее лица.

— Ему осталось жить совсем недолго, — сказала она. — Самое большее двенадцать месяцев, при условии, что он не будет перенапрягаться. Если он чем-нибудь заболит или переработает, смерть настигнет его раньше, сказал доктор.

Линн сидела совершенно неподвижно. Она заговорила только спустя некоторое время.

— Я помню... в госпитале в Руане... врачи говорили, что опасаются мозговой травмы... Но тогда казалось, что все прошло. — Она была совершенно спокойна, хотя и побледнела как мел, и глубоко вздохнула. — Жаль, что я раньше не знала... когда приехала домой и встретила его опять...

— Линн, ты любишь его? — спросил отец, и когда она повернулась к нему и молча

взглянула, он сказал: — В таком случае, думаю, тебе лучше пойти к нему.

— Да, я тоже так думаю.

— Я отвезу тебя туда, — сказала Бетони. — Я подожду на улице, пока ты соберешься. Только недолго. Пони и так уже давно стоит на холоде.

Она вышла к бричке и села в ожидании, а через некоторое время вышла Линн с маленькой полотняной сумкой. Когда они добрались до Пайкхауса, уже сгустились сумерки и накрапывал дождик, сыпаясь с неба цвета древесного угля. Дом был погружен в темноту, и Бетони подождала, пока Линн добралась до дверей. Прошло несколько минут, и в окне показался свет зажженной лампы. Бетони свернула на узкую дорожку и поехала к дому под морозящим дождем.

Как-то в воскресенье вся семья в Коббзе собиралась уже садиться за стол обедать, когда задняя дверь распахнулась и вошел Эмери Престон в сопровождении старшего сына Метью.

— Что все это значит? — спросила бабуся, тащившая на стол гору тарелок, а старик Тьюк, державший за лезвие нож, сказал:

— Это вам не «Роза и корона», и я был бы вам признателен, если бы вы стучались, прежде чем входить к порядочным людям.

— Порядочным людям?! — заорал Эмери. — Порядочным людям, вы говорите?

— Что вам нужно? — спросила Бет. — Видите, мы собираемся обедать.

— У меня дело к вашему мужу.

— Почему это ко мне? — спросил Джесс. — Почему ко мне, хотелось бы знать?

— Вы были Тому Маддоксу вместо отца, вот почему, и я хотел бы знать, что случилось с Тилли.

— Ну, хорошо, — сказал Джесс. — Но это не имеет никакого отношения ко мне. — И он стал возиться с плитой, предоставляя это дело жене и дочери. Они, казалось, не считали, что с Томом случилось что-то не то, что он неправильно ведет себя. Но тем не менее они были готовы ответить на все вопросы.

— Тилли сбежала, — сказала Бетони Эмери Престону. — Вы что, не слышали?

— Я слышу много забавных вещей в последнее время, но не от самого Маддокса, так что вы скажите мне, что он выдумал!

— Они не были так уж счастливы, поэтому Тилли и ушла от него.

— Почему же тогда мы не видим ее? — спросил Эмери. — Если девушка уходит от мужа, она должна вернуться в дом отца!

— Нет, если она сбежала с другим мужчиной.

— Я *этого* не потерплю! Только не моя Тилли. Она всегда была хорошей девочкой, и уж ничего подобного с ней случиться не могло!

— Ерунда! — возмутилась Бетони. — Тилли не лучше, чем она есть, и вы это прекрасно знаете, Эмери Престон.

— Она обманула Тома, — сказала Бет, — заставив его поверить, что у нее будет ребенок.

— Она не говорила мне, что у нее будет ребенок.

— Конечно, и не сказала бы! Она знала, что вы ей всыплете за это.

— Кто говорит, что я порю ремнем своих детей? А почему бы и нет, если они этого заслуживают? Я всегда предостерегал ее против этого парня. Я пытался отговорить ее выходить за него.

— Жаль, что вам это не удалось, мистер Престон.

— Что он, свинья такая, сделал ей, если она сбежала, не сказав ни слова?

— *Он*не порол ее, если вы это имеете в виду.

— Я не об этом! Нам ничего неизвестно. Он себя всегда странно вел, и не я один это говорил.

— Это так уж удивительно, когда он просто ослеп?

— Знаю! Знаю! — сказал Эмери. — Я ничего такого не говорю. Должен сказать, что он многое пережил, но это не извиняет его плохого обращения с Тилли, и я здесь затем, чтобы поговорить с ним об этом.

— Нет, не делайте этого, — сказала Бетони. — Оставьте его в покое.

— Не учите меня, что мне делать! Я отлично знаю, что там с ним живет другая женщина. И не надейтесь, что все останется в секрете, даже если он и живет вдали от остальных. Весь Хантлип знает, что он там делает.

— Уж конечно! — проворчал Дик.

— Он время даром не терял, нашел кой-кого вместо Тилли.

— Она ведь сама ушла от Тома.

— А я и не знал! Вот в чем дело! Значит, она должна была уйти с тем парнем, а я и не знал, что он вообще существует.

— Да, существует, — сказал старик, — он приходил ко мне в мастерские и предлагал купить импортные щетки.

— Но *я-того* никогда не видел, — сказал Эмери, — а ведь я здесь единственный содержатель паба!

— Я его видел, — вдруг сказал Метью. — Парень лет тридцати на машине, акцент у него бирмингемский. Я как-то припарковался на дороге рядом с ним, и он ухмыльнулся, увидев мой мотоцикл.

— Вот как?

— Ты подумай об этом, — сказал Метью. — Его тут уже несколько недель не видели, хотя несколько человек должны ему какие-то деньги.

— Что ж ты раньше не рассказал мне?

— Я не понял, пока они не сказали про щетки...

— Тем не менее это еще ничего не доказывает.

— Что вы надеетесь доказать? — спросила Бет.

— Не знаю! — сказал Эмери. — Я только знаю, что все это мне не по вкусу, и вам напрямик говорю об этом. Но если Тилли и вправду спуталась с этим торговцем, то они оба об этом сильно пожалеют, я вам обещаю.

Он повернулся к дверям, пропустив вперед Метью. Старик Тьюк поднял на него глаза, оторвавшись от разделки говядины.

— Я бы пригласил вас остаться на обед, — сказал он голосом, полным сарказма, — если бы он не остыл, пока вы тут показывали свою глупость!

Когда Престон ушел, Джесс вернулся на свое место за столом рядом с Бетони.

— Все эти разговоры! — сказал он, качая головой. — Наш Том меня очень огорчил: всякие сплетни и скандалы начнутся. Что о нас люди подумают? Что о нас подумает *капитан*?

— Теперь не нужно называть его капитаном, отец. Он ведь больше не в армии.

— Для меня он всегда будет капитаном.

— Даже когда мы с ним поженимся?

— Хм, и когда же это, интересно, случится? — сказал Джесс.

Ему очень хотелось видеть Бетони замужем за Майклом. Он не мог понять, чего они ждут.

— Ты всегда так занята, — сказал Майкл, заглядывая через плечо Бетони в тетрадку с упражнениями, которую она проверяла. — Из-за твоей работы в Чепсворт-парке и теперь вот в школе я стал тебя редко видеть.

— Это только временно, — сказала Бетони, — в школе. Только пока мисс Лайкнесс болеет.

— Я так удивлен, что ты учишь их геометрии. Я и понятия не имел, что в этих деревенских школах такие требования. Мне казалось, что там не идут дальше пения псалмов и шитья гладью.

— В Хантлипе очень *хорошая* школа. Все остальные должны быть именно такими, как она.

— Мне пришла в голову мысль сразу же, как поженимся, увезти тебя в Южную Африку и спрятать на ферме моего дяди.

— Ты все время говоришь о Южной Африке.

— Когда я был еще беспечным подростком, я провел там один счастливый год.

— Дело совсем не в том, что я занята, — сказала Бетони, — а в том, что ты недостаточно занят.

— Ну можно ли в это поверить?! — воскликнул он. — Моя мать говорит, что мне нужно как следует отдохнуть, а ты утверждаешь, что мне нужно заняться делом. Что делать мужчине, когда женщины дают такие противоречащие друг другу советы?

— Он сам каждый раз должен делать выбор.

— С тех пор как я вернулся домой с войны, мне кажется, я не могу определиться, — сказал он. — Мне наскучила фабрика, которая работает и без меня под присмотром Джорджа Вильямса. Думаю, мне бы действительно понравилась работа на собственной ферме.

— Тогда почему бы тебе не купить ее?

— По-твоему, это не так уж сложно?

— А разве это не так просто, если у тебя есть деньги?

— Тебе хотелось бы жить на ферме?

— Наверное, да, только не в Южной Африке.

Майкл подошел к окну и посмотрел на старый сад. Сливовые деревья стояли белые в цвету; вечернее солнце освещало их стволы; дятел перелетал с одного дерева на другое. Неподалеку Джесс возился с картофельной рассадой, а Бет сажала ее рядами; руки работали быстро и уверенно, отваливая землю острой лопаткой и засыпая картофелину снова в один момент, так что нельзя было уследить за ними.

— Полагаю, Южная Африка слишком далеко от твоего собрания хромых собачонок.

— Каких еще хромых собачонок?

— Начни его сейчас, — сказал он, — хотя бы со своего молочного брата.

— Почему ты всегда так его называешь? Ты знаешь его имя, почему же не пользуешься им? — Бетони закрыла тетрадку, положила ее в стопку и взяла следующую. — Иногда мне кажется, что ты обижен на Тома.

— Наверное, — согласился Майкл, повернувшись к ней. — Он претендует на твое внимание к себе.

— Ты не можешь ревновать меня к таким, как Том, зная, что он слепнет потихоньку. Это слишком глупо.

— Я не сказал, что ревную к нему.

— Тогда о чем это ты, а?

— Не знаю! С тобой последнее время нелегко разговаривать, Бетони. Ты все время думаешь о чем-то.

— Хорошо, — сказала Бетони, повернувшись и глядя ему в глаза. — Сейчас я вся внимание. Так что же ты хочешь мне сказать?

— Тебе здорово удастся поставить меня на место и заставить почувствовать, что я смешон, — сказал он. — В любом споре ты всегда права.

— Но я совсем не хочу быть правой. Я вообще не хочу спорить. Все, чего я хочу, это понять тебя. — Глядя на него, она почувствовала, что что-то не так: какая-то неуверенность на лице, какой-то страх, проскальзывающий во взгляде. — Майкл, в лагере для пленных было очень страшно?

— Я бы не назвал пребывание там пикником.

— Жаль, что ты не рассказываешь мне об этом.

— Нет, — сказал он. — Рассказывать нечего, и ты ошибаешься, думая, что я хочу поговорить о нем. Мне бы этого меньше всего хотелось. Я все время пытаюсь забыть его.

Бетони поднялась и подошла к нему. Она коснулась его руки и почувствовала, что она дрожит.

— Ты должен быть снисходительным ко мне, Майкл, когда я чего-то не понимаю. Нам здесь так трудно представить, как было там. Мы пытались — некоторые, по крайней мере, — но не могли понять. И я, должно быть, перестала беспокоиться — я даже была в какой-то мере благодарна, когда услышала, что ты попал в плен.

— Благодарна? Правда? На самом деле?

— Конечно, — ответила она. — Особенно после того, как ничего не было известно о тебе и тебя объявили пропавшим. Все, о чем я могла думать — это то, что ты жив. Жив, и вне опасности, и не на фронте!

— Да, — сказал он бесцветным голосом и обнял ее — так, чтобы она не могла видеть его лица.

* * *

Для мая эта ночь была необычайно теплая. У Майкла было слишком много одеял, и он лежал весь в поту, не в состоянии уснуть, прислушиваясь к часам собора. Пробило половину третьего. Вся комната была залита лунным светом.

Он встал и надел халат. Открыл тихонько дверь и пошел на лестницу. Мать услышала его шаги и позвала. Ее дверь была приоткрыта. Заглянув, он увидел, что она сидит на кровати, пытаясь нащупать выключатель.

— Не включай свет. Луна достаточно яркая.

— В чем дело, Майкл, ты заболел?

— Нет-нет. Я просто не мог спать, вот и все. Я подумал, может, глоток виски поможет.

— Меня беспокоит, что ты не спишь. С тобой это уже несколько недель.

— Кровать слишком мягкая, вот в чем беда. Мне, наверное, нужно подыскать что-нибудь пожестче.

Мать похлопала по кровати. Он подошел и сел рядом. На них падал яркий, как прожектор, луч лунного света. Ее седые волосы были уложены такими же правильными волнами, как и днем, отливавшими оловом. Лицо было бледным, а губы в лунном свете казались почти багряными.

— Ты что-то задумал?

— Не больше, чем обычно.

— У вас с Бетони все в порядке?

— Если нет, то виноват в этом только я.

— Ты думаешь, я этим удовлетворена?

— Как бы то ни было, это правда.

— Ты дома уже пять месяцев, но с каждым днем все больше нервничаешь. Ты много пьешь. Ты ведь раньше этого не делал.

— Вот что с нами стало... придирки... лежание в ожидании...

— Там, в лагере, с тобой плохо обращались?

— Некоторые охранники были довольно жестокими, но большинство нормальные. Самое плохое, что приходилось сносить, это голод. Но я даже приветствовал его — как искупление, что ли.

— Искупление?

— Потому что чувствовал себя виноватым за то, что нахожусь в безопасности.

— Дорогой мой мальчик! Что за глупости ты говоришь?!

— Не прерывай меня. Я хочу рассказать, что случилось на самом деле. Я просто сдался, понимаешь, потому что не мог больше воевать. Я не был так уж серьезно ранен. Если бы я постарался, то мог бы добраться до своих. Минчин и Даби хотели мне помочь, но я придумал какую-то отговорку и остался там, где немецкий патруль точно наткнулся бы на меня.

Мать молчала, сидя прямо среди подушек, руки неподвижно лежали поверх одеяла. Поначалу он не мог догадаться, о чем она думает.

— Сначала мне нравилось быть солдатом. В то время это было даже хорошо. Ты знаешь, продвигались по службе быстро. Но все это продолжалось так долго, и чем больше ты делал, тем больше от тебя ожидали. И я стал желать того, чего хотелось многим, чтобы меня ранили и списали со службы. Но меня ранили трижды, и каждый раз ставили на ноги и снова отправляли на передовую.

Если бы я был просто рядовым, то все было бы не так уж плохо. Но я был офицер, отдавал приказы и посылал своих людей вперед... а когда нам приходилось туго, они все смотрели на меня, ожидая получить ответ, думая, что я сделаю то, что нужно, и вытащу их из этой каши. Иногда эта их вера сводила меня с ума. Я не всегда знал, что нужно делать. Часто я знал не больше, чем они. И среди них были два-три человека, которые могли бы справиться лучше меня.

Из жара его бросило в дрожь. Он был весь в холодном поту, к нему подбиралась тошнота и слабость.

— Я забыл, когда сдался, — сказал он, — живя с этим чувством дальше.

Лицо матери было по-прежнему бесстрастным, но она наклонилась к нему, протянув

руки. И когда он бросился, дрожа, в ее объятия, она уложила его в постель, крепко обнимая, стараясь поддержать и утешить, защитить от самообвинения. Он снова был ребенком, забравшимся в теплую постель, позволяющим закутаться в одеяло и прижать его голову к материнской груди. Он снова был ее ребенком, плачущим оттого, что увидел страшный сон, и он был ее единственной заботой.

— Они слишком много от тебя требовали. Да! Как ты мог воевать снова и снова? Никто не мог. Это слишком много для человека. Ты не должен чувствовать себя виноватым всю жизнь. Какой толк в этом? Да никакого! — И чуть позже, когда он перестал дрожать, она спросила его: — Ты рассказал об этом Бетони?

— Нет. Я боялся.

— Между мужем и женой не должно быть секретов.

— Боюсь, что могу потерять ее. Я бы этого не вынес.

— Если она любит тебя, это ничего не изменит. Она поймет. Она сможет помочь тебе. Будет правильно, если она узнает.

— Да, — сказал он. — Завтра я расскажу ей.

Но утром, когда Майкл подумал о Бетони, он понял, что никогда не сможет сделать этого.

Высоко над лесом в Скоут-хаусе парила пустельга, нежась в теплом летнем воздухе, и Том, возвращаясь с Линн со старой засеки с вязанкой лозы на плече, остановился, чтобы посмотреть на нее, заслонив рукой глаза от солнца.

— Ты ее видишь? — спросила Линн.

— Да, почти, хотя я не узнал бы, если бы не знал. Ты понимаешь меня?

— Скажи мне, что ты имеешь в виду.

— Ну, как она зависла там, сосредоточившись на чем-то внизу... и то, как она спускается кругами по ветру, прежде чем броситься вниз.

Пустельга сделала три круга и бросилась вниз, преследуя тень на вершинах деревьев. Том перевел взгляд на ласточку.

— Мне повезло немного больше, чем тем, кто совсем не видит. Взять, к примеру, эту ласточку высоко в небе. Она мне кажется комаром, но я слышу пенис, а это значит, что я вижу ее в то же время так же хорошо, как видел раньше, поднимающуюся все выше и выше в синее-синее небо.

Они ходили за покупками в Нортон. Том получал там на почте свою пенсию, и теперь они редко бывали в Хантлипе. В Уошпуле на ферме он покупал лозу и продавал корзины дилеру, который приходил каждую вторую пятницу.

Этот день в конце июля был жарким, и солнце стояло прямо над головой. Через несколько сотен ярдов Том бросил вязанку на траву, и они сели на нее рядышком, среди щавеля и вереска. Дувший с востока ветер дышал жаром, и Линн обмахивалась веером из листьев папоротника. На ее лицо падала тень от полей соломенной шляпки, и Том видел только его очертания. Но все же он знал, что день утомил ее.

— Тебе лучше было бы остаться дома. Не нужно было ходить по такой жаре.

— Мы просидели, отдыхая, больше, чем прошли. Уже стемнеет к тому времени, когда доберемся до дома.

— Темно или светло, какая разница? Мы ведь не спешим на поезд?

— Я оставила белье на веревке. Оно пересохнет.

— Отдохни, — сказал он твердо. — Ты же знаешь, что тебе говорит миссис Джибс. Тебе нужно отдыхать и не утруждать себя.

Когда они дошли до дома и уже проходили ворота Панкхауса, Линн заметила какого-то человека, наблюдавшего за ними с края леса, в тридцати ярдах через дорогу. Он стоял совершенно неподвижно, спрятавшись за дерево. Руки он держал в карманах, а кепку натянул низко на лоб.

— Вон там человек стоит. Ты его видишь? На краю леса.

— Может, лесник, — предположил Том.

Но тут человек шагнул вперед, пересек обочину и стал на дороге: низкий, крепкий, грудь словно бочка.

— Это Эмери Престон, — сказала Линн.

— Чего он тут ошивается?

— Я его здесь уже не первый раз вижу. Когда я ходила в Истери в прошлую пятницу, он стоял на кладбищенской стене и смотрел на Пайкхаус, а когда я проходила мимо, он просто уставился на меня.

— Пойду поговорю с ним, — сказал Том.

Эмери Престон стоял, как постовой. Том подошел к нему, немного кося, потому что он лучше видел боковым зрением.

— Вы хотели поговорить со мной, мистер Престон?

— Нет, с какой стати? — сказал Эмери.

— Тогда почему вы здесь, наблюдаете за нами?

— А что, есть закон, запрещающий это?

— Нет, закона нет, — сказал Том, — по крайней мере, я такого не знаю.

— Но есть законы *кое о чемеце*, — сказал Эмери. — Для начала, против двоеженства.

— Но я не двоеженец, мистер Престон.

— Вы оба куда как хуже, чем можно подумать. Живете вместе без всякого стыда. Я сам грешник и трактирщик, но не смог бы так.

— Чего вы от нас хотите? — спросил Том.

— Я хотел бы знать, что произошло с моей дочерью.

— Тилли сбежала с другим парнем. Больше я ничего не знаю.

— Ты так говоришь, но я иногда сомневаюсь!

— Что вы имеете в виду?

— Ничего! Ничего! Просто мысли вслух.

— Попробуйте поискать в Бирмингеме. Он там живет, тот парень, с которым она сбежала.

— А ты сам пытался искать?

— Нет, — сказал Том, — потому что я не хочу, чтобы она возвращалась.

— Это вполне понятно. Законная жена помеха для таких, как ты. Ты предпочитаешь более вольные отношения.

Линн по-прежнему стояла в воротах Пайкхауса. Эмери заметил, что она беременна. Он скользнул по ней взглядом, полным презрения.

— Ты сам попал в ловушку, Маддокс, а это штука опасная!

Он повернулся и пошел в сторону Хантлипа, подняв столб пыли. Том и Линн вошли в дом.

— Не обращай внимания, — сказала она ему. — Пусть тебя это не огорчает.

— Я не волнуюсь, разве что за тебя, — сказал Том, — и немного за малыша.

— Тебе не нужно волноваться. Нет причины.

Странно, как менялось его зрение изо дня в день. Иногда, особенно в солнечные дни, он видел маки вдоль дороги, зреющие в садах яблоки, белые облака, плывущие по синему небу. Но в другие дни ему было плохо, и однажды на пустыре, окружающем Пайкхаус, он зашел в тупик, заблудившись, словно в тумане.

Он был совсем один, и ему казалось, что весь мир исчез; он показался ему дымящейся развалиной, проваливающейся в никуда и оставляющей его на краю пустоты; и он пережил момент затягивающего ужаса. Но через некоторое время, вытянув руки, он нащупал высокую траву, растущую вокруг повсюду, и это прикосновение приободрило его. Земля была по-прежнему здесь, не изменившаяся, и он мог найти дорогу в сгущающейся тьме. Дом был прямо перед ним. Не больше чем в ста ярдах. Он чувствовал запах дыма и слышал, как Линн выбивает матрас. Путь показался ему долгим.

— Тебе нужно было позвать меня, — сказала она, подходя к Тому, когда он шел ощупью вдоль кустарника к воротам. — Я бы точно тебя услышала.

— Я должен привыкнуть и научиться находить дорогу, — сказал он.

Но после этого Линн редко оставляла его одного. Она присматривала за ним и всегда была рядом, когда ему нужна была помощь. Их жизни были тесно связаны. Они делили друг с другом каждый миг дня и ночи.

Однажды, роясь в серванте, Линн сказала:

— Я не знала, что ты когда-то курил.

— Курил немного в окопах. А что?

— Потому что я нашла вот это. — И она положила ему на ладонь трубку.

— Она принадлежала Бобу Ньюэзу, моему приятелю в армии. Я думал послать ее его родне, но потом случилось все это, и я уже не стал с ней возиться.

До сих пор, вспоминая про Ньюэза, он видел только то, что осталось после того, как в воронке разорвался снаряд; видел только дыру в земле, сыпавшиеся комья с остатками человека. Но теперь, держа в руках эту трубку, он снова видел Ньюэза, чувствовал его дыхание позади, слышал его голос и вспоминал тот день в Льере на Сомме, когда показались первые танки, движущиеся по дороге на Рилуа-сю-Колль.

Они с Ньюэзом заваривали чай в резервном окопе, когда новенький по имени Уорт завопил:

— Боже всемогущий! Поглядите на этих чудовищ! Что это за чертовщина?

— Что еще? — спросил Ньюэз, вставая, чтобы взглянуть на танки. — Они притащили сдобные булочки?

Линн подошла и села рядом с Томом. Она видела, что он улыбается.

— Ньюэз всегда мог заставить нас смеяться, — сказал он.

Теперь каждый день, пока стояла летняя погода, Том работал на улице, рядом с насосом, где лежала лоза, погруженная в воду. Он сидел на матрасе, держа на коленях доску, и частенько, выходя в сад, Линн останавливалась посмотреть, как быстро растет корзина в его ловких руках, как он подправляет прутья или обрезает концы лозы. Человеческие руки, работавшие над какой-то вещью, всегда казались ей чудесными.

— Я знаю, что ты здесь, — сказал он однажды. — Я тебя хорошо вижу. Ну, неплохо. На

тебе голубое платье и новый передник с большими карманами.

— А что у меня в руке?

— Полагаю, снова лекарство.

— Пей и без глупостей.

— Хорошо, — сказал он. — Ты медсестра. Но это не вернет мне зрение.

— Доктор Дандес говорит, что это поможет снять головные боли.

— Было бы чудом, если бы это помогло вернуть зрение. Я бы тогда выпивал по целой бутылке в день. — Он осушил стакан и отдал ей. Потом посмотрел на нее боковым косящим взглядом. — Но это вряд ли, да? В наше время чудеса не часто встречаются.

— Боюсь, зрение не вернется к тебе.

— Ладно. Я знаю, нечего и ждать. Это просто желания.

Однажды, выйдя в сад, чтобы собрать оставшуюся фасоль, Линн снова увидела Эмери Престона, выходящего из леса Скоут. Он немного постоял, глядя на нее в нерешительности, а потом пошел в сторону Хантлипа. Она решила не говорить Тому, но в следующий раз, когда ее отец приехал проведать их, она отвела его в сторону и все рассказала.

— Не знаю, чего он хочет. Полагаю, чтобы заставить нас почувствовать себя неудобно. И в этом он преуспел, потому что меня это все же беспокоит, бродит тут, знаешь ли.

— Я поговорю с ним, — сказал Джек. — Я скажу, чтобы следил за своими чертовыми делами.

— Не думаю, что стоит ругаться с ним.

— А кто говорит, что я собираюсь ругаться?

— Отец, я тебя знаю.

— Когда имеешь дело с такими, как Эмери Престон, не стоит надевать лайковые перчатки. Им нужно дать понять напрямик.

В следующий вечер Джек пошел в «Розу и корону» после работы. Он разговаривал с Эмери, не обращая внимания на толпу вокруг.

— Чего ты все время ошиваешься возле Пайкхауса?

— Это свободная страна. Делаю, что хочу.

— Тогда слушай сюда! — сказал Джек. — Если у моей дочери или у Тома Маддокса будут из-за тебя неприятности, ты мне за это ответишь. Я не слишком нежный с такими бандитами, как ты, Престон, так что поберегись!

Джек ушел. Эмери повернулся к клиентам:

— Этот парень, Мерсибрайт, думает, что он большая шишка. А он только простой работник на ферме Аутлендз!

— А чем тебе не нравятся работники? — сказал Билли Ратчет, обидевшись. — Джек парень что надо. Мне его жаль, дочь так неожиданно ушла к Тому Маддоксу и теперь родит незаконного ребенка.

— Не надо мне рассказывать! — сказал Эмери. — Я знаю, что они там делают. Я ходил туда и все видел сам. Но вот что они оба сделали, так это избавились от Тилли. И скоро я узнаю, что произошло.

— Зачем? Твоя Тилли сама хороша, — сказал Норман Рай, сидящий за одним из маленьких столиков. — Сбежала с этим коммивояжером, здорово?

— Эту историю выдумали! Но у меня есть свои соображения на этот счет, и я не успокоюсь, пока не узнаю больше.

— О чем это ты, Эмери?

— Придет время, и вы скоро сами узнаете.

Эмери пошел и налил себе пинту пива. Он осушил кружку на три четверти, а от остального у него побелели усы. Трое сыновей наблюдали за ним. Посетители переглядывались в полной тишине.

В теплое сентябрьское воскресенье к «Розе и короне» подъехала машина, и из нее вылез молодой человек, вспотевший и с покрасневшим лицом. Он запер дверцу, скорчил рожу собравшимся вокруг детям и взглянул на часы. До закрытия было пять минут.

Метью, возившийся за стойкой, позвал отца к окну.

— Это он, — сказал он. — Этот коммивояжер. Вон в машине лежат щетки.

— Ты уверен, что это тот самый?

— Абсолютно.

Когда молодой человек вошел, оглядываясь на посетителей и приглаживая волосы ладонью, Эмери встал за прилавок.

— Ваше имя, случаем, не Тримбл?

— Честное слово! У вас, сельских, такая память!

— Так или нет? — потребовал Эмери.

— Да, разумеется, — ответил он, оказавшись наполовину лежащим на прилавке, потому что громадные ручки Эмери вцепились ему в отвороты куртки. — Боже правый! В чем дело? Вы что, напились, или с ума сошли, или что еще?

— Куда подевалась моя дочь Тилли? — Не знаю, о чем вы говорите.

— Дело в том, что она уехала с тобой на этой нарядной машинке, которая там стоит. И если это правда, мистер Тримбл, я переломаю все твои вонючие кости!

— Конечно, неправда! Я вообще никогда не был знаком с вашей дочерью Тилли.

— Вы ее хорошо знаете. Вы ей продавали щетки в Пайкхаусе.

— Я продавал? Боже мой, дайте подумать! Пайкхаус, вы сказали? Ну да, точно. Это маленький домик по дороге к Нортону. Женщину звали миссис Маддокс.

— А что еще вы помните?

— Ничего, уверяю вас! Я заезжал туда раза три-четыре, согласен, и продал миссис Маддокс несколько маленьких принадлежностей для дома. Но то, что вы говорите, просто чудовищно, и я требую, чтобы вы отстали от меня!

— Чудовищно, вот как? — вскипел Эмери. — Вы хотите сказать, что это чертовы враки?

— Естественно! И хотел бы я знать, кто это выдумал! Я женатый и счастливый в браке человек. Я могу показать вам фото моей жены и детей. Я могу привести людей, которые поручатся за меня...

— Ничего, — сказал Эмери. — Ответьте только еще на один вопрос. Почему вы уехали отсюда так внезапно, когда вам были должны деньги ваши покупатели?

— Я заболел. Я приехал с гриппом и чуть было не умер. Если бы не моя жена, Господи, благослови ее, которая сидела со мной неделями, меня бы уже не было здесь сейчас.

— Действительно? — сказал Эмери. — А теперь вы вернулись собирать долги? Вы еще надеетесь, после стольких месяцев?

Он немного отпустил Тримбла, но продолжал смотреть на него подозрительно.

— У вас есть карточка, которую вы могли бы мне оставить?

— Нет-нет, — сказал Тримбл. — Мне до сих пор не могут их отпечатать. — Он одернул

топорщившуюся одежду и заправил галстук под куртку. Потом окинул взглядом посетителей. — Но я могу написать свой адрес, если хотите, а также подтвердить все, что сказал вам.

— Да, давайте, — согласился Эмери, глядя, как Тримбл пишет дрожащей рукой свой адрес на клочке бумаги. — Я, кажется, обознался. Извините, что примял вас немного, но не моя вина, что вас обвинили в том, чего вы не делали. Можете поблагодарить моего зятя.

— Действительно? Мне бы хотелось поговорить с ним.

— Не трогайте Тома Маддокса. Я сам с ним разберусь.

— Правильно! — сказал Тримбл. — Все хорошо, что хорошо кончается, вот что я скажу, и не буду держать обиду.

— У вас еще нет выпивки, за которой вы пришли?

— Нет-нет. Я уже опаздываю, у меня встреча в два тридцать. — Тримбл пошел к дверям. — Дайте мне знать, — сказал он, — если Я вам еще чем-нибудь могу помочь.

Он уехал из «Розы и короны» и свернул на Стрейт, но, оказавшись в стороне от главной дороги, прибавил газу и помчался, торопясь поскорее оставить деревню Хантлип с ее злобными, жестокими жителями.

Последние посетители ушли из «Розы и короны», и Эмери Престон закрывал свое заведение Он бросил ключи Метью.

— Теперь, слава Богу, мы знаем, что к чему, и именно этого я давно опасался. Я часто предостерегал Тилли не связываться с этим Томом Маддоксом, но она не слушала, ни в какую!

— Ты думаешь, он что-то сделал с ней, отец?

— Он убил ее, вот что он сделал, точно так же, как его отец поступил с его матерью, только эта свинья умнее, и он сделал так, чтобы ее не нашли!

— Что ты собираешься делать?

— Иду в полицию, — сказал Эмери. — Мне давно надо было это сделать, с самого начала.

— Полицейские? — удивилась Линн, глядя на человека, стоящего на крыльце.

— Я инспектор Данз, а это констебль Пенфолд. Нам хотелось бы поговорить с мистером Маддоксом.

— Вам лучше войти.

Они вошли за ней, и молодой полицейский закрыл дверь. Еще не было шести часов, а лампу уже зажгли, и Том сидел около нее на табуретке, занимаясь починкой ботинка, который лежал у него на коленях. Линн подошла к нему и дотронулась до его плеча:

— Это из полиции. Они хотят тебя видеть.

— Да, я слышал. Интересно, зачем они пришли. — Он выпрямился, пытаясь разглядеть их. — В чем меня подозревают?

— Мы можем присесть, мистер Маддокс?

— Давайте, располагайтесь.

— Мы интересуемся исчезновением вашей жены, миссис Тилли Маддокс, урожденной Престон. Ее отец заявил о ее пропаже.

— Правда? — сказал Том. — С какой стати?

— Вы могли бы нам что-нибудь рассказать?

— Она ушла к другому парню, не могу сказать, где она сейчас.

— Когда это случилось, мистер Маддокс?

— В начале февраля, — ответил Том. — Я не могу сказать точнее.

— Она говорила вам, что собирается уйти?

— Нет. Заранее нет. Точнее, не распространялась па этот счет.

— Не могли бы вы рассказать подробнее?

— Она говорила, что могла бы жить в большом городе. Ей не нравилось здесь. Она говорила, что ей одиноко и это ее бесит.

— Я бы хотел, чтобы вы рассказали, как она ушла.

— Я пришел домой, а ее уже не было. На столе лежала записка, и все вещи она забрала с собой.

— Вы сохранили эту записку?

— Нет, — сказал Том. — Я выбросил ее.

— Может быть, вы вспомните, что в ней говорилось?

— Она написала, что устала от одиночества. И сказала, что не вернется.

— Она говорила, что уходит к мужчине?

— Нет, слова были другие.

— Какие именно, мистер Маддокс?

— Ну, она говорила, что устала от того, как я с ней обращаюсь, а мистер Тримбл будет куда как лучше. Он будет заботиться о ней.

— Значит, вы полагаете, что они уехали вместе?

— Я в этом уверен, — подтвердил Том. — Они были большими друзьями. Он сюда часто приезжал. Я видел их однажды. Они разговаривали и смеялись. Он обнимал ее за плечи, прижимал к себе.

— Вы ревновали, мистер Маддокс?

— Ни капли. Мне было безразлично.

— Полагаю, вы не очень-то ладили со своей женой?

— Вы больше не узнаете ничего нового. Это все, что я знаю.

— А каковы были причины для ваших разногласий?

— Любые, — сказал Том. — Все было ошибкой, прежде всего наша свадьба. Нам не следовало делать этого.

Оба полицейских сидели на маленькой скамейке, почти прижавшись друг к другу. Том видел их, как две большие тени; лица были не более чем бледные пятна, но он чувствовал, что молодой записывает.

— Вы записываете то, что я говорю?

— Констебль все фиксирует.

Инспектор Данз был общительным человеком лет пятидесяти, говорившим тихо и неспешно. Он сидел спокойно, держа в руках шляпу. Его заинтересовал незаконченный ботинок у Тома на коленях.

— Меня удивляет, что вы можете чинить обувь. Я слышал, у вас проблемы со зрением.

— Я вижу, когда трогаю, — сказал Том. — Но это правда, что вы сказали о моих глазах. Меня контузило во время войны.

— Он постепенно слепнет, — сказала Линн.

— Это началось, когда жена была с вами?

— Да, — сказал Том, — но она не знала.

— Вас это злило, мистер Маддокс, когда эти неприятности свалились на вас?

— А вас бы не злило?

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Разве? Мне казалось, что ответил.

— Вы были расстроены?

— Я не был особенно счастлив.

— И вы вымещали это на своей жене?

— Может быть. Иногда я был не слишком ласков.

— А вы, случайно, не били ее?

— Нет. Никогда.

— Ни разу? Может, в порыве раздражения, когда она ворчала, что вполне вероятно?

— Я никогда не трогал ее, — сказал Том. — Может, кто-то хочет сказать иное?

— Мистер Престон не вполне удовлетворен версией, что его дочь сбежала с другим мужчиной. Он думает, что вы убили ее, мистер Маддокс.

— У него с головой не в порядке!

— Я запишу, что вы отрицаете обвинение?

— Отрицаю! Это наглая ложь!

Том сидел на стуле неподвижно. Ему казалось, что он скован, попал в тиски слепоты; в крови у него закипала ярость, которая грозила разрушением. Он чувствовал, что сорвется, разлетится на кусочки, как сумасшедший, что тьма затопит его сознание. Но он снова почувствовал руку Линн на плече, и ее прикосновение успокоило его. Ему хотелось видеть лица этих людей.

— С чего все это вдруг? Тилли здесь нет уже многие месяцы. Почему бы Эмери не поискать ее в Бирмингеме вместе с тем парнем, Тримблом?

— Тримбла видели в Хантлипе. Мистер Престон спрашивал его о вашей жене, но он отрицает, что она уехала с ним.

— Она точно ушла! Она забрала все свое добро. Если бы она ушла одна, то не смогла бы взять все это. Она могла забрать вещи только в том случае, если бы ее отвезли на машине. До ближайшего автобуса три мили. А что, если Тримбл лжет?

— Если кто-то лжет, мистер Маддокс, то мы обязаны это выяснить и именно это и собираемся сделать.

Полицейские поднялись. Они были очень высокие, их головы доставали до потолочных балок. Том чувствовал, что они возвышаются над ним.

— Вы меня арестуете?

— Ваша жена объявлена пропавшей, и сделано было соответствующее заявление. У нас нет выбора, кроме как заняться этим делом. В настоящее время дело заключается в этом, мистер Маддокс, и я надеюсь, нам удастся разыскать следы вашей жены в Бирмингеме, как вы предполагаете.

— А что будет, если вам не удастся?

— Поживем — увидим. И еще один вопрос, если не возражаете. Не знаете ли вы название фирмы, в которой работал Тримбл?

— Название? — повторил Том и задумался. — «Бруно», — сказал он. — «Щетки Бруно» в Бирмингеме. Оно было на щетке и совке, которые Тилли купила. Можете взглянуть на них, если хотите.

— Не нужно, — сказал Данз. — Это просто подтверждает то, что мы уже слышали. Спасибо, что ответили на вопросы, мистер Маддокс. Если будут какие-то новости, мы дадим

вам знать.

Они ушли. Том и Линн слышали, как они отъехали от дома. Он повернулся к ней.

— Ты ведь не думаешь, что я убил Тилли?

— Не говори глупостей.

— Мне хотелось бы знать.

— Нет, Том, я не верю в это.

— А они? Похоже было, что они мне поверили?

— Думаю, да. Я даже уверена.

— Кажется, я не приношу тебе ничего, кроме неприятностей. Я все время все порчу.

В руках он по-прежнему держал сапожный молоток. Он тяжело дышал и немного дрожал. Линн взяла молоток и ботинок и отложила их в сторону. Она стала перед ним на колени и взяла его руки в свои.

— Тебе нужно постараться не волноваться по этому поводу, — сказала она. — Я уверена, полиция скоро найдет ее. Я знаю, как ты себя чувствуешь, когда Эмери Престон распространяет всю эту ложь, но ты не должен позволить ей отравить себя. Ты должен постараться выбросить это из головы.

Когда полицейские вошли в зал, все посетители «Розы и короны» замолчали. Эмери Престон, сидевший за одним из столиков, мгновенно поднялся.

— Вы арестовали Маддокса? — спросил он.

— Мистер Престон, — начал Данз. — Я бы хотел поговорить с вами наедине.

— Я не возражаю, если мои посетители услышат. Мне нечего скрывать.

— Я бы все же предпочел поговорить наедине, — сказал Данз, и Эмери, пожав плечами, повел его в заднюю комнату.

— Я снова спрошу вас: вы арестовали Маддокса?

— Нет, мистер Престон, потому что нет доказательств, что преступление вообще было совершено.

— Доказательств? Ваша работа в том, чтобы найти их! Хотя не думаю, что из этого что-то выйдет, потому что он постарался, чтобы следов не осталось. В тех местах он мог похоронить ее в лесу, и никто бы этого не увидел. И я готов поставить последний пенни, что именно так он и поступил.

— Если что-то можно найти, мы найдем, будьте в этом уверены, — сказал Данз.

— Сколько времени уйдет на это? — спросил Эмери. — С сегодняшнего дня до Рождества?

— Единственный факт — это то, что ваша дочь исчезла, а все остальное только слухи, и я бы посоветовал вам следить за тем, что вы говорите, иначе мистер Маддокс может привлечь вас к суду за ложные обвинения.

— Хотелось бы посмотреть, как он это сделает! — возмутился Эмери. — Убийца потащит меня в суд за то, что я назвал его убийцей?

— Какие у вас причины для подозрения?

— Где же тогда моя дочь, если он не убил ее?

— А кроме этого, мистер Престон?

— Его отец был убийцей, вы это знаете?

— Это не причина, — сказал Данз, хотя и заинтересовался.

— А для *меня* причина! — сказал Эмери. — Я знаю этих Маддоксов, откуда они взялись.

Его отец был хорош. Вам все скажут. Однажды он напал на мою старую мать, а ей было уже больше восьмидесяти лет. У него всегда был характер убийцы. Он в конце концов набросился на женщину, с которой жил, и размозил ей голову кочергой. А после этого пошел и повесился, освободив палача от работы.

— Теперь, когда вы упомянули об этом деле, я вспомнил, — сказал Данз. — Но разве сын такой же жестокий?

— Должно быть, так. Это передастся в крови.

— Но он никогда ни в чем не был замешан?

— Я ничего такого за ним не знаю. Его долго не было. Но там, на войне, он привык убивать, сражаясь с немцами.

— Это можно сказать о тысячах. Но я пришел к вам, мистер Престон, чтобы узнать адрес Артура Тримбла.

— Он у меня тут есть, — сказал Эмери и дал ему бумажку.

— Мне бы еще хотелось взять фотографию вашей дочери.

— Для чего?

— Чтобы найти ее, мистер Престон.

— Найти ее! Найти ее! — прорычал Эмери, роясь в ящике серванта. — Как ее найдут, если она в могиле? — Но он нашел фотографию и отдал ее Данзу. — Ее сделали в день свадьбы, и каким ужасным он обернулся для бедной девочки!

— На фотографии она выглядит довольно счастливой.

— Она не знала, что ей грозит.

Эмери проводил их через зал к дверям. Он вернулся к посетителям с недовольным лицом.

— Много от *них* тут пользы, ходят только языками чешут, как будто у них куча времени. Том Маддокс успеет улизнуть, пока они будут возиться.

— А они к нему ходили?

— Ходили к нему? Да! Они там проторчали полдня, как будто старые приятели, по крайней мере, по их речам можно было так подумать.

— Они так ведут расследование, — сказал двоюродный брат Эмери Хамфри Батли. — Они дадут ему почувствовать себя в безопасности, а когда он себя выдаст, тут же и сцапают, как кошка мышку.

— Если бы я встретил Маддокса у себя во дворе, — сказал Эмери со свирепым видом, — он бы за пять секунд рассказал мне всю правду!

Когда поползли слухи, Бетони была в Уилтшире. Вернувшись, она увидела, что они распространяются, как наводнение.

— Кто все это заварил? Эмери Престон, полагаю?

— Без сомнения, — сказала мать. — Но лучше всего просто не обращать внимания.

— К Тому и Линн кто-нибудь заходил?

— Мы с Диком — два дня назад, но твой отец вдруг стал так занят, что не может найти времени.

— Ну да, — сказал Джесс, избегая встречаться взглядом с Бетони. — А какая в том польза, если я к ним пойду?

— Я всегда говорила! — воскликнула бабуся. — Я всегда говорила, что он плохо кончит. Дурная кровь, тут уж ничего не поделаешь.

— Так что теперь он постарался и уже приговорен? — со злостью сказала Бетони. — И своей собственной семьей!

— Мы не настоящие родственники, — сказал дед. — Мы взяли его из милости.

— И он сам порвал с нами, — сказал Джесс, — живет с этой девчонкой Мерсибрайт, а мы за него краснеем.

— Мне за него не стыдно, — сказала Бетони.

— Не обращай внимания на отца, — попросила Бет. — Иди навести их. Они должны знать, что у них есть несколько друзей.

— Да, мама, сейчас пойду.

Выехав на главную дорогу, она свернула к Джеку Мерсибрайту, и остальную часть пути они проехали вместе. Когда они приехали в Пайкхаус, Том сидел на крыльце, глядя, как садится солнце, освещающая багрянцем церковь на краю Истери.

— Ты ее видишь? — спросила Бетони.

— Думаю, да! — сказал он, улыбаясь. Закатные краски играли на его лице. — Такие закаты здесь в последнее время! Почти такие же красивые, как зимой. Но кроме света, я кое-что вижу.

В освещенной лампой комнате Линн, у которой был уже большой живот, медленно ходила взад-вперед, готовя ужин. Том встал с кресла и внес его в дом. Он поставил его у стола, нащупывая дорогу.

— Ты слышала, что обо мне говорят в Хантлипе?

— Конечно, слышала. Просто сказки!

— Значит, ты в них не веришь, Бетони?

— Ни единому слову!

— Многие, однако, хотели бы, — сказал Джек, который стоял, прикуривая трубку и разглядывая Тома сквозь дым. — Что до меня, то если и вправду ты укокошил Тилли Престон, не знаю, стал ли бы я тебя винить. Такие девицы, как она, всегда нарываются на неприятности.

— Отец! — сказала Линн, сверкнув на него глазами. — Что ты такое говоришь!

— Думается, он меня проверяет, — сказал Том. — Полицейский делал то же самое. Но так меня не поймать, потому что я никогда к ней не притрагивался, ни случайно, ни намеренно, хотя если бы даже и сделал это, то не признался бы.

— Не беспокойся, — сказал Джесс. — Я скорее поверю тебе, чем тому, что говорит Престон.

— Полиция пытается разыскать Тилли, но что, если они не найдут ее? Что они сделают, если она не объявится?

— Что они могут сделать, если, кроме слухов, ничего нет? Если ты невиновен, тебе нечего бояться.

— Ожидание и неопределенность, — сказал Том. — И еще эти слухи могут никогда не замолкнуть.

— Забудь об этом, — сказал Джек. — Нечего прислушиваться и огорчаться из-за таких сплетен. Это меньше чем простой дым из печной трубы. А тем временем нам нужно надеяться на лучшее, что эта твоя женушка все же объявится.

— Не думаю, что это случится, — сказал Том.

— Вот как, почему же?

— Не знаю почему. Просто не знаю.

Джек не сказал больше ничего, и Линн как раз попросила его отложить трубку, потому что тарелки, полные супа, уже стояли на столе. Но во время ужина Бетони заметила, что его взгляд подолгу останавливался на лице Тома, и когда они ехали домой позже вечером, она спросила Джека, есть ли у него какие-нибудь сомнения.

— Сомнения? Да. А у вас?

— Я никогда не слышала, чтобы Том солгал.

— Все лгут, особенно когда попали в беду.

— Значит, вы считаете его виновным?

— А вот этого я не говорил. Я так не считаю. Я только сказал, что у меня есть сомнения. Должен сказать, что они у меня всегда будут, если эту Тилли не найдут.

— Вы не можете сильно сомневаться, иначе вам будет страшно за Линн.

— Нет, я не боюсь за нее, потому что уже сказал, если Том и убил Тилли, то, значит, она сама его довела.

— Я не думаю, что он убил ее. Он не смог бы, я уверена.

Она мысленно вернулась в тот день в начале года, когда заходила к Тому в Пайкхаус, в тот день, когда он сказал ей, что Тилли ушла и что он стал слепнуть.

— Я бы узнала, — сказала она. — Я бы это почувствовала где-то в глубине души.

Через несколько дней Майкл заехал к Бетони в Чепсворт-парк и повез ее на ленч в «Старый плуг».

— Есть хорошие новости о ферме Кингсмор. Я смогу стать ее хозяином после Рождества, так что к тому времени, когда мы вернемся из свадебного путешествия, нужно будет подождать всего один-два месяца, прежде чем мы сможем туда переехать. А пока мы проживем в Кингз-Хилл-хаусе. Как ты, сможешь потерпеть?

— Если твоя мать сможет, то и я смогу.

— Не похоже, чтобы ты обрадовалась, — сказал он. — Ты недовольна Кингсмором?

— Разумеется, довольна. Просто я беспокоюсь за Тома.

— Ну да, мне нужно было знать. Так что отметим! — Он поднял свой бокал и отпил шампанское. Он пытался освободиться от раздраженности. — Есть правда во всех этих обвинениях?

— Нет, абсолютно никакой.

— Ты кажешься слишком уверенной.

— Это просто злые сплетни. Время от времени на Хантлип такое находит. — И помолчав, она добавила: — Боюсь, тебе очень неприятно, Майкл. Ты женишься не сам по себе — ты женишься на девушке из семьи, о которой сейчас говорят с ненавистью.

— Хантлипские сплетни меня не волнуют, хотя я согласен, что все это крайне неприятно. Все равно скоро я увезу тебя отсюда и ты сможешь оставить все это позади.

— Ты не понимаешь, — сказала Бетони. — Я не хочу быть в стороне от этого. По крайней мере, до тех пор, пока это тяготеет над моей семьей. Думаю, нам придется еще немного подождать.

— Разве мы не ждем уже достаточно? Черт побери! Ваш священник уже сделал оглашение в церкви.

— Мне это не нравится.

— Послушай, — сказал Майкл и вдруг повысил голос. — Я не собираюсь жертвовать своим медовым месяцем ради кого-то или чего-то, а меньше всего из-за твоего брата. Он

впутался черт знает в какую историю и пусть сам винит себя в этом.

— Я не согласна. Он ни в чем не виноват.

— Как ты можешь быть в этом уверена?

— А как мы вообще можем быть уверены в чем-то?

Бетони злилась даже сильнее, чем он. Они смотрели друг на друга через стол. Но заметив, что на них смотрят, они продолжали есть в полной тишине, пока не смогли, чуть успокоившись, разговаривать спокойно.

— Если Том невиновен, тебе незачем волноваться.

— Но он болен. Волнение и напряжение принесут ему вред.

— Ведь есть кому присматривать за ним.

— Да, правда.

— Ты можешь сделать для него что-то большее, чем они?

— Нет, — сказала она, — вероятно, нет.

С минуту ей хотелось рассказать ему всю правду, что Том умирает, но она не смогла. Это тайну она делила только с Мерсибрайтами и старым доктором Дандесом из Нортонна. Лучше, чтобы все осталось по-прежнему.

— Ты, конечно же, прав, я ничего больше не могу для него сделать.

— И значит, — Майкл потянулся через стол, чтобы наполнить ее стакан, — теперь, вероятно, у меня будет несколько минут, чтобы обсудить нашу будущую жизнь? Просто какие-то тривиальные вещи, свадебные приготовления, медовый месяц и приготовления в Кингсмор.

Бетони улыбнулась.

— Дорогой Майкл, — сказала она. — Ты очень терпелив.

Проснувшись однажды утром, Том ничего не смог увидеть, даже очертаний. Когда он вышел в сад и повернулся лицом к солнцу, его свет был скрыт от него, словно наступило затмение. Том сел на старый стул без спинки у стены и погрузился в темноту. Он чувствовал, как она окружает его со всех сторон, давит, словно хочет стереть с лица земли. От него ничего не осталось, только пузырек страха, и если бы он лопнул, то разорвал бы и Тома.

И вдруг страх исчез. Он не мог бы сказать почему. Но это было так, словно он покинул свое тело, потерялся на ничейной земле в небытии и теперь снова стал самим собой, сидя на осеннем солнышке в окружении старого сада, вдыхая аромат календулы и яблок, облепленных осами.

— Что случилось? — испугалась Линн, увидев, что он сидит совершенно неподвижно.

— Я думал о бабушке Изард, — сказал он, — как она, бывало, возилась в саду.

— Ты идешь завтракать?

— Могу, если он уже готов.

Ему не хотелось говорить ей, что он потерял остатки зрения. Это бы только огорчило ее. Но Линн догадалась и без слов. Взяв его за руку, она отвела его в дом.

Бетони частенько заезжала в Пайкхаус. Она привезла ему белую палочку и свисток, чтобы повесить на шею, и еще кое-какие вещи для малыша.

— Полиция больше не приезжала?

— Нет.

— Я подумала, — сказала она однажды, — тебе было бы неплохо повидаться с адвокатом. Может, с адвокатом деда или с молодым мистером Хайем. Я могла бы сходить с

тобой, если хочешь.

— Но ведь я ничего не сделал, — сказал Том.

— Думай об этом все время, если полиция снова придет допрашивать тебя.

— Надеюсь, теперь все уже позади, — сказал он.

Но спустя несколько дней, пятнадцатого, двое полицейских пришли снова.

— Новости о Тилли? — спросил Том.

— Боюсь, что нет, мистер Маддокс. Ни наши расследования, ни объявления не дали никаких результатов. Но я бы хотел вам задать еще несколько вопросов. Что, например, было на миссис Маддокс в тот день, когда она ушла из дома?

— Не знаю, меня дома не было.

— А утром, еще до того, как вы ушли на работу? Можете вспомнить, что на ней было?

— Она спала, когда я уходил.

— И вы сказали, что она не оставила никаких вещей?

— Ни булавки, — сказал Том. — Это все, что вы хотели узнать?

— Если только вы не хотите сообщить что-нибудь.

— Нет, ничего, — сказал Том.

Данз повернулся к Линн:

— Вы были знакомы с миссис Маддокс?

— Нет, — ответила Линн. — Я никогда в жизни не видела ее.

— Не могли бы вы назвать мне свое имя? Миссис?..

— Мерсибрайт, — сказала Линн, — но не миссис, а мисс.

— Могу ли я спросить, в каких вы отношениях с мистером Маддоксом?

— Это уже не ваше дело! — сказал Том.

— Я отвечаю, — сказала Линн. — Мы живем вместе, как муж и жена.

— Благодарю вас, — сказал Данз. — Когда люди с нами совершенно откровенны, это всегда очень помогает. А были ли вы знакомы с мистером Маддоксом до того, как исчезла его жена?

— Да, была.

— Через какое время после ее ухода вы заняли ее место?

— Примерно через неделю, — сказала Линн и только несколько покраснела, встретив пристальный взгляд полицейского.

— Интересно, — сказал Том, — стоит ли мне поговорить с адвокатом?

— А что бы мы могли сделать для вас, мистер Маддокс?

— Не знаю, — сказал Том. — Я не знаю, что и адвокаты могут сделать. Мне нужно просто посоветоваться.

— Я бы не стал беспокоиться, мистер Маддокс. По крайней мере пока.

— Что вы имеете в виду под словом «пока»?

Но Данз и констебль ушли, не сказав ни слова.

Услышав о визите полицейских, Бетони пришла в ярость.

— Все, решено! — сказала она. — Я еду в Бирмингем разыскивать Тилли.

— В этом нет особого смысла, — сказал Том. — Если полиция не может найти ее, какие у тебя шансы?

— Возможно, они не очень-то стараются?

— Они сказали, что повесили объявления о розыске.

— Все равно я еду.

Но хотя она и провела там полных два дня, бродя по деловым улицам, спрашивая в мастерских и пансионах, она ничего не узнала.

— Нас уже спрашивали, — сказал владелец мастерской. — Полиция заходила сюда, тоже разыскивала эту женщину.

И она увидела повсюду плакаты, на которых было написано, что миссис Тилли Маддокс из Пайкхауса в окрестностях Чепсворта просят зайти в ближайший полицейский участок, так как ее родня беспокоится о ней.

Однако в компании «Щетки Бруно» на Холл-стрит Бетони выяснила один интересный факт: Артур Тримбл оставил работу двадцать девятого сентября и, говорят, увез свою семью в Лондон. У его жены там были родственники, и ее дядя предложил ему работу.

Бетони вернулась домой и пошла в Пайкхаус. Том был один, потому что Лини ушла в Истери к акушерке миссис Джибс.

— Двадцать девятого сентября! Понимаешь? Это значит, Тримбл уехал из Бирмингема сразу же после того, как Эмери Престон расспрашивал его о Тилли. Очевидно, он действительно увез Тилли, как ты и говорил, и боялся, что об этом может услышать его жена.

— Но мы все еще не нашли Тилли.

— Она, скорее всего, рассталась с Тримблом довольно быстро, и теперь она может быть где угодно. Но полиция, в конце концов, должна узнать. Они узнают, что он уехал в дикой спешке, и придут к тем же выводам, что и я.

— Надеюсь, ты права, — сказал Том.

— Конечно, права! — воскликнула Бетони и вдруг перешла к разговору о своей свадьбе. — Вы придете, ты и Линн?

— Нам лучше не приходите, — сказал он, распутывая узлы на куске лески. — Она скоро родит, а народ в Хантлипе болтает всякое. Мы только испортим вам этот день.

— Вы могли бы зайти хотя бы в Коббзе, попозже. Дики заехал бы за вами на бричке.

— Лучше не надо, — повторил Том. — Нас там не особенно хотят видеть.

— Я хочу, — возразила Бетони, — иначе бы и не просила.

Но она понимала, что он был прав. Только Дик и мать принимали его теперь. Для остальной семьи он стал изгоем.

— Хорошо, — сказала она. — Я не буду настаивать, если тебе не хочется. Но, надеюсь, мой подарок будет вовремя готов.

— Будет, — сказал он. — Теперь уже немного осталось. — Он делал для нее плетеное кресло. — Джек приходит взглянуть, как идет работа. Шедевра не выйдет, но будет готово вовремя. Как говорил, бывало, Вильям, честное-пречестное!

Часто, когда он не мог уснуть, Том лежал на спине, совершенно неподвижно, боясь потревожить Линн, спавшую рядом. Он думал о чем-нибудь, что помогло бы ему уснуть. Считал, сколько стоит лоза и сколько он получит от проданных корзин. Иногда он мысленно возвращался в Этапле во время проверки, вспоминая все предметы, лежавшие перед ним. Респиратор. Неприкосновенный запас. Полевая аптечка. Миска, фляжка, котелок. Винтовка, патроны, одеяло.

Потом приходили имена. Ньюэз. Ричи. Гловер. Брейд. Дансон. Эванс. Привитт. Раш. До тех пор, пока в состоянии между сном и явью он не начинал бродить по пустынному полю,

изрытому воронками от мин и снарядов, разыскивая потерявшихся товарищей, пока какой-то голос нашептывал: «Где они? Где они? Куда они *подевались?*»

Часто Линн не спала, потому что внутри ее шевелился малыш или потому что она чувствовала, что Том не спит. Во время войны она ухаживала за многими; слышала, как они стонут, всхлипывают, ругаются; обнимала их, укачивая, пока они кричали от кошмаров во сне. Но Том никогда не метался по кровати, никогда не кричал и не плакал. Он лежал совершенно спокойно и всегда молча, а когда она поворачивала голову, то видела, что у него открыты глаза. Иногда они слегка вздрагивали, казалось даже, что они пристально смотрят куда-то, хотя и не видят ничего.

— Не можешь уснуть? У тебя голова болит?

— Стучит немного, но это ничего.

— О чем ты думаешь? — спрашивала она.

— О том и об этом. Ничего особенного. Знаешь, теперь, когда день и ночь одинаковые, уснуть стало труднее.

Но когда сон приходил, он часто был ясным и чистым, приятным, и иногда ему снились счастливые сны.

— Я был на Липпи-Хилл, и светило солнце. Ягоды на рябине такие красные, и дюжина дроздов, все на одном дереве. Со мной маленький мальчик. Он принес мне ягод, которые дрозды роняли с дерева, и показывал их мне.

— А как он выглядел? — спросила Линн. — Может, это был твой сын?

— Я не мог хорошенько разглядеть его лицо. Только ягоды у него в руках. А потом мы сидели на пригорке, и там играли кролики. Уже был вечер, теплый и тихий. Несколько кроликов подошли поближе, они щипали траву прямо у нас под ногами, а мы сидели на пригорке бок о бок, я и мальчик.

Том разводил огонь для завтрака. Ему нравилось, что он может делать такие вещи, и Линн, наблюдая за ним, никогда не вмешивалась. Он всегда осторожно обращался со спичками, и очаг всегда получался аккуратно сложенным.

— Ягоды были такие красные, а дрозды желтые, с пушистыми грудками в пятнышках. Удивительно красивые.

Он сунул горящую спичку в очаг, и огонь начал потрескивать, разгораясь. Он присел рядом на корточки, отблески пламени плясали у него в глазах.

— Смешно, но во сне я никогда не бываю слепым.

Как-то утром, когда Линн брила Тома и подстригала ему волосы, ей показалось, что она слышала собачий лай где-то в лесу через дорогу.

— Это, вероятно, спаниель Манкеба, — предположил Том. — Он, наверное, бежит за кроликами.

В половине десятого в воротах остановилась молочная тележка Джимми Уингера, и Линн вышла с кувшином.

— Вижу, у вас тут компания, — сказал Джимми, указывая на машину, стоящую на краю леса. — Полиция тут роется. Я их видел, когда проезжал мимо Тайсона. Интересно, что они тут делают?

— Ты слышал сплетни, Джимми?

— Возможно, — сказал он. — На вашем месте я бы не потерпел такого. Должны быть какие-то законы против полиции.

Джима как-то оштрафовали на десять шиллингов за езду на велосипеде без фары. Полицейские для него были хуже, чем содержатели игорных домов.

— Я дам вам на время свой обрез, если хотите, так что сможете послать их куда подальше, — сказал он, — а если один из них встретится мне на дороге, я дам своему старому мерину Твинклеру раздавить его!

Когда Джимми ушел, Линн постояла, глядя в сторону леса, но не увидела никаких следов полиции. Только раз ей показалось, что она услышала тот же лай где-то далеко в лесу. Она ничего не сказала Тому, но позднее утром еще одна машина остановилась позади первой, и из нее вышло четверо полицейских в форме. Один из них протрубил в рожок, и через некоторое время первая группа вышла из леса. Среди них был инспектор Данз. Всего их было семеро, один держал на поводке ищейку, и несколько минут они все стояли, разговаривая. Потом новоприбывшие пошли к своей машине, и каждый взял лопату и мешок. Все семеро снова исчезли среди деревьев.

— Что за шум? — спросил Том.

— Полиция что-то ищет в лесу, — сказала Лини.

Лицо его побледнело. Он стоял словно окаменевший. Линн подошла и взяла его за руку.

В час полицейские собрались на опушке леса и сели на траву, жуя бутерброды и попивая чай из термосов. Том подошел к ним, нащупывая дорогу своей палкой и двигаясь на звук голосов. Но они замолчали, когда он подошел ближе, и он стал в нерешительности на дороге. Данз подошел к нему:

— Мистер Маддокс, вы меня искали?

— Что вы надеетесь здесь найти?

— А вы боитесь, что мы найдем?

— Вы просто тратите время впустую. Вы не найдете ничего.

— Тогда вам незачем волноваться.

— А кто говорит, что я волнуюсь?

Том повернулся и пошел к дому, очень медленно, считая шаги. Данз пошел и сел на бампер первой машины, и один из констеблей предложил ему сигарету.

— Этот парень и вправду такой слепой, как кажется?

— Вы ужасно подозрительны, Райлендз. Вы почти такой же невыносимый, как и я.

— У вас есть какие-то предчувствия, сэр?

— Ненадежные, так только, — сказал Данз. — Но если он и убил свою женушку, то сам вид того, как мы вывернули тут все наизнанку, должен расколоть его уверенность.

Ближе к концу дня, когда полицейские снова собрались на опушке, они обнаружили, что у них появились зрители: три женщины и мужчина, все уже немолодые, которые пришли из Истери.

— Это правда, что вы нашли могилу тут, в лесу? — спросил старик.

— Нет, неправда, — ответил Данз.

— А что же *вы* нашли?

— Боюсь, что не смогу ответить ни на какие вопросы.

— Тогда они ничего не нашли, — сказал старик, обращаясь к женщинам. — Я знал, что это всего только лживые байки.

— Кто распространял слухи? — спросил Данз.

— Не я, не я! — сказал старик.

— А у вас есть разрешение искать тут, в лесу? — спросила одна из женщин. — Вы спрашивали у миссис Ланнем?

— Да, — ответил Данз. — У нас есть ордер.

— Что, подписанный королем и канцлером?

— Отойдите, пожалуйста! — сказал констебль. — Мы не можем развернуться, не видите?

Когда первая машина уехала в сторону Хантлипа, на тропинке показалась высокая фигура, идущая из Истери, и вышла на дорогу. Это был преподобный Питер Чанс, священник Истери и Скоута, крупный мужчина с седой шевелюрой. Он помахал машине, чтобы она остановилась.

— Что это значит? — спросил он, наклонившись, чтобы поговорить с Данзом через окошко. — Почему вы преследуете Тома Маддокса? Он сделал что-то не то? Есть ли хоть капля правды в этих диких слухах?

— Наша работа — узнать это, преподобный отец.

— Вы спрашивали парня? Он признает, что убил жену?

— Обычно люди не признаются в таких вещах, пока их не заставят это сделать, — сказал Данз.

— Если он отрицает, то я совершенно уверен, что он говорит правду.

— А если предположить, что нет?

— Тогда Бог его накажет.

— Боюсь, что это не удовлетворит закон.

— В таких делах закон берет на себя слишком много. Один Бог может наказать. «Не убий», — говорится в Писании, и не может быть никаких исключений. Даже повешение

убийц неправильно.

— Но в этом есть одно преимущество, — сказал Данз. — Это не дает им убить снова. Он подал констеблю знак трогаться.

Следующий день, суббота, двадцать пятое, был облачным и довольно холодным. Как всегда, Том первым делом вышел на крыльцо, вдыхая воздух. Ветер дул с северо-запада.

— День свадьбы Бетони, — сказал он, — и пахнет дождем.

— Во сколько венчание?

— В два часа. Если прислушаемся, то можем услышать колокола, хотя при таком ветре едва ли.

— Мрачный денек, — сказала Линн, — но может, к полудню прояснится.

В десять часов две машины свернули к старой будке таможи и припарковались на широком травяном пятке. Линн пошла к воротам и увидела, как полицейские пошли в лес. Их было пятеро: четверо в форме и один в обычной одежде. Инспектора Данза с ними не было.

Линн охватила ненависть. Ей захотелось броситься за ними и побить их. Ей хотелось разбить их веселые физиономии и посмотреть, как они съезжатся. Она пожалела, что они с Томом не могут убежать.

— Это они? — спросил он, когда она вошла в дом. — Они дико упертые, когда им в башку стукнет какая-то идея.

— Зачем им нужно было останавливаться прямо напротив? Они могли бы преспокойно остановиться и возле Тайсона.

— Они хотят, чтобы я знал, что они здесь, — пояснил Том. — Они хотят запугать меня и свести с ума.

— Ты не должен позволить им сделать это, — сказала Линн.

— Не волнуйся, я не позволю. Мне только хотелось бы, чтобы это все закончилось.

К одиннадцати часам на дороге собрался народ из Хантлипа, Блегга, Истери и Мидденина. Из Чепсворта приехали двое газетчиков и фотографировали Пайкхаус. Они разговаривали со всеми местными. Эмери Престон приехал с сыновьями, все четверо на мотоцикле с коляской Метью. Так что, когда в половине двенадцатого прибыл Данз, его напугала растущая толпа. Он повернулся к Пенфолду:

— Пусть они все проваливают отсюда! Какого черта они тут ошиваются?

— Ты мне не указ, парень, — сказал Пенфолду мужчина из Истери. — На тебе даже нет формы.

Но постепенно толпа разбрелась. Газетчики уехали. Только Престоны слонялись и не собирались уходить.

— Мистер Престон, — сказал Данз. — Я должен просить вас убраться вместе с вашими сыновьями. Вам нечего болтаться тут.

— Вы тут *моюдочь* ищите, кажется, и я собираюсь помочь вам.

— Заходите в лес, — сказал Данз, — и я вас арестую.

— Почему, вы что-то нашли?

— Пока что ничего, мистер Престон, но я отвечаю за расследование и не потерплю вмешательства.

— Вы тем не менее не можете дать мне от ворот поворот. У меня есть право стоять тут, если мне и моим сыновьям так захочется.

— Я думал, у вас дела в пабе.

— Мой двоюродный брат там присматривает. У меня тут более важное дело.

— Это вы собрали здесь репортеров?

— А что с того, если и я? Люди имеют право знать, что происходит.

— Мы даже не знаем, *произошли* вообще что-то, мистер Престон.

— Никогда и не узнаете, — сказал Эмери, — если не будете расторопнее!

Данз и Пенфолд отвернулись. Их работа часто была им не по вкусу.

— Думаю, ему бы *понравилось*, — пробормотал Пенфолд, — если бы нам пришлось откопать тело его дочери.

День был по-прежнему пасмурный, а после полудня начался мелкий дождик, несильный, но промозглый. Эмери Престон и его трое сыновей укрылись прямо в лесу, уставившись на Пайкхаус, где в окне мерцал свет от очага и дым поднимался из трубы.

— Сидит уютненько у огня! Убийца проклятый! — проворчал Эмери и поднял воротник.

В час, когда Данз подумывал о том, чтобы прекратить дальнейшие поиски, пришел Пенфолд, неся хлопчатобумажный платок, найденный в дальней части леса среди берез и дубов. Он пролежал в кустарнике долгое время, и весь рисунок почти сошел; на нем было темное коричневое пятно, которое вполне могло быть кровью.

Пенфолд отметил место, где его нашли, и Данз пошел с ними, чтобы осмотреть все вокруг. Во время войны многие деревья срубили. Пеньки от них по-прежнему были светлыми, и рядом лежали груды веток. Данз распорядился продолжать поиски. Он хотел, чтобы ветки убрали. Потом он с Пенфолдом пошел поговорить с Эмери Престоном. Они показали ему платок. Пятно было аккуратно завернуто внутрь.

— Вы видели это раньше, мистер Престон?

— Видел? Конечно. Это платок Тилли.

— Вы уверены?

— Увереннее не бывает. У нее был такой. Вот и все, что я могу сказать. Я сам купил его в прошлом году на рождественском базаре. — Эмери смотрел то на одного, то на другого. Он с трудом сглотнул. — Вы еще что-нибудь нашли?

— Больше ничего, мистер Престон, и этот платок еще ничего не значит. Ваша дочь могла обронить его когда угодно, если бродила по лесу.

— Тилли никогда не гуляла, по крайней мере одна.

— Думаю, мы поговорим с мистером Маддоксом, — сказал Данз Пенфолду.

— И про то, когда это случилось! — сказал Эмери. — Я иду с вами.

— Нет, мистер Престон, вы вернетесь домой.

— Я не сдвинусь с места, пока мне не захочется, так что вам придется примириться с этим.

— Как вам будет угодно, — сказал Данз, — но вы не пойдете к Маддоксу.

Когда Линн впустила их, Том сидел за столом, доедая сыр с хлебом. Он немного оттолкнул кресло и положил ногу на ногу. Данз вложил ему в руки платок.

— Мы нашли это в лесу, мистер Маддокс. Можете ли вы что-нибудь сказать об этом?

— Я не знаю, что это. Не вижу. — Том ощупал платок. — Это носовой платок? — спросил он.

— Это дешевый хлопчатобумажный платок, бело-красный с полосой по краю и пятнами

посередине. У вашей жены был такой платок?

— Не знаю. Не помню.

— Мистер Престон сказал, что был.

— Значит, был. Ему лучше знать. Зачем спрашивать меня, если он уже сказал?

— Оказалось, что он запачкан кровью, — сказал Данз. — Это поможет вам вспомнить?

— Это не кровь Тилли, если вы это имеете в виду. Это кровь собаки, которая попала в капкан.

— Значит, вы все же вспомнили этот платок?

— Да, — сказал Том. — Чарли Бейли охотился со своей собакой Шоти на кроликов, и она попала в капкан. Чарли позвал меня на помощь, и я взял этот платок, чтобы перевязать собаке лапу.

— Но его нашли в лесу.

— Шоти, должно быть, стряхнул его.

— Лабораторный анализ покажет, принадлежит кровь собаке или человеку.

— Если на нем есть человеческая кровь, — сказал Том, — то это моя кровь, а не Тилли, потому что Шоти укусил меня, когда я пытался освободить его.

— Мистер Маддокс, — сказал Данз, — я бы хотел, чтобы вы поехали с нами в полицейский участок.

— Зачем? — спросила Линн, встав между ними. — Почему он должен ехать с вами?

— Он не обязан, — ответил Данз. — Я прошу, чтобы он помог следствию.

— А что, если я не поеду? — сказал Том. — Что, если я откажусь?

— Это просто несколько вопросов, мистер Маддокс.

— Почему бы вам не задать эти вопросы здесь?

— Да! Почему не здесь? — воскликнула Линн. — Он слепой и беспомощный. Почему вы хотите забрать его?

— Это обычная процедура, — пояснил Данз. — Отказ может означать неподчинение закону.

— Но вы сказали, что он не обязан!

— Это как в армии, — сказал Том. — Наш командир, бывало, говорил: «Мне нужны добровольцы — вы пятеро мне отлично подойдете!» — Он поднялся и пошел к двери. Нашупал куртку и надел ее. — Я готов, — сказал он и стоял в ожидании.

— Мне можно пойти с ним? — спросила Линн.

— Я бы вам не советовал, — сказал Данз.

— И я тоже! — сказал Том. — Ничего хорошего не выйдет. — Он положил руку на плечо Линн. — Оставайся дома и не волнуйся. Ты должна думать о ребенке — тебе нельзя волноваться. Они привезут меня обратно. Вот увидишь.

— Но когда? Когда? Долго это будет продолжаться, все эти вопросы?

Она смотрела на Данза, и он не решался встретиться с ней взглядом.

— Это зависит от многого. Но мы дадим вам знать, если возникнут затруднения.

— Что вы называете затруднениями? Какие еще могут быть затруднения?

— Пойдемте, мистер Маддокс, — окликнул Тома Данз.

— Я задала вам вопрос! — сказала Линн, идя за ними по дорожке. — Какие затруднения вы имели в виду?

— Линн, пожалуйста! — сказал Том умоляюще. — Не переживай. Ты должна успокоиться!

— Том, я боюсь! Мне кажется, тебе не нужно идти с ними.

— Не бойся. Они ничего мне не сделают. Они просто надеются, что я споткнусь на чем-нибудь. Иди домой и не стой под дождем. Не волнуйся, я обещаю тебе, что все будет хорошо. Но Линн стояла в саду, сжав руки в кулаки в карманах передника, глядя, как они уводят его.

На улице, когда они садились в машину, к ним подошли Престоны.

— Вы арестуете его? — спросил Эмери.

— Нет! — сказал Данз с раздражением. — Он едет в участок по собственной воле, потому что согласился ответить на дальнейшие вопросы.

— Но ведь вы его арестуете, когда приедете туда?

— Пожалуйста, уйдите с дороги и дайте нам проехать.

Они сели в машину и уехали, а Эмери остался, ругаясь. Он поспешил к мотоциклу.

— Поехали, вы, трое. Тут нечего ждать. Метью, можешь подбросить нас до дома сначала, а потом поезжай в Чепсворт в участок. Я хочу знать, что будет дальше.

— Но я еще не обедал!

— Можешь купить себе сандвич, когда приедешь в Чепсворт. Но не забудь, что я тебе велел! Не приходи домой, пока не узнаешь, что они сделают с Томом Маддоксом! — Пока Метью надевал мотоциклетные очки, Эмери смотрел на Линн, все еще стоящую под дождем. — Она должна считать, что ей повезло, что его забрали, пока он не убил ее так же, как нашу Тилли.

Метью нажал на стартер, и двигатель заревел. Они поехали в сторону Хантлипа. В лесу у Скоут-хауса Менор полиция продолжала поиски.

Когда Линн вернулась на кухню, ее поразила пустота. Кресло Тома, стоявшее у окна, его тарелка с несколькими крошками, его пустая чашка, лежавшая на блюде, — все это было похоже на привидения, и она едва могла смотреть на них.

Сев на скамейку, она выпрямилась и заставила себя дышать медленно и глубоко, пока оцепенение не ушло из ее сердца. Ей ужасно хотелось, чтобы отец был сейчас рядом, потому что ей казалось, как всегда казалось в детстве, что он знает, что делать. И это желание было столь велико, что она вскочила и подошла к окну, убежденная, что слышала его шаги на крыльце. Но она ошиблась. Его там не было. Она знала, что теперь ей нужно идти к нему.

Она встала и надела пальто, накинула на голову платок и сунула ноги в калоши. Часы показывали пять минут второго, и она вышла на дождь.

В Коббзе, когда часы на крыше мастерских пробили очередной час, с флюгера слетела ворона, и он начал вертеться под ветром. Джесс стоял у окна в гостиной. Он смотрел, как ворона полетела в сторону Энстера.

— Уже два часа. Мы ужасно опаздываем.

— Жених должен опаздывать. Бабушка так говорит. Так уж положено.

Бетони улыбнулась ему, видя, как он хмурится, глядя на часы. Она подошла и взяла их у него из рук, а потом сунула в карман жилета, где они и должны были лежать. Она сжала его руки в своих, чтобы они не теребили галстук и воротник.

— Только взгляни на дождь! — сказал он ей. — Он меня раздражает до безумия! И зачем только ты выбрала октябрь?

— Сегодня день моего рождения. Мне двадцать четыре. Мне этот день показался таким же хорошим, как и остальные. Что значит капелька дождя?

— Она испортит твоё платье. Вот почему это имеет значение. И где же платье, которое ты собираешься надеть?

— Здесь, под рукой, на спинке стула.

— Я нормально выгляжу в этом новом костюме? У меня пробор прямой? Я хорошо побрился, что скажешь?

Он освободил руки и потрогал волосы, которые были тщательно причесаны и блестели, как солома. Он пощупал подбородок, критически заметив следы щетины.

— Ты очень красивый, — сказала Бетони, — и слишком молодой, чтобы быть моим отцом.

— Церковь будет переполнена. Ты же это понимаешь? Народ все время будет прибывать. Я уже в двенадцать видел их.

— Надеюсь, им хватит места, чтобы сесть.

— Нет, — сказал он, — и не надейся! Многим придется стоять на улице. И даже дождь их не остановит, поверь мне.

Он повернулся к обеденному столу, который раздвинули на всю длину, покрыли белой дамаской скатертью, и он уже ломился от угощения.

— Вот холодная запеченная оленина. Ты видела? Миссис Эндрюс прислала ее вчера. — Он взял ложку и протер о рукав пиджака. — Конечно, — сказал он, — люди будут есть на кухне.

— Ты имеешь в виду работников из мастерской?

— Стол на кухне еще обильнее, чем этот. Твои мать и бабушка очень постарались, и сестра тоже.

— Ты, полагаю, тоже будешь есть на кухне, — ты ведь плотник, как и они? И Дик, и дедушка тоже.

— Только не мы! Нет таких правил! Только не семья невесты! — И отвернувшись от ее дразнящего взгляда, сказал: — Люди будут себя лучше чувствовать в своей компании. Они не очень хорошо будут смотреться среди гостей со стороны капитана и его матери.

— Майкл захочет, чтобы они сидели вместе с нами, — сказала она, — и я тоже.

— Боже мой, только взгляни на часы! Куда мог подеваться этот парень?

— Прошло только пять минут, отец. Постарайся успокоиться и перестань суетиться.

— Очень хорошо, — заворчал Джесс. — Нужно было нанять еще один экипаж. Я же говорил!

Майкл, его мать, дядя с тетей из Илтон Лайя и его лучший друг майор Петер Томас поехали в церковь в экипаже из Кингз-Хилл-хауса с лакеем в ливрее на козлах. Семья Бетони поехала в бричке, и Дик должен был вернуться за невестой и ее отцом.

— Это, наверное, из-за того, что Даффер потерял подкову? — предположил Джесс. — Или даже охромел. В таких случаях это всегда случается.

В задней части дома хлопнула дверь, и Джесс схватил платье Бетони.

— Ну, вот и он! Наконец-то! Лучше поздно, чем никогда. — И когда в комнату вбежал Дик, он спросил: — Боже мой, что ты так долго?

— Том! — вымолвил Дик. — Полиция увезла его в Чепсворт.

— Кто тебе это сказал? — спросила Бетони.

— Я сам видел. Я как раз ехал из церкви, а они проехали мимо. Том сидел на заднем сиденье.

— Ты их остановил спросить, почему?

— Не было возможности, — сказал Дик. — Пока я понял, что происходит, машина уже проехала. Я поехал прямо сюда, но пока стоял там и думал, что делать, подъехали Престоны на мотоцикле. Они, кажется, были в Пайкхаусе все утро и видели, как забрали нашего Тома.

— Они сказали, что его арестовали?

— Нет, они сказали, что не совсем так.

— Бога ради, что они сказали?

— Они сказали, что он получил то, что заслужил. Они сказали, что мы прочитаем обо всем в газетах.

— А что с Линн?

— Осталась дома, — сказал Дик.

— Законы! — сказал Джесс, глядя нетерпеливо на Бетони. — Это должно было случиться именно в день твоей свадьбы! Ну было ли такое невезение когда-нибудь? — Ему казалось, он едва может видеть Дика. Почему у этого парня не хватило ума рассказать об этом после свадьбы?! — Не обращай внимания, моя радость. Постарайся не дать этой неприятности испортить тебе такой день. — Он подошел к ней с платьем.

Бетони уставилась на каминные часы. Голова у нее работала совершенно ясно. Свадебная церемония займет, возможно, полтора часа. Она кончится к четырем. Не так уж долго, сказала она себе, если она уйдет из церкви сразу же после венчания. И все-таки *очень* долго, говорило что-то внутри ее. Она уже решила этот вопрос.

Она мысленно видела лицо Майкла, ждавшего ее в церкви. Казалось, он знает, что она задумала; его серые глаза пристально смотрели на нее, в них было беспокойство; он просил ее прийти. Потом она увидела лицо Тома, его глубокие темные глаза с невидящим взглядом, смотрящие сквозь нее и не просящие ни о чем.

— Давай, радость моя, — сказал Джесс. — Ты уже и так опаздываешь.

— Нет, отец, я не поеду, свадьбу придется отложить.

— Отложить? Ты с ума сошла? Да этого быть не может! Это же ни в какие ворота не лезет!

— Тебе придется поехать в церковь и сказать им. Я отвезу тебя туда по пути в Чепсворт. Но сначала мне нужно пойти переодеться.

— Бетони, нет! — сказал он, встав перед ней и загородив дорогу. — Ты не пойдешь никуда и не сделаешь этого! Только подумай о тех, кто тебя ждет! Подумай о капитане и миссис Эндрюс! Что они скажут?

— Тебе все равно, что будет с Томом?

— Не все равно. Он еще и не этого заслуживает. Но чем ты можешь помочь?

— Должно быть, чем-то, что я могу сделать.

— Ну хорошо, тогда езжай после церемонии. Мы сможем поехать и узнать, в чем дело.

— Нет, отец, я еду сейчас.

— Я тебя не понимаю, — сказал Джесс, идя за ней через зал. — Не понимаю, как ты можешь сделать такое! Да я бы ни в жизнь не поверил! Ты ведь из всех моя самая любимая дочь! — Он продолжал кричать на нее, пока она поднималась по лестнице. — А что, если капитан не простит тебя? На его месте я бы точно не простил! Я не прощу тебя никогда! Ты делаешь из нас посмешище для всей деревни, ты и твой Том.

Когда Бетони снова появилась, уже переодевшись в обычную одежду, отец сидел на нижней ступеньке, а Дик стоял выше и спорил с ним. Лица Джесса она не видела. До этого дня он никогда в жизни так не злился. Она видела, что он совсем разбит.

— Я не пойду в церковь, чтобы сказать им, даже и не думай.

— Значит, вместо тебя пойдет Дики, — решила Бетони.

— Пусть делает что хочет. Я не могу остановить ее. Мои дети со мной не считаются.

— Если ты не пойдешь в церковь, ты можешь сходить в Пайкхаус повидать Линн? Она, наверное, с ума там сходит.

— Только не я. О нет! Эта женщина для меня никто. Я просто остаюсь там, где сижу.

— Поехали, Дик, — сказала Бетони, и он пошел за ней к бричке.

Проезжая по Хантлипу, они миновали кучки толпящихся жителей, которые оборачивались и смотрели вслед проезжавшей бричке. Потом, когда они выехали в поле, она увидела людей, собравшихся во дворе церкви, стоявших под тиссами и буками, прячась от дождя. Колокола звонили вовсю, и потревоженные грачи кружили над башней. Бетони остановилась, чтобы высадить Дика, а потом поехала в сторону Чепсворта.

Линн шла так быстро, как только позволяло ее отяжелевшее тело. Она старалась не дать страху заползти и сердце. От Пайкхауса до Хантлипа было три мили по дороге и еще две с половиной от Хантлипа до Блегга, но идя по тропинке к Мельничному мосту и по старой дороге через Паппет-Хилл, она могла срезать милю.

Теперь дождь лил не переставая. Она была этому даже рада, хотя и промокла насквозь, потому что это значило, что отец точно будет дома, сидя с положенной на табуретку ногой у огня. Он ненавидел сырые дни, так как его больное колено ныло и причиняло ему сильную боль, и только жар от огня мог принести ему какое-то облегчение.

Она так была уверена в том, что отец будет сидеть дома, читая газету и покуривая трубку, что, когда нашла дом Пустым, с минуту стояла пораженная этим. На нее навалилась страшная слабость и злость. Как он может быть где-то, когда он ей так нужен?! Что за дело вытащило его из дома в сырую октябрьскую субботу? Мальчик, гнавший хворостиной птицу с поля, подошел к изгороди и сказал ей:

— Мистер Мерсибрайт уехал в Апхэм. Хозяин послал его посмотреть кабана.

— Он там долго будет, Годвин, ты не знаешь?

— Он сказал, что вернется к шести часам. Он велел мне развести огонь и пообещал угостить чаем, когда приедет. Он обычно угощает меня по субботам.

— Тогда я напишу ему записку, — сказала Линн.

Она вошла в дом и посидела немного, дрожа в промокнутой одежде. Ее тошнило, голова кружилась, ей было жарко и одновременно холодно, и спина болела так, словно позвоночник разламывался надвое. Она подумала о том, чтобы разжечь огонь, обогреться и отдохнуть с часок и даже дожидаться отца, но побоялась, что полицейские могут вернуться в Пайкхаус и привезти Тома и что он будет волноваться, не найдя ее дома. Или, думала она, они могут заехать и сказать, что он арестован. Поэтому она встала, нашла бумагу и карандаш, написала записку, а потом снова вышла под дождь.

Сразу же за фермой на повороте дорожки, там, где она была поуже, ей пришлось отскочить в сторону, чтобы не столкнуться со стадом коров. Они только что спустились с Паппет-Хилл, и пастух, Френк Кендрик, слишком быстро гнал их по тропинке. И хотя Линн прижималась к изгороди, ее несколько раз толкнули, и ей пришлось уцепиться за ветку, чтобы не свалиться на дорожку и не попасть под коровьи копыта. Но вот последний бык проскочил мимо, и показался Френк Кендрик с палкой па плече; собака бежала рядом.

— Чертовы коровы! — сказал он, проходя. — Иногда мне хочется застрелить их.

Правда, я мог бы.

Линн пошла дальше вверх по тропинке на холм. На вершине она остановилась передохнуть, прислонившись спиной к дереву, положив руки на живот, пытаясь успокоить биение внутри него, надеясь, что там все хорошо. Потом, чувствуя, как шевелится ребенок под рукой, она пошла дальше через холм.

Вся земля по дороге вдоль Крикетерз-лейн была усыпана опавшими конскими каштанами, кожура которых растрескалась. Когда она проходила этой дорогой на пути в Блеэг, там не было ни единой души. Сейчас там кто-то ползал на коленках, и полы его пальто волочились по грязи. Хотя ему было уже сорок или даже больше, лицо Джампера Лейна было как у школьника, с розовыми гладкими щеками и маленькими изогнутыми бровями над небесно-голубыми глазами. Он улыбнулся Линн беззубой улыбкой, показывая горы каштанов в карманах пальто.

— Да, Джампер, они очень красивые. Ты будешь очень занят, собирая их все.

— Посмотри на этот! — сказал он и вынул каштан, который был все еще в своей колючей кожуре, надавил на него, чтобы показать ей темный блестящий орех внутри. — Посмотри на этот, открытый, и на *этот*, и на *этот*, и на *этот*!

Он ковылял за ней, постоянно нагибаясь, чтобы подобрать каштаны, а потом подпрыгивал и протягивал их ей.

— Да, они милые, — сказала Линн. — Но мне нужно спешить. Мне нужно идти домой.

— Не нужно спешить. Часы отстают. Остановись и помоги мне собрать каштаны.

— Не сейчас, Джампер, я спешу.

— Ты всегда раньше играла со мной.

— Но не сегодня. Нет времени.

— Если ты не остановишься, я тебя выдам. Я знаю, что ты сделала. Ты такая же плохая, как Элис Куинтон.

И загородив ей дорогу, он стал с вытянутыми в стороны руками, медленно качаясь из стороны в сторону и издавая горлом kloкочущие звуки. Потом, внезапно сжавшись всем телом, он высоко подпрыгнул, выкидывая ноги, словно лезвия складного ножа.

— Нельзя! Ничего не поделаешь! Сделанного не переделаешь!

— Пожалуйста, позволь мне пройти, Джампер, — просила Линн. — Я устала, промокла и хочу домой.

— Нет, пока ты не дашь мне сделать то, что хочу. Я не так прост, как ты думаешь.

— Если ты не дашь мне пройти, я скажу твоей тетушке, миссис Таппер, что ты плохо себя вел. Тебе это не понравится, Джампер?

— Тогда поиграй со мной в каштаны ^[18]. Я привяжу один для тебя.

— Я уже сказала тебе. У меня нет времени.

Она никогда раньше не боялась Джампера Лейна. Кроме ребяческой игривости и похотливости, которой он научился в «Розе и короне», в нем не было ничего опасного. Даже теперь она не испугалась, но не смогла обойти его: она устала так, что на глаза навернулись слезы. Она приложила огромное усилие, чтобы остаться спокойной.

— Послушай, Джампер, как насчет того, чтобы проводить меня до дома полпути? Я пройду недалеко от твоей тетушки. Мы могли бы вместе дойти до моста.

— Хорошо, — согласился он. — Но люди станут болтать всякое. Скажут еще, что это от меня ребенок.

— Не обращай внимания. Болтовня не повредит нам.

— Меня как-то спрашивали, виноват ли я в том, что Элис попала в беду. Но я не скажу. Нет, только не я! Я не такой зеленый, как все думают, не капуста какая-нибудь.

Идя вместе с ней по дорожке, он продолжал подбрасывать ногой каштаны и листья на земле, но время от времени забегал вперед, клал руки на ее правую руку и крепко сжимал ее. Просто ему ужасно нравилось идти рядом с ней.

— У моей тети есть каток для белья, и она дает мне крутить ручку. Она дает мне пенни, если я не кручу ее назад.

— Ты всегда хорошо относишься к своей тете. Я часто слышала, как люди это говорили.

— И все же за мной нужно следить. Я темная лошадка. Джо Уилкс говорит, что я хитрый, как черт. Он бы не оставил меня со своей женой и на пять минут. Он сам так сказал. И она тоже.

— Люди говорят много ерунды.

— Да, да, им нужно рты позашивать! — подхватил Джампер. — Их фонтаны нужно затыкать, вот что я скажу!

Дойдя до ступенек моста, он одним махом перескочил их, немного поскользнувшись в грязи. Линн пошла за ним, медленно и осторожно, и Джампер наблюдал за ней с некоторым недовольством.

— Беда в том, что ты слишком потолстела. Ты толстая, как бочка, вот что я скажу. А теперь давай осторожнее. Вверх и вниз и кругом.

Он взял ее за руку, чтобы помочь ей спуститься, но в тот миг, когда его пальцы сцепились с ее, на него напал приступ игривости.

— Статуи! — крикнул он и потащил ее вниз так, что она упала лицом вниз, сильно ударившись.

Боль была такой, какой она никогда в жизни не испытывала. Она эхом отдавалась у нее в голове и во всем теле, пробегая по каждому нерву. Она думала, что лишится чувств, но лежала на боку в высокой сырой траве, остановив взгляд на листочке, свисавшем дюймах в восемнадцати у ее лица. Она заставила себя думать о нем, сконцентрировав на этом всю волю, вглядываясь до тех пор, пока не стала различать каждую беленькую прожилку, расходящуюся от желтой середины. И через миг все прошло. Но все тело ныло от боли, она шла изнутри, где, словно пружина, в ее чреве лежало дитя. Эта боль делала ее бессильной пошевелиться.

Джампер стоял позади, пытаясь заглянуть ей в лицо, сцепив свои большие неуклюжие руки.

— Я этого не делал! Нет, это не я! Она влезла по ступенькам и свалилась вниз. Джампер не виноват, что она так грохнулась. Его и поблизости не было.

Он побежал прочь, подскакивая на ходу, вдоль Крикетерз-лейн, засовывая руки в карманы и разбрасывая каштаны.

Когда Линн все же поднялась, потихоньку подтягиваясь на руках, он уже скрылся. Бесполезно было звать его на помощь. Теперь он был уже возле фермы, прячась там среди построек. Она немного постояла, держась за перила лестницы, и подождала, пока пройдет слабость и в глазах перестанет рябить. Потом она снова пошла своей дорогой через поле к воротам у Мельничного моста.

Каждый шаг, который она делала, был шагом к дому. Боль не должна была что-то значить. Разумнее было бы, она знала, свернуть в Хантлип и попросить помощи. Если свернуть налево, то это всего в пятидесяти ярдах, но она вздрогнула при мысли обратиться к

незнакомым. В полумиле, если свернуть направо, был Коббз, где ее знали, но там в разгаре было свадебное торжество, и ее приход только испортил бы его. Поэтому она перешла главную дорогу и направилась к лесу.

Но теперь она почувствовала другую боль и остановилась, как бы прислушиваясь к ней, словно неподвижность может как-то ослабить ее. Это была боль совсем другого рода, она шла как бы из-под той, первой боли: внезапный толчок, а потом тошнота. И еще она почувствовала жидкое тепло и поняла, что это отошли воды, защищающие плод.

Но если животные могут задержать появление детеныша без всякого вреда для него, то, значит, могла и она, — ведь ее воля, конечно же, сильнее их. Она пошла дальше так же ровно, как прежде, вверх по склону лесного холма через поля в Пекстоне на Нортонскую дорогу. Когда боль подступала, она останавливалась и стояла неподвижно, вцепившись обеими руками в изгородь, ровно и глубоко дыша. Страх и боль действовали вместе. Если силы оставят ее, они навалятся и она станет похожа на зайца в норе или лисицу, ползущую в свою нору.

— Господи, пожалуйста, — шептала она, — не дай моему ребенку родиться на дороге.

Пайкхаус был таким же пустым, каким она его оставила, и огонь в очаге догорал. Она вынула из ящика шкафа белую простыню, пошла в сад и положила ее на дорожку, придавив камнями. Это был сигнал для миссис Джибс, акушерки, которая жила в доме неподалеку от церкви в Истери. Из Пайкхауса домик не был виден, потому что его скрывали деревья, но если миссис Джибс выйдет во двор церкви и посмотрит вниз, она легко увидит сигнал.

Линн вошла в дом и закрыла дверь. Она разожгла очаг, а потом, так как надвигалась темнота, зажгла лампу с розовым абажуром и поставила ее у окна спальни, выходящего на церковь.

— Боже, пожалуйста, — сказала она, — сделай так, чтобы миссис Джибс вышла во двор церкви.

Она снова спустилась вниз на кухню, чтобы высушить у огня сырую одежду. Теперь приступы боли участились. От страха больше нельзя было избавиться.

Когда Бетони приехала в полицейский участок Чепсворта, она увидела Метью Престона, который сидел в главной комнате.

— Что ты здесь делаешь?

— Отец послал меня. Он велел подождать и посмотреть, что произойдет.

— Твоему отцу еще недостаточно бед, которые он причинил?

— Это не мой отец вызвал неприятности. Это он, Том Маддокс.

— За всю свою жизнь Том никому не причинил вреда.

— Полиция так не считает. Зачем же тогда они привезли его сюда?

— А действительно, зачем? — сказала Бетони.

В комнате за столом сидел сержант в форме, записывая что-то в журнале и одновременно попивая чай. Он перестал писать и посмотрел на Бетони поверх своей чашки.

— Да, мисс?

— Мне хотелось бы знать, за что здесь держат мистера Маддокса.

— А-а-а, — протянул он и, отставив чашку, посмотрел на нее уже с большим интересом. — Вы какая-то родственница этому парню Маддоксу?

— *Мистер* Маддокс мой молочный брат.

— А ваше имя?

— Мисс Бетони Изард.

— Видите ли, мисс Изард, мистер Маддокс здесь затем, чтобы ответить на некоторые вопросы по поводу исчезновения своей жены. Инспектор Данз занимается этим делом, а констебль Пенфолд ему помогает.

— Мне бы хотелось повидать инспектора Данза.

— Боюсь, что в настоящее время это невозможно. Инспектор сейчас с мистером Маддоксом, и ему не понравится, если его побеспокоят.

— Меня это не волнует. Я настаиваю на том, чтобы вы сообщили инспектору, что я здесь. Это очень важно.

— Хорошо, мисс Изард. Я отправлю ему записку, как только смогу.

— Когда это будет? После того, как вы выпьете еще одну чашку чая?

— Если вы изволите присесть...

— Нет, я лучше постою.

Она бродила по комнате, читая бумаги на доске. Участок был большой, недавно построенный. Из дальней части комнаты уходил коридор с пятью дверями на каждой стороне. Некоторое время она наблюдала, как люди входят и выходят, а потом с растущим нетерпением снова подошла к столу.

— У меня на улице пони с бричкой. Если меня тут заставят долго ждать...

— Я отправлю кого-нибудь присмотреть за ними, — сказал сержант и окликнул констебля, шедшего от одной двери к другой. — Симмондз, там на улице стоит бричка с пони. Вы не могли бы отвести их в конюшню?

— Очень вам признательна, — сказала Бетони.

— Так положено, мисс, это наша работа.

— А что, держать человека под стражей, когда он не совершил ничего, чем бы мог заслужить это, тоже положено?

— Мистер Маддокс здесь не под стражей. Он пришел по собственной воле.

— Вы послали записку инспектору Данзу?

— Да, мисс, но вряд ли он сможет принять вас.

— В какой из этих комнат они сейчас?

— В третьей налево, — сказал сержант и посмотрел на Бетони несколько подозрительно. — Вы же не думаете, мисс, зайти туда?

— Я могла бы, — сказала она, — если в ближайшее время не получу ответа.

— Я бы вам не советовал, мисс, это только займет еще больше времени. Почему бы вам не сесть и не подождать терпеливо?

— Мне очень важно повидаться с инспектором Данзом.

Но все же она пошла и села на скамейку. Сидевший рядом Метью Престон внимательно следил за ней.

Часы на стене показывали десять минут четвертого. Она подумала, что они, вероятно, отстают, но через пять минут соборные часы пробили четверть. В двадцать минут пятого из двери в коридоре вышел человек в штатском и остановился, говоря что-то сержанту за столом. Бетони поднялась и подошла к нему.

— Мисс Изард? — спросил он. — Я констебль Пенфолд. Вы, я понял, интересуетесь Томом Маддоксом?

— Как долго вы намерены держать его здесь?

— Это зависит от того, что он нам скажет.

— И что же он уже рассказал вам?

— Не слишком много, — сказал Пенфолд, — но частенько бывает небезынтересно то, что человек, просидевший здесь несколько часов, хочет нам рассказать. У нас есть время подождать, а у него подумать.

— Возможно, если вы держите их здесь достаточно долго, они могут признаться в том, чего вообще не совершали!

— Это вряд ли, мисс Изард. Мы, знаете ли, не занимаемся пытками.

— Тилли сбежала с человеком по имени Тримбл. Почему вы не пытаетесь разыскать его?

— Артур Тримбл, кажется, неуловим.

— Точно! — сказала она. — Потому что у него была связь с Тилли и он не хочет, чтобы его жена узнала об этом.

— Ну, это необязательно. Люди часто путаются непонятно чего. Но, конечно же, может быть, Тримбл действительно имел связь с Тилли и мистера Маддокса это оскорбило. В таком случае, если мотивом была ревность и это будет доказано, его обвинят в непреднамеренном убийстве.

— Не слишком ли вы спешите?

— Я просто теоретически говорю, не более.

— Мистер Пенфолд, — сказала она. — Я хочу видеть инспектора Данза. У меня есть для него кое-что важное.

— Это напрямую связано с делом?

— Это непосредственно касается моего брата. Только это имеет для меня значение. Но это очень важно.

— Хорошо, мисс Изард, я подумаю, что могу сделать для вас.

Пенфолд пошел по коридору в комнату слева. Через минуту он появился с человеком постарше, и они стояли, разговаривая очень тихо и поглядывая в сторону Бетони. Потом они пошли в комнату в самом дальнем конце коридора. Бетони сделала несколько шагов вперед, но сержант вышел из-за стола и встал на ее пути. Она вернулась на свое место у стены, страшно разозленная.

— Тянут время, — сказал ей Метью Престон.

Бетони взглянула на него, но не ответила. Он был абсолютным подобием отца, с темными кудрявыми волосами и грузным телом, и она ненавидела его.

— Разве ты сегодня не собиралась венчаться? Ты что, бросила своего парня ради Тома Маддокса?

— Не говори со мной, — сказала Бетони. — Мне нечего сказать тебе!

Она не позволяла себе думать о Майкле. По крайней мере, не теперь. Такие мысли должны подождать.

Том сидел в комнате, где пахло горячими трубами отопления и полированными полами. Было душно и пыльно, и ему хотелось, чтобы окно открыли пошире, но он не мог решиться сказать об этом. После того как Данз ушел, тишина казалась такой сладостной, что ее нельзя было нарушать, и он сидел на стуле у окна совершенно неподвижно, положив ногу на ногу и скрестив руки на коленях. Голову он повернул так, что доходивший из окна поток воздуха дул ему прямо в лицо, принося с собой запах дождя.

Он знал, что был в комнате не один. В углу сидел констебль и наблюдал за ним. Но пока

тот молчал, Том представлял себе, что его там нет, что комната совершенно пустая, что стены постепенно раздвигаются и исчезают, оставляя вместо себя поля, где дождь проносится ветром, словно дым, и облака низко несутся за дальними холмами.

Немного дальше он увидел Пайкхаус, одиноко стоящий на старой таможенной дороге. Он шел к нему со склона холма в Истери по пустырю под названием Чекс, пробираясь через высокую траву, которая оставляла на его одежде свою пыльцу. Он ходил за покупками в лавку миссис Хест. Он нес муку, сахар, мыло, дрожжи, спички, крупную соль, свечи в сумке через плечо и банку парафина в левой руке. Линн дожидается дрожжей, потому что сегодня суббота и она должна печь хлеб.

Теперь мысленно он увидел уютную кухню в Пайкхаусе, поцарапанный стол и два старых стула, дубовую скамью, буфет и медную решетку вокруг очага. Но было там что-то, заставлявшее его беспокоиться. Он не мог представить себе, что делает Линн. Огонь горел довольно ярко, чайник на крючке закипал, из носика поднимался пар. Весь дом был аккуратным и прибранным; это говорило о том, что Линн минуту назад возилась там, но самой ее не было видно, и он слышал собственный голос, звавший: «Линн! Где ты? Ты наверху?» Но хотя он и прислушивался внимательно, ответа не было.

— Сколько времени? — спросил он отрывисто.

— Половина шестого, — сказал полицейский. — Не хотите ли чашечку чаю?

— Нет, я хотел бы поехать домой, — ответил Том, и когда в комнату вошел инспектор Данз, он выпрямился и повернул голову. — Думаю, вы меня уже довольно долго продержали. Я ответил на ваши вопросы. Мне пора домой.

— Нам всем хотелось бы домой, мистер Маддокс, но у нас есть еще несколько вопросов, которые мне хотелось бы вам задать перед тем, как мы наконец закончим.

— Еще несколько? Или те же самые опять?

— Вы видели свою жену с Артуром Тримблом. Вы пришли и нашли их в своем доме в некотором, так сказать, компрометирующем положении. Так вы сказали, мне кажется, когда я спрашивал вас несколько недель назад?

— Нет, совсем не так! — сказал Том. — Я не говорил ничего подобного!

— Что же вы говорили, мистер Маддокс?

— Я говорил, что видел их. Но не сказал, что зашел в дом. Я не заходил. Я ушел прочь.

— Вы имеете в виду, что следили за ними, а они не знали?

— Ненамеренно, просто так вышло.

— Что они делали, когда вы их увидели?

— Она провожала его до ворот. Он обнимал ее за шею. Они казались большими приятелями.

— Это, должно быть, вас разозлило.

— Нет, — сказал Том, — к тому времени я уже не злился.

— Но вы злились вначале?

— Когда я узнал, что она лжет насчет ребенка, меня это страшно разозлило. Я даже мог бы ее ударить.

— Вполне естественно, я думаю. Любой бы чувствовал то же самое. Но когда вы ударили жену, мистер Маддокс, что конкретно вы использовали? Молоток? Палку? Каминные щипцы?

— Я ничего не использовал! — сказал Том.

— Просто голыми руками, вы хотите сказать?

— Нет. Я ее вообще не трогал.

— Может быть, вы хотели только шлепнуть ее? Так, слегка, ладонью. Или слегка толкнули, так что она упала и ударилась головой?

— Сдается, что вы пытаетесь меня запутать. Вы наслушались этих историй о моем отце.

— Это случилось дома или вы уговорили ее пойти погулять по лесу?

— Хватит вопросов! — сказал Том. — Вы задаете те же самые снова и снова. Больше я ничего не скажу, даже если вы будете делать это до самого судебного дня.

— У вас, разумеется, было достаточно времени, — сказал Данз, — чтобы решить, какую историю нам рассказать.

Он выдвинул из-под стола стул и сел напротив Тома. Потом открыл папку и достал несколько бумаг.

— Это о трибунале, когда вы были в армии.

— Да? Что там? — спросил Том.

— Вас обвинили в отказе подчиниться приказу. Вы были признаны виновным и получили пять дней штрафного батальона.

— Вам лучше знать. Вы выясняли это.

— Что это был за приказ, которому вы отказались подчиниться?

— Там что, не написано?

— Деталей немного. Даже в военном суде, кажется, не спросили, что это был за приказ.

— Конечно. Это их не устраивало.

— Каков был приказ, мистер Маддокс?

— Меня назначили в команду для расстрела.

— Что заставило вас отказаться? Расстройство желудка?

— Я не гожусь для расстрела своих же товарищей. У них не было права назначать меня. Им это было известно.

— А как насчет сержантов, мистер Маддокс? Вы одобряли их убийство? Точнее, одного сержанта, по имени Таунчерч? Из-за которого вы пострадали, я так понимаю?

— Я и еще несколько человек.

— Его смертельно ранили в спину, хотя он был лицом к врагу. И умирая, этот человек сделал определенные заявления. Так мне сказали в Кэплтоне.

— Я никогда не убивал его, если вы это хотите сказать. Это был более чем очевидный несчастный случай.

— Несчастный случай! Можно поверить.

— Такие вещи случаются, — сказал Том. — Я ослеп от британского снаряда, но не скажешь, что это было сделано умышленно.

— Вы неважно выглядите, — сказал Данз. — Вам нехорошо?

— Со мной все в порядке. Интересно, в чем еще вы собираетесь обвинить меня?

— И все же вы плохо выглядите. Может, вам хотелось бы чайку?

— Мне хотелось бы вернуться домой, — сказал Том. — Это все, чего я хочу. Я просто хочу, чтобы меня отвезли домой.

За дверями комнаты послышался внезапный шум: стук в дверь и громкие голоса, потом женский голос поверх остальных. Данз встал и быстро вышел. Том сидел, прислушиваясь к голосам, которые медленно замолкали. Полицейский, сидевший в углу, встал в дверях. В голове у Тома было пусто, как в снарядной гильзе, и обычное ощущение покалывания началось в затылке. Возможно, это были нелепые фантазии, но он мог поклясться, что в

коридоре он слышал голос Бетони.

Бетони и Данз стояли лицом к лицу в маленькой комнате с зарешеченными окнами. Они были совершенно одни.

— Ну, мисс Изард, вы прорвались, так что же такое важное вы хотите нам сообщить?

— Мой брат больной человек. Вы не должны его здесь держать, и я приехала, чтобы забрать его домой.

— Больной человек? Вы это о его слепоте?

— Не только об этом. Том был тяжело контужен на войне, и у него сильная мозговая травма. Врачи, осматривавшие его в прошлом феврале, сказали, что он проживет не больше года. Слишком сильное напряжение ему вредно и может даже намного сократить его жизнь.

— Понятно, — сказал Данз. — А сам он это знает?

— Нет, и не должен! — крикнула Бетони в сильном возбуждении.

— Не волнуйтесь, мисс Изард, — сказал он. — Мы тут не чудовища, знаете ли.

— Вы можете проверить мои слова, позвонив в Нортон доктору Дандесу.

— Может, я так и поступлю, но пока что хочу верить вашему слову.

— Значит, я могу забрать его домой?

Но до того, как он успел ответить, Пенфолд постучал и заглянул в комнату, помахивая листком бумаги. Данз извинился и вышел.

— Это заключение эксперта о том платке, — сказал Пенфолд. — Кровь принадлежит животному, совершенно точно, так что теперь нам остается только немного нажать на Маддокса. Не так ли?

— У меня уже нет желания пытаться, — сказал Данз.

— Думаете, он невиновен, сэр?

— Не знаю. Во всяком случае, у меня такое чувство. Его нелегко расколоть.

— И еще кое-что, — сказал Пенфолд. — Блекмор вернулся из Скоута. Он говорит, что уже слишком темно, чтобы можно было разглядеть что-то. Он готов держать пари и поставить последний пенни, что в этом лесу больше ничего не найдешь.

— Это все решает. Скажу его сестре, что может забирать его домой.

Спустя несколько минут Том с Бетони шли по коридору к выходу. Метью Престон встал со своего места. Он проводил их взглядом и крикнул Данзу:

— Вы его отпускаете? Моему отцу это не понравится! Я думал, вы собираетесь арестовать его за убийство.

— Против вашего шурина нет никаких доказательств и улик, — ответил Данз, — и можете передать отцу, что я это сказал.

— Я ему все передам, но он этого так не оставит! Он просто крышу разнесет, когда узнает!

Метью выбежал на улицу, оставив стеклянную дверь болтающейся, и было слышно, как он уехал на своем мотоцикле. Когда Бетони вышла, ведя Тома по ступеням, пони с бричкой уже стояли на дороге, и полицейский, ждавший их, зажег оба фонаря. Небо было совсем темное, но дождик пошел немного сильнее.

— Хорошо пахнет, — сказал Том, когда они отъехали. — Я думал, что задохнусь там. — Немного погодя он сказал: — Не понимаю, что же с твоей свадьбой. Не понимаю.

— Это совершенно ясно, — сказала Бетони. — Ее отложили на другой день. Такие вещи иногда случаются, знаешь ли. В этом нет ничего невероятного.

Пока они ехали домой, сумерки стали ночью, хотя было не позже шести часов. Том молчал, сидя сгорбившись позади нее, и когда бы она ни обернулась посмотреть на него, лицо его в свете фонарей выглядело усталым, а глаза беспокойными.

— Ты в порядке? — спросила она однажды.

— Совершенно, — сказал он отрывисто.

— Мне показалось, ты выглядишь уставшим.

— Я думал о Линн. Она там одна все это время. Она вся изведется.

— Теперь уже недолго. Мы почти уже в Хантлипе. Только что проехали Стедворт Милл.

На мосту Картер, там, где дорога пересекала изгиб ручья Деррент, сквозь пелену дождя мерцал огонек, и, подъехав поближе, Бетони увидела, что на мосту стоит человек, раскачивая фонарь.

— Что там? — взволнованно спросил Том, когда пони замедлил шаг.

— Кто-то с фонарем, не знаю кто.

Бетони остановилась и тут же пожалела об этом, потому что из темноты выступило еще четыре человека, и она поняла, кто это был. Человек с фонарем был Харри Йелленд, который был когда-то «помолвлен» с Тилли Престон. Остальные были Эмери и трое его сыновей. Они выбрали отличное место для засады. Ближайший дом был в полумиле.

— Это Йелленд и Престоны, — пояснила Бетони Тому. — Мы на мосту Картер, а они преградили нам дорогу.

— Ты можешь проехать мимо них?

— Нет. Теперь уже поздно.

Она немного проехала вперед, на мост, надеясь, что Престоны расступятся перед ней, но Эмери схватил пони за уздечку и дернул так, что тот остановился. Бетони вынула кнут.

— Разойдитесь и дайте проехать, не то пожалеете, обещаю вам.

— Это он пожалеет, который позади тебя. Он убил Тилли.

— Полиция отпустила его домой, потому что против него нет ни единой улики. Если они удовлетворены, то почему же вам этого не достаточно?

— Потому что я знаю Тома Маддокса лучше, чем они. Я знаю, из какой он семейки, отец его был убийцей, и всем это известно. А старая поговорка гласит: «Каков отец, таков и сын».

— Если это правда, мы все были бы убийцами, — сказала Бетони, — потому что приходим от Каина.

— Мне некогда тратить время на споры. Отдай нам этого парня и можешь ехать домой.

— Вы что, поставили себя выше закона?

— Он, может, и обманул полицию, но когда я за него возьмусь, он мне скажет всю правду, уж будь уверена.

— Я уже сказал правду! — крикнул Том. — Сказал и не собираюсь менять сказанное!

— Может, ты оттуда слезешь? — закричал Йелленд. — Вместо того чтобы прятаться за женщиной!

— Он слепой! — возмутилась Бетони. — У вас пропало чувство жалости?

— Мы знаем, что он слепой, — сказал Эмери, — но это не значит, что он не должен отвечать за убийство.

— Вы не дотронетесь до моего брата, пока не будете сначала иметь дело со мной!

— Тебе ничего не будет, потому что ты женщина, но если ты будешь нам мешать, то

сама будешь виновата, если и тебе достанется.

Эмери сошел с моста и подошел к повозке. Он попытался взобраться на колесо. Бетони ударила его хлыстом, и он упал, ругаясь, закрывая глаза одной рукой. Она схватила поводья и попыталась отъехать, но на место отца встал Метью и тянул пони за уздечку. Пони стал пританцовывать, белые искры сыпались из-под подков, царапавших гладкие камни моста. Элфи Престон ударился коленом, а его брата-близнеца Виктора зажало между колесом тележки и парапетом.

Харри Йелленд поставил на землю фонарь и поднял камень из кучки, сложенной у него под ногами. Он занес руку, и камень пролетел совсем близко от лица Бетони. Том, сидевший позади нее, вскрикнул от боли, и когда она повернулась к нему, то увидела, что левый висок потемнел от крови. В тот же миг Эмери Престон снова зашел спереди, но на этот раз, когда Бетони замахнулась на него кнутом, он ухватился за него и вырвал кнут у нее из рук.

— Ну, теперь держитесь! — прорычал он. — С меня достаточно! Слезай с брички, Маддокс, или тебе же будет хуже, потому что я уже теряю терпение!

Подходя к бричке, он поигрывал кнутом в правой руке. Похоже было, что он собирается испробовать его на Томе. Но вдруг раздался щелчок ружейного выстрела, который заставил пони снова вздыбиться, но от этого пятеро нападавших замерли. Пуля пронеслась где-то в ветвях ивы у них над головами, и в наступившей тишине на землю упало несколько дробинок, словно еще несколько тяжелых капель дождя. Потом донесся голос, и на мост вышел Джек Мерсибрайт, неся в руке фонарь. Обрез лежал у него на сгибе локтя, из ствола поднимался дымок. Джек повернулся к Харри Йелленду.

— Отойти от брички, и вы все тоже, или он получит заряд в живот. И поскорее! Без глупостей! У меня сегодня был такой денек, что я как раз в настроении убить кого-нибудь, и вы мне подойдете.

— Это не твоего ума дело! — заорал Эмери. — Нам надо разобраться с Маддоксом, и к тебе это не относится!

— Ну хватит, — сказал Джек. — Прочь с дороги, не то Йелленд получит пулю.

Его мокрое бородатое лицо было хмурым и свирепым. Они поняли, что он сделает так, как сказал. Эмери смотал кнут и бросил его Бетони на колени. Он махнул сыновьям отойти от брички и увел их с моста, подняв фонарь по пути. Йелленд пошел следом, и все пятеро остановились на краю дороги, глядя, как Джек влезает в повозку.

Бетони дернула поводья, и пони потянул повозку по мосту. Когда они проезжали мимо, Эмери шагнул вперед, но при виде нацеленного на него обреза отступил и выместил свой гнев на каменном парапете, ударяя его кулаками.

— Мы до тебя доберемся, Том Маддокс, даже если нам придется долго ждать! Ни один убийца еще не ушел безнаказанным. Запомни, твое преступление тебя настигнет.

— Не обращай внимания, — посоветовал Джек, приглядываясь к нему. — Ты в порядке, парень? Похоже, тебе попали по голове.

— Я в порядке, — ответил Том. — Просто хочу поскорее к Линн.

— Теперь уже недолго, — сказал Джек.

— А как случилось, что вы пришли как раз сейчас? — спросила Бетони через плечо.

— Я получил записку от Линн, вот как. Она написала, что Тома забрали, так что я решил пойти в полицию в Чепсворт, как она просила.

— С обрезом? — сказала Бетони.

— Я видел, как Престоны вывалились из «Розы и короны» и рассудил, что они

собираются выкинуть какой-то фокус. Так что Том пошел к Билли Рейчету и одолжил у него обрез.

Том, ссутулившийся под дождем, чувствовал, как течет кровь из раны, струясь по щеке. Он вытер ее носовым платком. Рана болела не сильно, но вся голова гудела, особенно в затылке.

— Как Линн удалось послать эту записку?

— Она сама принесла ее, — сказал Джек. — Годвин видел ее.

— Что, пешком прошла всю дорогу?! — воскликнул Том и зарычал, ударив кулаком о кулак и сжав их между коленями. — Но ведь я велел ей не выходить из дома! Она не может ходить так далеко! А вдруг ей стало плохо на обратном пути? А вдруг она теперь потеряет ребенка?! — И вдруг из глубины тьмы и беспомощности он закричал дрожащим голосом: — Бога ради, Бетони, отвези меня домой!

Бетони хлестнула маленького пони, и они поехали быстрее сквозь кусающий дождь.

— Все хорошо, — сказала она, когда они наконец увидели Пайкхаус. — Все хорошо, Том, в окне горит свет, она, должно быть, там.

В Пайкхаусе на кухне миссис Джибс сняла свой грязный фартук, завернула его в газету и убрала в кожаную сумку. Она услышала звук подъезжающей брички и стояла, прислушиваясь. Потом подошла к двери и широко распахнула ее.

— Боже мой! — сказала она, увидев кровь у Тома. — Это ведь не полиция такое сделала?

— Миссис Джибс! Почему вы здесь? Где Линн?

— Линн в порядке. Так же, как и ваш маленький сын. Они оба себя отлично чувствуют. И теперь заслуженно отдыхают. Садись, парень, у тебя такой вид, будто это ты рожал.

— Нет-нет, — сказал Том. — Я хочу ее видеть.

— Незачем ходить туда, когда с тебя капает. Да еще и голова вся в крови.

— Конечно, он не пойдет, — сказала Бетони. Она повела его к ярко пылавшему огню. — Минута-другая уже не имеют значения. Тебе нужно высушить одежду.

Он снял шапку, куртку и заляпанную кровью рубашку, и миссис Джибс их забрала. Она повесила ему на шею полотенце.

— Вы уверены, что она в порядке? — спросил он. — Вы от меня ничего не скрываете?

— Честное слово, — сказала миссис Джибс, коснувшись его руки.

— Как давно малыш появился?

— Полчаса назад или около того, и если бы он появился немного раньше, то мог бы родиться между Пайкхаусом и Блеггом.

— Вы уверены, что она ничего не повредила себе?

— Она приложила все силы, но с ней все будет в порядке, я тебе обещаю.

— Может, нам вызвать врача?

— Да, — сказал Джек. — Поеду привезу его.

— На всякий случай можно, — согласилась миссис Джибс. — Доктора Дандеса из Нортон. Второй дом от почты.

— Скажите ему, что это срочно, — попросил Том.

— Я его привезу, не волнуйтесь, — сказал Джек, и за ним закрылась дверь.

Миссис Джибс высушила у огня рубашку. Она отдала ее Тому, и он оделся. Он весь дрожал, и пальцы едва могли застегнуть пуговицы. Ей пришлось помогать ему. Бетони

принесла воду и смыла кровь с виска. Он перенес это молча, едва понимая, что она делает. Он заправил рубашку в брюки и провел рукой по волосам.

— Я достаточно опрятный? Теперь мне можно к ней подняться?

— Иди, — сказала миссис Джибс, — а я приду через минуту и покажу тебе малыша.

Линн лежала в маленькой спальне. Ей казалось, что она больше никогда не встанет. Рядом в плетеной кровати лежал малыш — что-то похожее на куклу под одеялами, и только темное пятнышко волос выглядывало наружу. Она слышала голоса на кухне, и когда Том поднялся в спальню, повернулась к нему, вытянув руку.

— Ты поранил голову, — сказала она слабым голосом.

— Несчастный случай, — сказал Том. Ему не хотелось рассказывать ей о Престолах. —

Ударился о низкую балку.

— Ты бледный и выглядишь ужасно. Они не имели права держать тебя так долго.

— Жаль, я не могу видеть, как ты выглядишь после такого дня.

— Мне не так уж плохо. Миссис Джибс просто чудесная. Она сказала тебе, что у нас сын?

— Да, я о нем слышал. Он здесь, рядом с тобой? Ему нравится кровать, которую я сделал?

— Говори, — попросила она. — Кажется, он услышал твой голос и слушает тебя. Он поворачивает голову туда-сюда.

— Правда? — сказал Том и ошупью пошел к колыбели. — Как ты считаешь, он знает, что я его отец?

Когда он дотронулся до одеял, которыми был укрыт его сын, и почувствовал, как шевелится теплое тельце, такое маленькое, что-то подкатило к горлу, и у него перехватило дыхание. До сих пор малыш был просто частью Линн, частью их общей жизни, чем-то, что заставляло его переживать за нее. А теперь, когда он шевелился под одеялами и Том чувствовал его тепло под своими ладонями, его форму и то, как он дергался, пробуя силу своих маленьких ног и рук, он знал, что у малыша своя жизнь, свое сердце и душа и своя упрямая воля, свое место под солнцем.

— Возьми его, — сказала Линн. — Он ведь твой сын.

— Я боюсь, — признался он. — Я ведь не вижу и могу сделать ему больно.

Лестница заскрипела, и в комнату вошла миссис Джибс. Она взяла малыша из кровати и положила на руки Тома. И теперь, держа на руках это теплое существо, с такой удивительной силой толкавшее его своими маленькими ручками и сопящее ему в лицо, Том стоял, чувствуя, что он и его маленький сын были одни вместе в темноте. Наедине, как единая плоть. Но прямо в самом сердце этой темноты возникала солнечная картинка.

— Я вижу тебя, — шептал он. — Я вижу тебя, малыш, летним днем после дождя, тянущего руки к дикой розе у изгороди, и ты смеешься совсем как твоя мать, потому что тебе на лицо упало несколько капель дождя.

Миссис Джибс взяла малыша и положила снова в кровать. Том повернулся к Линн и сел, зажав ее ладони в своих.

— Твой отец был здесь. Ты слышала? Он поехал за доктором Дандесом.

— Да, слышала.

— Ты меня не послушалась, да? Ушла из дома и прошла столько миль до фермы. Мне страшно, когда я думаю, что ты прошла весь этот путь.

— Отец пришел и забрал тебя домой?

— Это сделала Бетони. Она отложила свадьбу, поверишь ли? Не знаю, что она сказала полицейским, но они отпустили меня, как бы то ни было. А потом по дороге домой мы подобрали твоего отца.

Том почувствовал рядом миссис Джибс. Она трогала его за плечо.

— Мы должны дать ей отдохнуть. Доктор еще не скоро приедет. Ты можешь прийти еще через часок-другой. Я тут посижу, пока она спит.

— Думаю, это правильно, — сказал Том. — Я тут гогочу, как старый гусь.

Он поднялся со стула и наклонился поцеловать Линн в лоб. Ее пальцы коснулись его лица. Он повернулся и пошел на кухню.

— Как она? — спросила Бетони.

— Говорит, что в порядке. И миссис Джибс, кажется, не волнуется за нее. Как бы то ни было, скоро здесь будет доктор Дандес.

— Как малыш?

— Он просто шедевр, правда! Думаю, они скоро дадут тебе посмотреть на него.

— Сядь сюда, — сказала Бетони. — Я хочу промыть тебе лоб как следует.

— Хорошо. — Он сел на край кресла-качалки, выпрямившись и зажав руки между коленями. Он думал о своем малыше. — Может, он будет плотником, как и я. Может, его возьмут в Коббз. — И через некоторое время сказал: — Как ты думаешь, ему не понравится, что у него отец слепой, как сова?

— Нет, я уверена, все будет хорошо.

Бетони заметила глубокую рану, смыв запекшуюся кровь.

— Мне это совсем не нравится, Том. Рана просто ужасная.

— Смешно, но я совсем ничего не чувствую. Я почувствовал что-то, когда в меня попал камень. Я думал, что рассыплюсь на кусочки. Но больше ничего не чувствую. — Он протянул руку и потрогал рану кончиками пальцев. — Ничего, — сказал он, надавив. — У меня просто голова онемела, вот и все.

— Совсем онемела, говоришь?

— Почти вся.

— Поскорее бы доктор пришел! — сказала она. — Он уже должен быть здесь.

— Может, он еще куда-то ушел. Может, Джеку придется подождать. Ты беспокоишься за Линн?

— Меня больше беспокоит эта рана.

— Я же тебе сказал, ничего страшного. Я даже не чувствую ее. Я немного одуревший, но уже привык.

— Думаю, тебе нужно отдохнуть.

— Может ли отдыхать человек, минуту назад ставший отцом?

— Ты же провел столько времени на допросе в полиции.

— Ничего, — сказал он, а немного погодя добавил: — Я не убивал Тилли, Бет, это правда, и Бог тому свидетель.

— Я ни минуты не сомневалась.

— Хоть бы она появилась и положила всему этому конец. Я не хочу, чтобы мой сын вырос в мире, где люди говорят, что его отец убийца.

— Прислонись к спинке и отдохни, — сказала Бетони. Ее беспокоила и пугала его бледность. — Откинься в кресле и расслабься.

— Хорошо, — сказал он, откинув голову на подушку, висевшую на спинке кресла. — Я немного устал, теперь, когда подумал об этом.

Бетони приподняла его ноги и подставила под них табуретку. Потом принесла одеяло и укрыла его до самого подбородка.

— Поспи, если сможешь. Тебе будет лучше. Линн с малышом в хороших руках.

— Мы собираемся назвать его Роберт, знаешь, в честь Боба Ньюэза, моего приятеля в армии. Мы хотели просить тебя быть его крестной матерью.

— Я бы рассердилась, если бы вы попросили кого-то другого!

Бетони обошла кухню: свернула салфетки, сушившиеся над огнем, сняла чайник с крючка, поставила заварной чайник на каминную полку подогреть. Лампа на столе слишком коптила. Она подошла и прикрутила фитиль. Потом взяла ножницы и старую газету и села, постелив ее на колени. Она стала делать жгутики из скрученной бумаги, аккуратно разрезая и сворачивая ее совершенно беззвучно.

— Я знаю, что ты делаешь, — сказал Том. — Ты сворачиваешь жгутики.

— Верно, я заметила, что их почти не осталось.

— Это всегда было твоим любимым занятием, еще когда ты была маленькой девочкой. Ты никому больше не разрешала их делать. Никто не мог сделать их как следует.

Он легко представил ее себе за этим детским занятием, и мысль об этом почему-то заставила его улыбнуться. Он сидел в кресле, закутанный в одеяло, жар от очага дышал ему в лицо, и он мог почувствовать сладкий запах старой яблони, горящей в нем. Но медленно мир начал ускользать. Картинка в его мозгу таяла. Его невидящие глаза сами по себе закрылись. И так как он действительно устал, смерть пришла к нему тайком, во сне, поэтому он выдал себя только тем, что продолжал улыбаться.

— Майкла здесь нет, — ответила миссис Эндрюс. — Этим утром он уехал в Лондон и вечер проведет с майором Томасом. Завтра он отплывает в Южную Африку.

— Надолго? — спросила Бетони.

— Может быть, он решит остаться там насовсем. Если так, то, вероятно, я тоже присоединюсь к нему. Но если он вдруг решит вернуться в Англию, то предпочтет больше не встречаться с вами. Он просил меня передать это вам.

— Да, я поняла. В таком случае, мне кажется, что это нужно оставить у вас. — Бетони сняла с пальца кольцо и положила его на столик. — Я пришла, как только смогла, — сказала она, — но, кажется, я опоздала.

— Не имеет ни малейшего значения, когда вы пришли. Он бы не захотел вас видеть.

— Мне жаль, что ему так горько.

— Правда? Я в этом очень сомневаюсь, Бетони. Вы никогда не любили Майкла. Я всегда это знала, с самого начала. — Миссис Эндрюс была непреклонна. — Вы никогда бы не поступили так, если бы любили его.

Годовщина окончания войны была холодной и пасмурной. Резкий ветер гулял в буках и березах на церковном дворе, и на собравшихся там людей упало несколько сухих снежинок. Памятник жертвам войны, высеченный из куска гранита, привезенного из Спрингз-Хилла, был в форме кельтского креста, стоящего на грубо отесанном пьедестале во дворе церкви. Хантлип отдал тридцать шесть жизней. Имена погибших были выбиты с трех сторон камня. Некоторые повторялись дважды или трижды. Хейворд. Изард. Мастоу. Уилкс.

— Тридцать шесть молодых мужчин, — сказал священник в конце своего обращения, — чье мужество и самопожертвование будут жить вечно.

Две минуты длилось молчание, и люди стояли неподвижно, склонив головы. Во многих сердцах эта тишина будет длиться долго. Но головы поднялись снова, когда запели гимн, и тонкие голоса окрепли, поднимаясь вокруг креста, потому что пели вместе. Поющие люди поднимали головы и смотрели вверх, и холодный ветер высушивал слезы на их лицах.

Идя домой по деревне после церемонии, Дик сказал:

— Имя Тома по праву должно быть на этом камне, вместе со всеми.

— Да, вероятно, — согласилась Бетони.

Они с Диком шли рядом с отцом. Остальные члены семьи шли позади. Джесс смотрел прямо перед собой. Ему было трудно говорить.

— Никаких «вероятно». Дик прав. Том отдал свою жизнь за короля и родину, как и Роджер, и Вильям.

Бетони взяла отца за руку.

На следующий день она провела три часа в Чепсворт-паркс, где все инвалиды прикрепили зеленые веточки к одежде в честь своих погибших товарищей. В тот день пришло много помощников: всех, кто передвигался в креслах-каталках, вывезли в парк, у всех лежачих было с кем поговорить, и несколько леди объединились для того, чтобы устроить вечером концерт.

— У нас просто море помощников сейчас, — сказал Бетони суперинтендант. — День поминовения заставил их вспомнить, конечно же. Но к концу недели этот поток схлынет, и мы снова останемся без рук.

— Может быть, — сказала она, — я смогу помочь, если буду приходить чаще.

По дороге домой она остановилась у нового памятника в Чепсворте. Это была фигура рядового с перевязанной головой без каски. Он стоял, держа винтовку перед собой: приклад на земле, ствол зажат в руках; солдат смотрел в землю, словно его пригнула усталость. Ступеньки вокруг монумента были заставлены лавровыми венками.

Когда Бетони вышла за церковную ограду, мимо нее прошла колонна мужчин, у каждого на спине и на груди висели плакаты: «Мы принимаем пожертвования, но нам нужна работа». «Таких, как мы, сотни», «Старые солдаты не умирают — они исчезают от голода!» Один из этих людей, увидев Бетони, которая отошла от памятника, крикнул ей:

— Мертвых помнят! Это о нас, живых, забыли!

Потягивая мадеру в гостиной у викария, Бетони легко догадалась, почему он, мистер Уиздом, вызвал ее. Мисс Эмили Лайкнесс, бывшая директором школы в Хантлипе уже сорок три с половиной года, уходила, хотя и неохотно, на пенсию по состоянию здоровья.

— Я правильно полагаю, что после всего этого вы уже не выйдете замуж за капитана Эндрюса? — спросил викарий.

— Совершенно верно, — сказала Бетони.

— Мне очень жаль, Бетони, что все так вышло.

— Спасибо, вы очень добры.

— И я подумал, в связи с переменяющимися обстоятельствами, что вы могли бы занять место мисс Лайкнесс на посту директора школы. Более подходящей кандидатуры я не могу придумать. Мисс Лайкнесс, в свою очередь, надеется, что вы согласитесь. Но вам, конечно, необязательно давать ответ уже сегодня. Вы, вероятно, захотите обдумать.

— Да, — сказала Бетони, — но, скорее всего, ответ будет положительный.

Когда она уходила, викарий сказал:

— В деревне ходят слухи, что Тилли Престон видели в Ворвике. Как думаете, это правда?

— Да, правда. Джереми Рай видел ее в одном баре за стойкой. Она живет там уже несколько месяцев как жена хозяина заведения.

— Почему же она так и не объявилась тогда? Она наверняка видела плакаты.

— Джереми спросил ее. Она утверждала, что ничего не знала об этом.

— Я никогда не сомневался, что твой брат невиновен.

— Я тоже, — сказала Бетони.

Ее сестра Джени болела гриппом. Теперь она выздоравливала и, сидя в постели, ела

виноград, который привезла Бетони.

— Ты получала что-нибудь от Майкла?

— Ни слова.

— Мама говорит, что уже не будет никакой свадьбы, но...

— Да, мама права. Майкл уехал за границу. Он больше не хочет меня видеть.

— Бетони! Ты уверена?

— Не расстраивайся. Я не огорчаюсь. Мне почему-то кажется, что так и должно было случиться.

— Но что же ты будешь *делать*? — спросила Джени. Она просто не могла представить себе жизнь без мужа и троих детей. Она не могла представить себе такой пустоты. — Что же тебе *делать*?

Бетони улыбнулась. Она думала о школе, в которой скоро станет директором и что у нее на попечении будет больше сотни ребятишек. Она думала об инвалидах в Чепсворт-парке, которым нужна помощь, и о тех людях с серыми лицами, которых она видела на улице, у которых нет работы. И еще она думала о Линн Мерсибрайт и ее маленьком сыне, оставшемся без отца.

— Всегда найдется куча дел, Джени. Вопрос только в том, с чего начать.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам

notes

Здесь и далее перевод стихотворных отрывков Н. Ораф.

Паб — пивная, трактир. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

Томми — прозвище английских солдат.

Джери — германский солдат.

Лиддит — взрывчатое вещество.

Килт — юбка шотландского горца.

Типперари — город в Ирландии. «До Типперари путь не близкий» — популярная песня времен первой мировой войны.

Здесь — земляная насыпь, защищающая от огня противника с флангов или с тыла.

Дорога между Лондоном и Бристолем.

Бош — во Франции бранное прозвище немцев.

Как? (*φρ.*)

Это улей для пчел (*фр.*)

Лайми — прозвище англичан.

Да здравствует победа! (фр.)

После войны! (фр.)

Известный вальс Йоганна Штрауса.

Товарищ (*нем.*).

Игра в каштаны заключается в том, чтобы привязанным на ниточку каштаном разбить каштан противника.